

12+

**Литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Учредители:

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ КБР
ПО ПЕЧАТИ
И МАССОВЫМ
КОММУНИКАЦИЯМ
ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ КБР»

Главный редактор – ХАСАН ТХАЗЕПЛОВ

Редакционная коллегия:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Беппаев
Адам Гутов
Виктор Котляров
Владимир Мамишев (отв. сек.)
Светлана Моттаева
Анжела Мусукаева
Анатолий Парпара (Москва)
Александр Пряжников (Ростов)
Тахир Толгуров
Юрий Тхагазитов
Андрей Хакушев
Мухамед Хафицэ

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Нина Емузова
Мурат Карданов
Алибек Мирзоев
Замир Мисроков
Пшикан Семенов
Хаути Сохроков
Пшикан Таов
Аминат Уянаева
Руслан Фиров
Феликс Хараев
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсоев

4. 2016 ИЮЛЬ – АВГУСТ

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АДАМА ШОГЕНЦУКОВА

Адам Шогенцуков

От редакции

Если свои убеждения можно проводить в массы публицистическими обращениями, – и это является оружием повседневности, и в нем нуждаются все или почти все, – то объясниться посредством стихотворчества сложнее. В нем столько образов и картин, философии человеческого бытия, глубоких раздумий на важнейшую тему современности, связанную непосредственно с сохранением мира на нашей планете, душевных и жизненных коллизий лирических героев... Но естественно льющияся строки поэтов находят живой отклик в миллионах сердец, формируя в общественном сознании некий вдохновляющий облик, всегда имеющий свою индивидуальность, – как и колея жизни, по которой идет поэт, следуя своему предназначению: объединять людские души верой и ощущением себя человеком среди людей, делаясь своими радостями и заботами. И для этого мало быть только профессиональным мастером слова, искусным творцом, надо – прежде всего – быть человеческим.

Сказано, что поэты – дети Набата. И поэтому восприимчивость поэта, его беспокойный ум призывают к созерцанию и осмыслению всего, что являет ему окружающий мир. Чувство причастности ко всему зиждется на человеческой солидарности, обладая насыщенным и цельным поэтическим содержанием, оно может и должно быть тождественным чувству любви, которое сопровождает поэта всю жизнь, становится формой выражения борьбы за жизнь.

Чтобы обрести все то, что составляет сущность мира, нужно иметь мужество слить воедино предметы и понятия, краски и формы, эпохи и страны, любовь и ненависть, и все это совместить с реальным миром, который предстоит преобразовать, находясь между добром и злом.

Вот здесь поэт с душевной целостностью, сохраняя в себе божественное, возлагает на себя ношу вечности, выдерживая непрерывный напор бытия.

Такую ношу носил в себе человек с большой буквы, незабвенный Адам Огурлиевич Шогенцуков.

*Еще, по-юношески пламеня,
Не умолкает в сердце песнь моя,
Еще не знаю, что мне делать с нею,
С неутоленной жаждой бытия.*

Он – один из самых известных кабардинских поэтов, принесший в литературу свой интересный образный мир, неповторимый голос и интонацию. Шогенцуков – блестящий стилист, знаток кабардинского народного языка и устного творчества, поэт и писатель с большим жизненным и литературным

опытом. Он внес много интересного в развитие новой кабардинской лирики и жанра повести.

Адама Шогенцукова всегда отличишь по культуре словоупотребления, по яркой образности поэтического мышления.

Вступив на литературное поприще в предвоенные годы, Адам Шогенцуков прошел трудный путь развития от первых неумелых стихотворений до образно яркой и актуальной в лучшем смысле слова лирики. Много творческих трудностей пришлось преодолевать ему на пути к поэзии.

Адам Огурлиевич Шогенцуков родился в 1916 году в сел. Старая Крепость Баксанского р-на КБР, умер в 1995 году в Нальчике, – поэт, прозаик, драматург, публицист. Начальную школу окончил в родном селе, а с 1930 по 1936 гг. учился в Нальчикском педтехникуме, совмещая учебу с преподаванием кабардинского языка. Одновременно увлекался рисованием, спортом, альпинизмом. После победы на конкурсе его рекомендовали в Ленинградскую академию художеств, учебу в которой он оставил по состоянию здоровья; был чемпионом Кабардино-Балкарии по национальной борьбе и штанге, призером по спортивной гимнастике и акробатике; поднимался на вершины Эльбруса, Ушбы.

Еще подростком начал писать стихи, в 1939 г. за цикл стихов принят в члены Союза писателей СССР. После окончания в июле 1940 г. КБГПИ работал завучем и директором средней школы. С ноября 1941 г. и до окончания Великой Отечественной войны сражался на различных фронтах, прошел боевой путь от предгорий Кавказа до Праги, Будапешта и Вены. В марте 1944 г. вступил в ряды КПСС.

После демобилизации работал старшим научным сотрудником КНИИ, занимался изучением фольклора, в частности, цикла нартских сказаний о Со-сруко. Затем преподавал в КГПИ, с 1954 по 1956 гг. был министром культуры республики. С 1958 по 1960 гг. учился на высших курсах в Литературном институте им. М. Горького, был редактором журнала «Юашхъэмахуэ», двадцать лет возглавлял Союз писателей КБР. Адам Огурлиевич являлся депутатом Верховного Совета КБАССР, членом правления Союза писателей СССР, вел активную работу в ряде общественных организаций. За заслуги в годы войны и в развитии литературы был награжден многими орденами и медалями; ему присвоено почетное звание «Народный поэт Кабардино-Балкарии».

Поэзия занимала большое место в его творчестве на протяжении всей жизни. Тематика стихов Адама Шогенцукова многообразна. Не чужда поэту и медитативная лирика, в ней он размышляет о роли человека на земле, смысле его существования, о феномене времени как вечности и мгновения, о неутолимой жажде бытия, о великой силе сострадания, любви. Он рисует разные ее варианты: любовь-благость, любовь-страсть, любовь-боль, любовь-откровение.

Без преувеличения можно сказать, что Шогенцуков – певец труда. Он воспеваает эту важнейшую для него категорию жизни и, в первую очередь, труд на земле. Образ цветущего, ухоженного сада – один из самых частых и привлекательных образов в его поэзии.

Проза Адама Огурлиевича представлена детской повестью «Уэлбанэ дыгъз» («Солнце перед ненастьем», 1964), повествующей о взаимоотношениях детей и взрослых, вопросах дружбы, чести, верности; рассказами «Встреча», «Погожая осень», «Ложь без ног», «Обида Куны» и др.) и тремя повестями «Софият и гъатхэр» («Весна Софият», 1955), «Уи цІр фІсшыщ» («Назову тво-

им именем», 1970) и «Щхьэгъубжэ нэху» («Светлое окно», 1984). Последние сыграли заметную роль в становлении и развитии жанра повести в адыгской литературе.

Всем повестям Шогенцукова присуща и четкая идейная направленность. Его герои включены в жизнь советского государства, занимают активную позицию, разделяют общественные идеалы, понимая их как служение людям, честный труд, приверженность добру.

Интересна и многообразна публицистика писателя. В журналах и газетах им опубликованы десятки очерков и статей. Главным образом они делятся на мемуарную, социально-политическую и литературно-критическую публицистику.

Цифры и факты:

А. О. Шогенцуков является автором более 20 книг поэзии и прозы, изданных на родном языке. Лучшие произведения поэта переведены на русский и другие языки народов СССР и изданы отдельными книгами. Они также переведены и изданы на французском, немецком, польском, чешском, словацком, турецком, арабском, китайском, японском языках.

А. О. Шогенцуков – лауреат Государственной премии КБАССР, литературных премий журналов «Знамя» и «Огонёк».

Поэт награждён орденами Отечественной войны первой степени, Красной Звезды, Дружбы народов, двумя орденами Красного Знамени, «Знак Почёта», двенадцатью боевыми и трудовыми медалями.

* * *

Дорогой товарищ Адам!

Замечательную Вашу повесть «Весна Софият» прочитал с большим удовольствием. Она полна поэзии и трогательной сердечности. Вы в ней спели чудесную песню о труде и его величии.

Александр Фадеев

1955 г.

* * *

Адама Шогенцукова я знаю с 1939 года, как поэта и превосходного альпиниста. Не раз я ходил с ним по горным тропам Кабардино-Балкарии. Особенно запомнился переход из Нижнего Баксана к верховьям Чегема. Адам рассказывал о покорителях Ошхамахо – горы счастья, как называют кабардинцы Эльбрус, и читал свои стихи на родном языке. Кабардинского языка я не знал, но слушал звучание его стихов увлечённо. Привлекали они строгой ритмичностью и музыкальной выразительностью.

Сегодня Адам Шогенцуков предстал перед всесоюзным читателем – в «Советском писателе» впервые издана его книга стихов на русском языке. Книга эта полна подлинной поэзии. В основе большинства стихов Адама Шогенцукова лежат достоверность жизненных явлений, профессиональное знание предмета, о котором он пишет.

Высокая человечность, доброта, проникновенное осмысление жизни – неприменная черта стихов Адама Шогенцукова.

Николай Тихонов

1959 г.

* * *

В своих стихах Адам Шогенцуков всегда современен и национален. Его стихи лаконичны, конкретны. В них высокий эмоциональный накал и глубокая мысль.

Сергей Смирнов

* * *

Только поэт заботливого сердца и высокого таланта мог написать такие стихи, как «Некрасивая девчонка», «Сосна», «Берёза над ущельем», «Благоухает сад».

Э. Казакевич

* * *

Адам Шогенцуков – один из лучших лириков Северного Кавказа – проникновенно и ярко воспеваает труд людей. Поэт заморожен разнообразием людских деяний. А сонеты и поэтические миниатюры А. Шогенцукова занимают особое место в многонациональной советской поэзии.

Сергей Михалков

* * *

Дорогой Адам!

Большое спасибо за книгу Тебе, мой друг, доставившую мне высокое эстетическое наслаждение! Книга полна высокой, обогащённой глубокой философской мыслью, поэзией и безграничной любовью к людям, к земле.

Михайло Стельмах

* * *

С большим интересом знакомилась мы с Вашим творчеством на кафедре советской литературы Софийского университета. Студентка Тамара Елфимова написала дипломную работу по Вашей повести «Весна Софийт». Вы истинный поэт и в стихах, и в прозе. Поэт глубокой мысли и яркого живописания.

Семион Русакиев,

профессор Софийского университета

* * *

Тонкий, изящный поэт, передающий в своих лирических произведениях сложное движение чувств, он в повестях предпочитает последовательную прозаическую точность повествования, полноту психологической и бытовой характеристики.

Иосиф Гринберг,

доктор филологических наук, критик

* * *

Язык, на котором пишет свои книги кабардинец Адам Шогенцуков, принадлежит к абхазо-адыгской группе кавказских языков. Адыги и черкесы понимают произведения Шогенцукова и без перевода. С абхазами и абазинами дело обстоит несколько иначе, но и они одними из первых узнали о повести «Весна Софият». Помню, с какой читательской радостью брала эту книгу в библиотеках абхазская молодёжь. Ей суждено было выйти на широкий простор: её перевели на многие языки народов нашей страны и за границей.

Адам Шогенцуков живёт в Нальчике, среди своих родных гор, где чувствует себя, как рыба в воде, а точнее – как орёл над вершинами. Помню, много лет назад мы с Адамом и Алимом Кешоковым взбирались на склоны Эльбруса. Впереди нас по крутому склону шёл, срезая длинные зигзаги тропы, Константин Симонов. Я уже дышал, что называется, во весь рот, судорожно глотая воздух. А кабардинцы шагали, не торопясь, очень уверенно, как по гладкому асфальту городской улицы.

Есть многое от этой уверенности и в литературной деятельности Адама Шогенцукова: от всего написанного им, как и от суждений о писательском труде, веет достойной уважения основательностью. Он пишет много – книгу за книгой. Каждая из них посвящена родной республике, родному народу и его молодой поросли – вступающим в жизнь юношам и девушкам.

Адам Шогенцуков знает цену жизни: не раз во время войны он стоял под пулями, был храбр, как истый горец. Во имя любви к солнцу над горами, к нашей великой Родине поэт и воин рисковал самым высшим даром природы – жизнью. Через все свои книги пронёс он эту любовь, выразив её простыми, но очень проникновенными словами.

Георгий Гулиа

ДУБНА И КАБАРДА

С кабардинским поэтом Адамом Шогенцуковым мне довелось как-то побывать у крупнейших наших учёных-физиков в подмосковном городе Дубна. Поэт прибыл для того, чтобы посмотреть на знаменитый синхрофазатрон, почитать своим новым друзьям стихи. Он с этого и начал выступление на литературном вечере в Доме учёных Дубны. Никогда не забуду, как он представился собравшимся:

– Хоть вы меня и не знаете, разрешите прежде всего передать всем вам привет от кабардинского народа и сказать вам несколько слов о моей родине. Большинство из вас, сидящих в зале, никогда не бывали в Кабарде. Что же собой представляет эта страна? Каков её характер?

Если вас застанет в горах непогода и встречный путник будет долго и подробно объяснять вам, как добраться до ближайшего селения, – значит, вы в Кабарде.

Если вы будете в знойный летний день идти по крутой горной тропе и незнакомый человек вынесет вам кувшин холодной молодой махсымы, – значит, вы в Кабарде.

Если вы заночуете в незнакомом вам доме и хозяин, провожая вас утром в дальнейший путь, отдаст вам свой посох и заставит взять с собой «на всякий

случай» свёрток с провизией на целую неделю вперёд, – значит, вы идёте по дорогам Кабарды.

Если вы пожелаете в гости к поэту и он посвятит вам лучшие свои стихи, – значит, вы в гостях у человека, пишущего на языке кабардинцев.

Сегодня я у вас в гостях, но вы стихов не сочиняете, поэтому позвольте мне выполнить обычай моего народа и посвятить вам моё новое стихотворение.

И Адам Шогенцуков прочитал собравшимся стихи о подмосковных берёзках, от света которых так светло в Дубне, В России, во всём мире...

Отвечал поэту читатель, слова которого тоже надолго останутся в памяти тех, кто участвовал тогда в этой встрече:

– Когда к нам приезжают такие поэты, каждому из нас хочется тоже заговорить стихами, хотя мы, действительно, стихов не пишем. И всё-таки я прочту вам одно стихотворение. Его написал поэт, который видит наши берёзки и нас всех в первый, но не последний раз.

Он прочёл замершему залу, улыбающемуся гостю стихи... Адама Шогенцукова в отличном переводе работника местной газеты. Так Дубна и Кабарда поговорили друг с другом в этот чудесный вечер на языке поэзии.

*Виктор Тельпугов
1959 г.*

ТАКОЙ БЛИЗКИЙ ЭЛЬБРУС

Адам Шогенцуков наш гид. Он рассказывает нам легенду о далёком ущелье, узкой чёрточкой виднеющемся вдали, потом следует целая повесть о географии хребтов и ледоломов, об Азау и Донгуз-Оруне, о горных селениях и их жителях, мужественных людях. Горы, горы...

Больше всего поэт Адам Шогенцуков говорит о «психологии» гор. Когда на читательских конференциях Адаму задают вопрос о хобби, о непреходящем увлечении, поэт односложно отвечает: «Альпинизм». Адам Шогенцуков – альпинист. Исходил многие кавказские вершины, знаком с голубыми ледниками, купающимися «в мёртвой тишине», и с коварными трещинами, и с лавинами. Альпинистские приюты не раз укрывали поэта от непогоды. Несколько лет назад он водил по приэльбрусским моренам Константина Симонова, а в фильме «Лунный камень» дублировал артиста на восхождении в ситуации, надо прямо сказать, «пиковой» – его герой шёл по высотному гребню, потом, не удержавшись на неровном зубчатом острие, сорвался в пропасть.

– Страшно было?

– Конечно, – говорит Шогенцуков. – Страх – ужасное чувство, ничего не скажешь, но преодолимое.

– Собираетесь написать что-нибудь о горах?

– Я всё время пишу о горах и горцах.

В. Поволяев

МАКИ НА СНЕГУ

Сборник Адама Шогенцукова «Предгрозье» открывает не известные доселе грани дарования кабардинского поэта, мастера, прославленного в родном

краю и достаточно хорошо знакомого русскому читателю. Адам Шогенцуков – поэт философского склада, пытливо всматривающийся в окружающее, стремящийся осмыслить связь времён и явлений. Образ, созданный художником, редко бывает однолинейным. Как правило, он таит немало ассоциаций, наталкивает на размышления.

Прочтёшь об упрямо багровеющих в снегу маках, цветущих вопреки бурю, когда всё живое, кажется, застыло от леденящего дыхания мороза, и не забудешь о них. Останутся в памяти и образы солнца, которому хочется погреться у людей, или изнемогающей от зноя земли, которую обманула прелевшая стороной гроза. В стихах Шогенцукова предстаёт мир, открытый взором поэта, – своеобразный, живой, динамичный. На листьях крыжовника задержались капли дождя, и поэт умеет разглядеть в них будущие ягоды, что «упадут, и лягут, и щедро капли напитают сад, и возродятся в виде новых ягод».

*М. Муравкин
1967 г.*

ДОРОГА ВОСХОЖДЕНИЯ

Поэзии народов Северного Кавказа свойственен какой-то особый динамизм, насыщенная народной мудростью конкретность тем и образов. Один из ярчайших представителей этой, постоянно обращённой к опыту сердца лирики – кабардинский поэт Адам Шогенцуков. Даже в стихах, где, казалось бы, мораль должна восторжествовать над живым веществом стиха, Шогенцуков умеет находить ту лирическую равнодействующую, которая придаёт слову и поэтической убедительность, и человеческое тепло.

О чём бы ни писал Адам Шогенцуков – о седом Баксане, озвученном горным эхом, о солдатской ли памяти, о дальних ли странах, где ему пришлось побывать, или о родном ауле, откуда началась его любовь ко всей земле и людям – всё равно он пишет о жизни, разбуженной биением сердца. Вот почему главная забота шогенцуковской поэзии – сам человек с его трудным мужеством и любовью. В ней сливается в одно целое и память сердца, и глубокая озабоченность судьбами мира. Память его действенная, он проверяет своё настоящее прошлым, новую боль – старой, новую радость – былой. К прошлому поэт не возвращается. Просто оно с ним вместе всегда. И пусть тяжесть его обременительна порою, но зато и радости сколько! Радость Адама Шогенцукова сродни молодости. Это и определяет оптимистический настрой его лирики, когда даже творчество даётся как бы в награду за трудный опыт жизни и пера. Все заботы уязвлённого радостью и печалью мужественного сердца и составляют движущую силу и характер поэзии Адама Шогенцукова.

*Владимир Цыбин
1976 г.*

КНИГА В НАШЕЙ ЖИЗНИ

В большом строгом кабинете приятная прохлада, хотя за окнами царит раскаленный кавказский полдень, и нальчикские тополя, кажется, задремали на сухом солнцепеке. Адам Шогенцуков рассказывает о дорогом для него че-

ловеке. Али Шогенцуков! Это имя знают не только в Кабардино-Балкарии. Страстный просветитель и агитатор, журналист, руководитель республиканской писательской организации, – сколько свершений и событий вместились в его короткую – чуть больше сорока лет – жизнь, трагически оборвавшуюся в фашистском концлагере в суровом 1941 году...

«Али Шогенцуков пробудил во мне стремление к творчеству, любовь к книге, желание постичь тайны искусства, – говорит Адам Огурлиевич. – Простыми словами о простых вещах он говорил так, что чувствовалась красота слова, строчки... А какие у него были рифмы! Рифмовались не только окончания строк, но и слова внутри них – как повторяются петли серпантина горной дороги. Все в его стихах пело, звенело, играло... Получив такой «толчок», я обратился и к русской поэзии – прежде всего к Некрасову... А потом узнал Пушкина, Толстого, Тургенева, Маяковского, Блока, Есенина... И, конечно, особой любовью на всю жизнь полюбил Лермонтова. Я шел из аула в горы и там, глядя на седые главы Эльбруса, читал лермонтовское: «У Казбека с Шат-горою был великий спор» или «С поля битвы кабардинец, кабардинец удалой...».

С 1936 года начал я собирать библиотеку, где, кстати сказать, большое место было уделено альбомам репродукций и книгам о художниках, – поэт на минуту умолкает, задумывается. – С этим тоже связана целая история. Как-то на базаре по случаю купил альбом, где в картинках были воспроизведены последние годы жизни Льва Николаевича Толстого, и буквально влюбился в эту книгу, помогавшую мне понять великого писателя.

Одна из самых ценных для меня книг в моей библиотеке – «Молодая гвардия» с надписью Александра Фадеева. В 1955 году на пленуме правления Союза писателей СССР я встретился с Александром Фадеевым. Он вспоминал, как у нас в Нальчике работал над романом «Разгром». Увидев у меня в руках папку с рукописью, Фадеев поинтересовался, что в ней. Я объяснил, что там находится подстрочный перевод моей новой повести «Весна Софият». Александр Александрович попросил дать ему рукопись для ознакомления. Каково же было мое удивление, когда среди ночи – было, вероятно, часа три – мне в гостиницу позвонил Фадеев и сказал, чтобы я немедленно приехал к нему в Переделкино. Я, разумеется, помчался. Александр Александрович долго беседовал со мной, много лестного высказал о «Весне Софият». А кое за что дружески покриковал. Он говорил: надо поскорей сделать художественный перевод и издать повесть на русском...

– Есть на моих полках, – продолжает Адам Огурлиевич, – и книги на грузинском, армянском, азербайджанском и других языках, и рядом с ними – стихи поэтов Кавказа, которые я переводил на кабардинский... А связь с Украиной – это целая глава моей жизни. Напомню вам, что здесь, под Нальчиком, провела свои последние годы замечательная украинская писательница, крестница Тараса Григорьевича Шевченко, Марко Вовчок. Уже после войны мне пришлось участвовать в организации музея в счастливо сохранившемся домике писательницы. А после – принимать в нем гостей с Украины. Воевать мне тоже довелось на Украине... А кто, скажите, у нас на Кавказе не помнит, что сто тридцать лет назад гениальный Тарас Шевченко написал поэму «Кавказ», проникнутую братской любовью к народам нашего горного края?! Горжусь тем, что я переводил на кабардинский язык творения Тараса Шевченко и Леси

Украинки, что многие годы поддерживаю дружеские связи с поэтами и учеными Советской Украины...»

Конечно, Адам Огурлиевич скромно умолчал о еще одной полке его библиотеки: полке, где выстроились написанные им стихи и поэмы, рассказы и пьесы на родном кабардинском языке, многочисленные их переводы на языки братских республик. «Высокогорная тропа дружбы», как писал Адам Шогенцуков в одном из своих стихотворений, пролегла и через эти аккуратные стеллажи, где любовно собираются книги, в доме, где они создаются...

Лазарь Шерешевский
1978 г.

ДРУГ ВОСХОЖДЕНИЯ

Я искал в своих маршрутах по Кабарде и Балкарии того, кто сумел бы словом передать обаяние гор и долин, красоту души своих земляков. И нашёл. Сегодня я открываю сборники стихов Адама Шогенцукова, и он как бы берёт меня за руку и по горным ступеням строк ведёт на свою песенную вершину.

Он пишет публицистические стихи, рассказывает о дружбе народов, передаёт драматические ситуации нашего времени и жизни европейских стран. Но большинство стихов – о родной стране. В поэтической летописи поэта – Россия, Украина, Белоруссия, Грузия, Абхазия, Карелия.

Если говорить о гуманизме Адама Шогенцукова, то необходимо обратиться к его лирике. Многообразны её настроения – от радости встречи до грусти разлуки. Но главное для поэта – устремлённость к добру, подлинность чувств, нравственная их основа. В стихотворении «Лишь для взгляда» он развёртывает характерное для него противопоставление подлинного и мнимого, любви и увлечённости, духовного и внешнего. Он говорит эффектной, но пустой красавице: «Но блеск твой, он сердца не тронет, лишь взгляд за тобой поведёт».

Народная традиция роднит Адама Шогенцукова с другими поэтами Кавказа. Поэтому не случайны в его книгах посвящения Расулу Гамзатову, Кайсыну Кулиеву, Алимю Кешокову. Закономерно и посвящение Николаю Тихонову, который был преданным другом Кабардино-Балкарии. Именно молодой Адам был его проводником в горах Приэльбрусья в предвоенные годы. Давние те маршруты отзываются в новых стихах: гул лавин, рокот Баксана, голос друга...

«Для восхожденья в этот мир приходит человек», – говорит Адам Шогенцуков. Восхождение как олицетворение жизненного пути раскрывается им вдохновенно и многогранно.

Владислав Шошин
1979 г.

СОЛНЦА ВЕЧЕРНИЙ СВЕТ

Творчеству народного поэта Кабардино-Балкарии Адама Шогенцукова присущи точность инструментовки стиха, высокий эмоциональный накал. «Он спину мою никогда не согнёт, груз прожитых лет, он не в тягость, я годы несу, их не чувствуя гнёт», – пишет уже не молодой, но активно действующий автор.

И мы воочию видим, как кипит и бунтует в тугих артериях строчек и строф горячая кровь поэта. «Натянуты туго поводья. Несусь я. И сердце в седле. А конь лишь глазами поводит и мчится по щедрой земле. Вечернее солнце – за логом. Укрылись туманом леса... Дорога, прямая дорога, я верен тебе...»

Широкий простор раскрывается в этой начертанной твёрдой рукою художника чёткой картине, полной мыслей и красок. Вчитайтесь, прислушайтесь! Представьте себе этот вечерний путь. И вы услышите пронзительный свист скалистого ветра, серебряный звон стремян, храп тонконового скакуна с влитым в седло всадником.

Листая страницы книг поэта, мы как бы поднимаемся на вершину, и нас, как добрых старых друзей, обнимает Кавказ с его покрытыми ледниковой глазурью хребтами, туманами оленьих и турьих лесов, стремнинами бешеных рек и водопадов, с фиолетовой акварельной гаммой альпийских лесов.

Герои Адама Шогенцукова – рудокопы, виноградари, пастухи – люди целеустремлённые, волевые. Они, как Жамбот и Бица, как внук Жамбота Хадис из поэмы «Право на счастье», хлебороб Мурат из поэмы «Ушедшая волна», по горским обычаям, «не любит говорить открыто о тайных чувствах». Психология таких людей целомудренна и не тронута червоточиной лжи, ханжества и лицемерия. Преодолевая в поисках истины подчас очень сложные, неожиданно возникающие преграды, они, в конечном итоге, добиваются желаемого и, как Хадис, становятся прямее и красивее даже внешне. В целом, поэмы Адама Шогенцукова заслуживают самого пристального внимания, так много в них острых сюжетных коллизий, неожиданных обертонов строфики, глубокого познания жизни.

*Лев Кондырев
1980 г.*

ПОЭТ С БЕРЕГОВ БАКСАНА

В первый послевоенный период мотивы войны сливаются в поэзии Адама Шогенцукова с центральной проблематикой его творчества – поэтизацией созидательного труда, понимаемого как основная, извечная моральная категория, как главный стержень бытия человека. Более того, подобное понимание труда формирует мировоззрение людей, их взаимоотношения вплоть до интимнейших чувств симпатий, антипатий, любви и т. п. Вот почему взятые в целом многие новеллы в стихах и поэмы («Высокий огонь», «Пора первого цветенья») как бы восполняют своеобразный вакуум в кабардинской литературе тех лет, когда, к примеру, проза, за некоторыми исключениями, весьма робко обращалась к современной проблематике в аспекте становления человека в трудовом процессе. Повествовательная лирика Шогенцукова звучала для его земляков как нечто давно знакомое и в то же время непривычно поэтическое, проникнутое ощущением повседневности в её динамике и многоцветных переливах. Немудреные случаи и происшествия (вроде рождения жеребенка в колхозном дворе или появления в селе образованного бухгалтера) перемежаются здесь с внешними приметамы родного края, с реалиями национальной истории и быта народа, с чертами индивидуального облика самого рассказчика – страстного поклонника света и тепла в отношениях между людьми. А вот появлению лирического героя как личности и характера, воплощающего ход времени в его наглядной обоб-

ценности, предшествовали долгие поиски и процесс накопления жизненного опыта. Не сразу обрел этот герой активное житетворческое начало, не легко ему открылись дальние горизонты современного мира. Но проходили годы, и если поэзия Северного Кавказа, как и вся горская литература, в её постоянном движении включает «родные» мотивы в общую симфонию, то, думается, в этом немалая заслуга и Адама Шогенцукова, который, обогащая национальную духовную культуру нашего времени, создает произведения, способные вызвать ответные чувства у людей независимо от их национальной принадлежности.

Попытки воплотить богатство внутреннего мира человека в разных измерениях и аспектах приводят к напряженной динамике стиховой ткани и вместе с тем к той композиционной завершенности, которая свойственна, скажем, сонету, впервые введенному в кабардинскую поэзию Адамом Шогенцуковым. Сонеты Адама Шогенцукова убедительно демонстрируют устремленность сегодняшней нашей поэзии к постижению самих основ бытия, ее способность решать национально неповторимыми средствами сложные социально-нравственные проблемы времени. В них открывается удивительно богатый, яркий и возвышенный мир людей, которые как бы заново переживают трудный и противоречивый путь к простым и нетленным истинам, добытым отцами, но обогащенным уже новым мирозерцанием...

Обращение Адама Шогенцукова к сонету отчетливо выражает стремление поэта показать интенсивную духовную жизнь современника, глубоко понять, осмыслить мир, найти нравственные пути разрешения множества проблем, волнующих общество. В литературно-творческом же плане следует сказать, что для языков, изобразительные возможности которых нелегко приспособить для адекватного выражения сложных психологических нюансов, обращение к новым для них формам и жанрам нередко таит эстетическое открытие.

Нечто подобное, вероятно, и имел в виду Адам Шогенцуков, берясь за непривычную для всей адыгской поэзии сонетную форму, пусть не «классическую», а «свободную», – в данном случае важно, что и такая форма дисциплинирует поэтическое мышление, заставляя говорить о важном и серьезном немногословно и ярко. При этом надо учесть, что Адам Шогенцуков – лирик песенного склада, не чуждающийся фольклорных мотивов, – таким он воспринимался долгое время и критикой и читателями. Теперь для характеристики его индивидуальной манеры такое определение уже недостаточно. Сонеты и все так называемые медитативные стихи показывают, что очень часто он прибегает к аналитической манере письма, когда личные, субъективные размышления и оценки приобретают вполне объективную форму «всеобщности», типичности. В биографии его лирического героя нас привлекают именно неповторимые, присущие определенному поколению черты и переживания. В своеобразных стихотворных сценах раннего периода поэт выводил реальных персонажей, с преимуществами им суждениями и представлениями о жизни. Теперь поэт отдает предпочтение чаще всего образам-символам, «двойному» плану, когда сам образ в своей динамике рождает некие обобщающе-смысловые черты.

Человек тонкой наблюдательности, увлекающийся живописью и музыкой, Шогенцуков в то же время неистощимый рассказчик. Он в подробностях знает прошлое и настоящее родного края, так как рано увлекся его историей и фольклором. Он участвовал во многих экспедициях по сбору и изучению фольклора, преподавал в пединституте, много ездил по нашей стране и за ее рубежи. Все

это не могло не отразиться на его творчестве. В активе поэта не только стихи и поэмы, но и очерки и рассказы, темпераментная публицистика и статьи на литературные темы. Поэзия для него – это отражение человеческих чувств, это радость и печаль, душевные взлеты и спады; это вся жизнь с ее светлым ликом и горькими противоречиями, устранению которых способствует его поэтическое слово.

*Мухарби Сокуров
1981 г.*

ДОРОГИ МУЖЕСТВА И ДОБРА

Адам Шогенцуков, человек необычайного трудолюбия, удивительной доброты и скромности, вынес из горнила жизни светлые, солнечные краски и сделал их достоянием поэзии. Поэзия А. Шогенцукова всеми своими корнями связана с родной Кабардино-Балкарией. Он её певец и глашатай. Поэт живёт её делами и планами, мыслями и чаяниями. Он взял в свои стихи легенды и предания народа, художественные образы и краски, пословицы и поговорки. Сколько в его стихах звуков, мелодий, красок родного края! Здесь и зеркальный блеск ледников, горных вершин, и разноцветье альпийских лугов, и шум бурных водопадов, и пение лесных птиц. Мудрые по мысли и ёмкие по содержанию стихи вобрали широкую гамму звуков и разнообразие красок.

В книге «Дороги» встречаются интересные, запоминающиеся находки свежих эпитетов, выразительных метафор, достоверных сравнений. Это настоящая поэтическая образность. Например, А. Шогенцуков говорит: «К роднику красоты я спешил по тропе укрощённых желаний», «По низинам ветер бродит росный, нахлобучив шапку темноты». Или: «Как злые львы, гривастые потоки кидаются, чтоб загородить мне путь», «Серпантин, нависшим во мгле, завивается лента дороги», «Летит метель, потряхивая гривой». И таких метких сравнений, поэтических открытий в книге немало.

*М. Добрынин
1982 г.*

КАК ПАХАРЬ И ВОИН

В своём творчестве народный поэт Кабардино-Балкарии Адам Шогенцуков во многом опирается на песню. Верность песне, своему призванию... Отсюда рождается чувство «упоённости вышиной». И – чувство защищённости: поющий имеет и точку опоры, и верный ориентир. А при этом даже утраты и потери могут обернуться поэтическими обретениями. Песня врачует, даёт ощущение полноты жизни.

О многом на жизненных путях успел подумать и сказать поэт. Его истины – не только вехи, расставленные вдоль обочины, но и сама дорога. Множество образов дороги у Адама Шогенцукова говорит об одном: о движении навстречу жизни. Недаром для поэта как бы само собой разумеется: писать только о том, что перечувствовал, чего достиг, и словом, и делом утолять «страсть первооткрытий». И стихи Шогенцукова о любви – тоже всегда дорога крутых испытаний.

Шогенцуков одним из первых ввел сонет в северокавказский поэтический обиход, чутко уловив схожесть задач сонета и исконной восточной формы стихов-раздумий. «Скрещивание» оказалось плодотворным, о чем свидетельствуют не только стихи самого Шогенцукова, но и многих современных северокавказских авторов, широко использующих сейчас сонет. Интересно разрабатывает А. Шогенцуков и издавна популярный на Кавказе жанр лирической миниатюры. Даже в подобном мгновенном отклике на окружающее ощутима глубина обобщения, присущая всей поэзии Адама Шогенцукова.

Ирина Шевелёва
1983 г.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО АДАМУ ШОГЕНЦУКОВУ

Дорогой Адам!

В связи с твоим семидесятилетием я получил лестное предложение вашей республиканской газеты «высказать несколько слов» о «народном поэте Кабардино-Балкарии Адаме Шогенцукове». Но случилось так, что с предложением редакции я познакомился столь поздно, что и отвечать неловко и промолчать стыдно. Вот я и решил написать тебе дружеское послание. Правда, оно не уложится в «несколько слов». И пишу его не потому, что лучше поздно... Нет, на памяти у меня другое, наше горское речение: и запоздалая благодарность – не укор. А благодарить тебя твоим читателям и друзьям есть за что.

Знаю, ни у кабардинцев, ни у осетин не считается ни мудростью, ни достоинством говорить на людях (как, впрочем, и наедине) о своих дружеских и братских чувствах. Но думаю, что своим посланием я не нарушу эту нравственную заповедь наших предков. Ведь поэт – не частное лицо. А звание народного поэта, – если брать чисто нравственный смысл того высокого понятия, – по моему разумению, предполагает сердечную, интеллектуальную и деятельную открытость поэта всему родному народу. Открытость не только художническую, но и человеческую или биографическую. И в таком случае поэт принадлежит народу не только как творческая личность, но со всеми

своими привязанностями. И если поэту довелось быть в духовном родстве и братстве с людьми других краев и языков, то и эти его сердечные привязи есть нравственное добро, наследуемое народом. Утаивать такое добро в запасниках души нет, по-моему, никакого смысла.

Вот и признаюсь, что мне крупно повезло в жизни – долгие годы мне светит в любую непогоду дружество со многими писателями Кабардино-Балкарии. И это братство для меня было столь важным нравственным обретением, что давно уже не мыслю свое существование без них и родной им земли Кабардино-Балкарии. Упомяну лишь одно прекрасное имя – Кайсын Кулиев! Когда он ушел, то на душе стало не то что горестно, сиротливо на всю жизнь. Он ушел – не могли удержать его мы ни своим братством, ни своей любовью... помнишь его стихи: «У каждого души его светило по-своему уходит на закат».

Закатившееся светило уже не греет, но «светило души» поэта незакатно. Свет и тепло его остаются с нами пожизненно.

Я не мог не упомянуть Кайсына – он был нашим с тобой общим другом и братом. И думаю, что тебе до слез было обидно, что вот Кайсын не придет из своего Чегема поздравить тебя в торжественный юбилейный вечер, не придет со своей незабываемо чудной улыбкой и сияющим лицом, излучавшим свет и добро. Ведь он был неповторим и независим и в человеческом дружестве, и в поэтическом искусстве...

Понимаю, что поле жизни можно перейти и без друзей, но без них – это тоже бесспорно – каждый из нас будет беднее, безрадостней и сиротливей. И это, мне кажется, относится к судьбе не только таких рядовых литераторов, как я, но и больших деятелей национальных культур.

Мне порой приходит на ум, что Кязим Мечиев, Бекмурза Пачев и Коста Хетагуров были бы куда как счастливее и в жизни, и в творчестве, будь они знакомы и имей наши возможности простого человеческого и художнического общения. Ведь Кязим и Коста были погодки, а Бекмурза всего лишь двумя годами старше их. Жили и творили они по-соседству, но не знали друг друга, будто их разделяли целые континенты и века беспамятства. А случись иначе, быть может, и судьбы их сложились бы по-иному. Во всяком случае, у них было поразительное единство духовных устремлений, и оно неминуемо привело бы их к братской солидарности и в жизни, и в поэзии. А такое братство сняло бы с их нравственного сознания бремя человеческого одиночества и трагического поэтического самочувствия со слезами на доньшке глаз.

Нас миновала сия чаша, и я благодарен случаю или судьбе, которая дала мне возможность более тридцати лет вести с тобой откровенный сердечный диалог, быть твоим другом и пристрастным читателем.

Думаю, нет нужды перечислять те замечательные черты твоей человеческой и поэтической самобытности, которые мне особенно дороги. Но позволь мне сказать «несколько слов» о двух особенностях твоего человеческого «я» и твоего творчества. Я выделяю их по той простой причине, что без них наше знакомство стало бы началом простого приятельства, но никогда не перешло бы в обязывающее и возвышающее братство.

Я имею в виду, во-первых, твою человеческую и поэтическую непретенциозность. И, во-вторых, тот особый лиризм, который присущ лучшим твоим произведениям, как атрибутивное качество, и разлит повсюду, подобно солнеч-

ному теплу в облачный день, создает в них порой неотразимо привлекательную по своему образному и эмоциональному естеству художественную атмосферу.

Казалось бы, лиризм – свойство, прежде всего, субъективных медитаций поэта. Но в твоём творчестве он в прозе присутствует не менее явно и ощутимо, чем в лирике. И мое читательское чувство впервые он покорило в «Весне Софийт», а не в стихах. Ныне, конечно, можно видеть и некоторую заданность ряда ситуаций в этой прелестной повести, и композиционное ее несовершенство. Но в ней есть такая влюбленность в жизнь и человеческое жизнетворчество, такая солнечность самочувствия в мире людей и природы (в чем-то, быть может, и наивная, но тем более привлекательная), такой лиризм повествования, согревающий и освещающий все изнутри, что, по моему разумению, повесть всегда будет произведением, вобравшим в себя все живые достоинства зрелой молодости, нет – весны кабардинской прозы. А ведь эти черты адамовской лирической субъективности в более совершенной и распахнутой форме, то есть более «сообразно и соразмерно» свойственны твоим произведениям, созданным в пору полной зрелости мысли, чувства, таланта.

Я упомянул еще о твоей непретенциозности в человеческом общежитии и в поэтическом строю. Но что это такое? Скромность, отсутствие честолюбия, мечта лишь о самой возможности творить, а там, мол, люди могут сами разобратся – кто есть кто?.. Думаю, ни то, ни другое и ни третье. Я имею в виду, во всяком случае, совсем другое качество поэтической личности.

Пушкин отозвался о Грибоедове словами особой психологической и нравственной пронизательности: «...Все в нем было необыкновенно привлекательно. Рожденный с честолюбием, равным его дарованиям, долго он был опутан сетями мелочных нужд и неизвестности».

Честолюбие, равное таланту, – вот нравственно-психологическое условие, исключаящее в сознании поэта наличие скверной претенциозности. Эта пушкинская мысль абсолютно бесспорна и не потеряла своего значения и для наших дней. Когда честолюбие гипертрофированно, а дарование более чем скромно, поэт становится невыносимо претенциозным и нетерпимым в литературной среде. Когда даже крупный талант начинает претендовать на гениальность, он так же становится невыносим в литературном быту. Словом, поле несовместимости честолюбия и масштаба таланта является той почвой, на которой произрастают малые и большие... Сальери.

И, к великому сожалению, убогий сальеризм, как нравственно-психологическое явление, имеет место в среде деятелей молодых национальных литератур в более острой форме, чем в литературах с большими и устоявшимися традициями. Оттого наш литературный быт порой так неуютен. Не зря ведь ловим себя нередко на грустной мысли – подальше от литературной среды, в ней невозможны ни братство, ни дружество, ни даже простое доброжелательство. Мысль, конечно, держится на частных наблюдениях и обобщающего значения не имеет. Реальность многих межписательских отношений говорит о другом. Тем не менее, совершенно ясно, что истинное братство в писательской среде возникает лишь там, где честолюбие художника равно его творческим возможностям. Вот почему мне особенно дорога твоя человеческая и поэтическая непретенциозность.

Дорогой Адам! Юбилейные приветствия обычно состоят из великолепных доброжеланий, среди которых на первом месте – долголетие и творче-

ские свершения. Мне хочется миновать эти общие места, они ни к чему не обязывают. А по мне, так бестактны в адрес человека семидесяти лет. Ведь по известной шутке Светлова семьдесят лет – на двоих мало, на одного много. И в самом деле, пятьдесят лет в литературном строю – срок действительно не малый, чтобы реализовать всю силу своего дарования. Однако кто знает, какие творческие силы таятся еще в естестве много жившего и трудившегося писателя? Андре Моруа мудро заметил: «Старый писатель, как и старый актер, лучше знает свое ремесло, а молодость стилия – это уже чисто технический вопрос». Видимо, писатель обязан просто трудиться во все дни своей жизни, творить несуетно и основательно, все остальное – слова, слова, слова, хотя и добрые.

Дорогой Адам! Да будет твой труд по-прежнему радостным и талантливым, сердечным, отзывчивым и жизнелюбивым! Мой друг и брат! Да пройдут твои творения «веков завистливую даль»! Будь всегда на коне! Ведь ты не просто ветеран труда, войны и творчества, ты поэт и воин-кавалерист, гвардеец!

И не обессудь меня за длинное послание вместо «нескольких слов», заказанных редакцией газеты.

Искренне твой Нафи Джусойты.

Цхинвал,
1986 г.

НАШ ВЕНОК ПАМЯТИ

Позвонил своему другу в Нальчик, а тот с первых же слов: «Умер Адам Шогенцуков». Резануло болью – не дожил Адам Огурлиевич Шогенцуков, народный поэт Кабардино-Балкарии, всего лишь нескольких дней до пятидесятилетия Победы. А ведь он, пахарь и воин, поэт и прозаик, скромной души человек, был как никто из уходящего поколения писателей-фронтовиков причастен к этому юбилею. Воевал смело, самоотверженно, как и подобает кабардинцам.

В российской литературе стал привычен облик Адама Шогенцукова, всегда была слышна негромкая речь поэта. Приедешь в Нальчик – и с радостью увидишь Адама. Тот же тихий голос, спокойные манеры, мудрость коротких фраз. Встретишь в Москве, в столичной суете поэта – и вновь радостно: не стареет ветеран кабардинской литературы. Всегда подтянут, аккуратен, сосредоточен.

Адам Шогенцуков любил путешествовать. Он объездил весь Союз, гостил за рубежами нашей родины. Такая непоседливость уживалась в характере поэта с вечной тягой, любовью к родной Кабарде, к её зелёным просторам, к красавцу Ошхамахо. Поэтому лирика Адама Шогенцукова пронзительна и философски раздумчива. Не случайно поэт впервые в кабардинской литературе стал использовать в своём творчестве форму сонета.

У него, конечно, не было громкой славы. Но он всегда и везде надёжно работал. Шогенцуков был одним из авторитетнейших руководителей Союза писателей Кабардино-Балкарии, возглавляя его многие годы. Эти – пятидесятые-семидесятые – годы стали временем расцвета писательского дела в стране. Сколько книг, поездок, знакомств!.. Литературная жизнь была ключом, а многомиллионный читатель взахлёб читал и прозу, и поэзию.

На это счастливое время пришёлся и расцвет таланта Адама Шогенцукова. Он пишет лирические стихи, поэмы, публикует знаменитую повесть «Весна

Софият», местные театры ставят его пьесы. В 1969 году Адаму Шогенцукову присваивается высокое звание народного поэта Кабардино-Балкарии.

До конца своих дней Адам Огурлиевич оставался мудрым и благородным человеком. Возраст давал себя знать, но он живо интересовался изменениями в нашей жизни, скорбел об утратах.

И вот поэта не стало...

Мы решили в память об Адаме Огурлиевиче издать эту книгу избранной лирики поэта.

Это наш венок памяти выдающемуся поэту Кабарды.

Это наш салют в честь фронтовика Шогенцукова.

Это наше благодарственное слово таланту Адама Шогенцукова.

Вадим Дементьев

1995 г.

Он был от природы благородным и интеллигентным человеком

Впервые я увидел Адама Огурлиевича Шогенцукова в 1958 году 16 декабря в Заюково. В то время Эльбрусский районный центр находился в этом селе. Я работал завучем средней школы селения Гунделен.

Из райкома партии позвонили в школу, что в Доме культуры сегодня в 18 часов состоится встреча с писателями и поэтами Кабардино-Балкарии. На эту встречу необходимо было привести учеников старших классов. Машины в школе не было, и мы с учениками 10-го класса пришли пешком из Гунделена на час раньше. В этот год зима была холодной. Все мы стояли возле Дома культуры, ожидая гостей из Нальчика. До этого, можно сказать, что многие из нас никогда не видели писателей и поэтов, поэтому нам было интересно встретиться с ними и посмотреть на них и, если возможно, то поздороваться за руку с каждым из них.

Когда они приехали на легковых машинах на полчаса раньше до начала, мы кинулись к ним навстречу, чтобы поприветствовать. Нас было двенадцать человек. Мы вообще не знали, кто из них Кайсын Кулиев, а кто Адам Шогенцуков, Керим Отаров, Хачим Теунов, Берт Гуртуев, Аскерби Шортанов, Амирхан Шомахов, Максим Геттуев и т.д.

Председатель Эльбрусского райисполкома Хамид Томаевич Энеев сказал им: «Вас давно ждут ученики десятого класса с завучем средней школы Гунделена Салихом Эфендиевым. Пусть он сам представит своих любителей поэзии, я могу ошибиться, хотя я сам из этого села». Здесь же, во дворе Дома культуры, я стал представлять каждого ученика: Хусея Чеченова, Ако Жабелова, Сагида и Салиха Энеевых, Хасана Атмурзаева и других, – многие из этих учеников впоследствии стали известными учеными и общественными деятелями.

Писатели и поэты тепло и ласково отнеслись к пришедшим на встречу, благодарили и хвалили их, так как Хамид Энеев сказал, шутя: «Кайсын и Адам, ребята пешком пришли из села, чтобы посмотреть на Вас и познакомиться». Сразу начался смех, и кто-то из писателей сказал: «Неужели в такой холодный день и гололед они пришли пешком в Заюково, ведь расстояние довольно большое?» Кайсын Шуваевич, обращаясь к своему другу Адаму Огурлиевичу,

сказал: «Адам, раз они пришли в такой морозный день пешком на встречу с нами, то давайте постараемся согреть их теплом наших сердец и выступлений. А весной в теплые солнечные дни мы приедем в среднюю школу, где они учатся. Это будет взаимное уважение». Адам Шогенцуков согласился с предложением Кайсына Шуваевича и сказал: «Мы это сделаем обязательно и назначим день в Гунделене». Обещание двух известных поэтов мы восприняли с восторгом и радостью. Действительно, в мае 1959 года была такая встреча с учениками в этом селе, но не в школе, а в сельском клубе, когда на встречу с ними пришли и жители села. Кайсын Кулиев и Адам Шогенцуков выполнили свое обещание.

Возвращаясь памятью к тому дню – 16 декабря 1958-го, мне бы хотелось сказать, что зал Дома культуры был полон народу, и люди аплодисментами встречали гостей. Они сели в президиум. Первый секретарь райкома партии Карачай Сохов представил каждого писателя и поэта.

Они выступали на русском, кабардинском и балкарском языках.

Адам Шогенцуков, Кайсын Кулиев, Керим Отаров читали свои стихи на русском и родном языках. Аскерби Шортанов познакомил слушателей со своим юмористическим рассказом на кабардинском языке, он вызвал оживление и смех. А Хачим Теунов и Берт Гуртуев делились своими творческими планами.

В тот вечер мне особенно запомнился поэт Адам Шогенцуков. Ему шел тогда сорок второй год: он был молодым и красивым, стройным и привлекательным человеком. Он был в коричневом костюме, с пестрым галстуком, который выделялся на белой сорочке. Адам прочитал два стихотворения: одно на русском языке, второе – на кабардинском. Я впервые слушал стихи на непонятном мне языке, но он читал так проникновенно и четко, что все было как бы понятно по интонации и мимике, чувству и тембру голоса. Еще меня поразила скромность и умение держаться на сцене, что привлекало к нему сердца людей. Его благородные жесты и живое общение с аудиторией были для меня, сельского учителя, удивительными и запоминающимися.

На этой встрече прозвучало много вопросов о том, как создаются стихи, откуда берутся такие яркие художественные образы, доступно ли каждому написать стихотворение о любимой и т.д. На эти вопросы очень доступно и понятно для взрослых и молодых отвечали наши гости.

Так я познакомился с Адамом Шогенцуковым. С тех пор прошло пятьдесят лет, но воспоминания о нем не померкли, как о самом благородном и интеллигентном человеке.

Это не была последняя встреча. В течение более тридцати лет я много раз общался с этим удивительно благородным и доброжелательным, душевно мягким человеком. Так, в 1964 году после защиты диссертации кандидата философских наук я стал работать старшим преподавателем на кафедре философии КБГУ. И здесь я встречался с Адамом Огурлиевичем, когда он приходил на встречу со студентами и преподавателями университета. Он приходил не один, а со своими друзьями. Их любили студенты, общались с ними довольно часто, брали у них автографы, покупали их книги. В то время я работал зам. секретаря парткома университета и мне часто приходилось организовывать эти встречи.

Не раз встречался я с Адамом Огурлиевичем и на республиканских совещаниях, различных юбилейных мероприятиях, во время Дней литературы и искусства Дагестана, Северной Осетии, Винницкой области Украины, Латвии,

Карачаево-Черкесии, Ростовской области, которые проходили в Кабардино-Балкарии.

Особо хочу подчеркнуть, что Адам Шогенцуков во время этих встреч был всегда доступным и простым человеком. На его лице всегда сияла добрая улыбка, к каждому он относился с уважением. Внутренний мир этого замечательного кабардинского поэта выражал его высокую культуру и интеллект неповторимой личности.

Я и Адам Шогенцуков долгие годы были членами республиканского Комитета защиты мира, который возглавлял Кайсын Кулиев. В эти годы Комитет защиты мира проводил много мероприятий, «круглые столы», встречи с молодежью. Мы часто выступали по радио и телевидению о дружбе народов, о культуре народов нашей республики.

У Адама Огурлиевича всегда была четкая позиция в обсуждении тех или иных вопросов, свое твердое убеждение.

Я вспоминаю его негромкий, мягкий голос, лучезарную улыбку, дружеское рукопожатие при встречах на проспекте Ленина, в парке, где я гулял с сыном Фуадом. В этом отношении Адам Огурлиевич был неповторимым человеком по доброте души. Такие личности, как Адам Шогенцуков, являются гордостью народа. Их имена должны навечно остаться в исторической памяти наших народов, так как они преумножили своими произведениями духовно-нравственные ценности людей и тем самым расширили геокультурное пространство второй половины XX века. Одним из таких людей был незабвенный Адам Шогенцуков.

Сегодня, в день 90-летия со дня его рождения, отдавая дань уважения талантливому поэту и прозаику, большому гуманисту Адаму Шогенцукову, следует сказать, что без таких людей не было бы нашей национальной художественной литературы.

Мы, нынешнее и будущие поколения, обязаны бережно относиться к творческому наследию ушедших из жизни писателей и поэтов, композиторов, мастеров кисти, ученых, артистов. Это наш гражданский долг.

Память – это социокультурный феномен, который передается из поколения в поколение. Она является духовно-нравственной категорией, преемственной связью между прошлым, настоящим и будущим.

Салих Эфендиев
2006 г.

Философская лирика А. Шогенцукова 60–80-х годов в рамках концепта «песня»

«Из сердца извлекаю звуки», – так сказал А. Шогенцуков о процессе рождения своих стихов. Обращение к звуку у поэта не случайно. Например, по представлениям язычников, звук «отражал гармонию божественного творения, божественный порядок, в отличие от хаоса, «располагавшегося на периферии. Язычники извлекали из дерева не только огонь, но и музыкальные звуки, которые считались символом божественного творения» [1, с. 249].

Песню можем увидеть и в памятнике древнерусской литературы «Слово о полку Игореве» (Плач Ярославны). Песня стала и одним из жанров фольклора любого народа.

Авторитет песни на Кавказе был непререкаем как для рядового горца, так и для представителей высшей знати. Похвалы в песне, песенной славы добывались и спесивые князья, и простые труженики. Всесильную власть авторитета песни в среде горцев впервые отметил еще в начале XIX века А. С. Грибоедов. Наблюдая героическую гибель молодого горского князя, он с горечью и восхищением писал В. К. Кюхельбекеру 27 ноября 1825 года: «...Храбрейший из молодых князей, первый стрелок и наездник и на все готовый, лишь бы кабардинские девушки распевали его подвиги по аулам» [3, с. 11].

В своих песнях горцы и в час радости, и в день беды обращаются к тем образам, которые их окружают: горы, реки, небо, деревья и т. д., ища у них участия, как бы считая их своей опорой и утешением. Песня бытует и как самостоятельный жанр.

Песня сопровождает человека всю его жизнь: от рождения (колыбельные песни), до смерти. Поют адыги, когда собран богатый урожай, в радости и горе.

Но, пожалуй, полно, интересно удалось поэту раскрыть концепт «песня» в философской лирике. В частности поэт видит общее, из конкретного наблюдения делает общефилософские выводы, используя образ песни.

И все чаще поэт связывает душу с песней. Так в поэтическом космосе А. Шогенцукова микро- и макро-космос находятся в единстве. Они часть целого, поэт не противопоставляет их друг другу. Гармония с собой и окружающим миром дает право поэту сказать: «И в сердце вечный голос волн, // разливая синяя безбрежность, // И неумолчных песен звон, // И молодых побегов нежность», // «Поет счастливая душа, // и за мгновением мгновенья // Мне новый дар несет, спеша // Строкою лечь в стихотворенье» [5, с. 159].

Я пою негромко, но, как все, ликую.
И, как все, тоскую, правду не таю.
Братьям и потомкам
Чашу круговую –
Песню молодую я передаю [5, с. 256].

От сборника к сборнику поэтические горизонты поэта расширяются. От сборника к сборнику возрастает количество стихотворений – философских размышлений. Сначала через образ песни, через использование фольклорных мотивов, через национальную специфику в философскую лирику поэта приходят понятия «душа», «красота». В более позднем стихотворении поэт осмысливает тему смерти: «Стал я пенем и цветеньем. Дорогая, смерти нет!» [5, с. 145]. В этом «нет» не отрицание смерти как таковой, все в жизни (и в этом убеждает нас мировидение поэта) находится в своем диалектическом единстве: конец сокрыт уже в начале. Смерть лишь продолжение жизни, перевод в иное качество и состояние.

*Елена Куянцева,
доктор филологических наук*

Государственная национальная библиотека им. Т. К. Мальбахова в праздничной обстановке отметила свое 95-летие

На торжественном мероприятии присутствовали руководитель администрации Главы КБР Мухамед Кодзоков, представители парламента и правительства КБР, общественных организаций, творческих союзов, работники библиотечной системы республики.

Мухамед Кодзоков огласил поздравление Ю. А. Кокова в связи с юбилеем библиотеки и зачитал благодарность Главы КБР А. Г. Емузову за большой вклад в развитие библиотеч-

ного дела и многолетний добросовестный труд.

В рамках этого юбилея и Года литературы в России (2015) Мухамед Кодзоков вручил ряду деятелей культуры и литературы памятные медали «За особый вклад в книжное дело» и удостоверение к ним за подписью председателя Госдумы РФ Сергея Нарышкина.

Директор библиотеки Анатолий Емузов сделал обстоятельный доклад о пути образования, становления и развития библиотеки (см. ниже).

Коллектив библиотеки поздравили представители парламента и правительства республики, ряда ведомств и управлений, местной администрации г. о. Нальчик, института гуманитарных исследований, КБГУ, КБИГИ, СКГИИ, рескома работников культуры КБР, Союза писателей КБР, Совета ветеранов войны и труда, Общества книголюбов, коллеги-библиотекари и другие.

Многие сотрудники библиотеки были награждены почетными грамотами парламента, отмечены благодарностью правительства КБР и почетными грамотами министерства культуры, а также ряда ведомств, общественных организаций, творческих союзов.

Торжество украсили выступления популярных мастеров искусств – Ауеса Зеушева, Мадины Мамбетовой, Тимура Гуазова, Анны Павловской, Астемира Макоева, Халимат Гергоковой, солистов ансамбля «Кабардинка» Ирины и Алима Кануковых. Концерт вела заслуженная артистка КБР Фатима Чехмахова.

Выступление руководителя ГНБ КБР им. Т. К. Мальбахова, доктора филологических наук, профессора А. Г. Емузова на торжественном собрании, посвященном 95-летию Главной библиотеки республики

Дорогие гости, дорогие коллеги!

Прежде всего, прошу принять наши уверения в искреннем к вам уважении и дружеском расположении.

Сегодня я имею честь и удовольствие сердечно поздравить вас со знаменательным событием в общественной жизни нашей республики – 95-летием Государственной национальной библиотеки Кабардино-Балкарской Республики им. Т. К. Мальбахова.

Этот юбилей – праздник не только коллектива библиотеки, это праздник всех, кто и раньше, и теперь связан с ней деловыми и дружескими отношениями

Библиотеки всегда создавались очень достойными людьми. У истоков библиотечного дела стояли истинные меценаты, благотворители, попечители. Так было и в нашей республике. Первые библиотеки на территории Кабардино-Балкарии, согласно архивным материалам, появились во 2-й половине 19 века.

В 1920–21 годах открываются массовые библиотеки в слободе Нальчик, которые обслуживали различные слои населения – от интеллигенции до заключенных. В ряду просветительских учреждений в эти и последующие годы первое место по объему деятельности и фондам занимала Народная Центральная библиотека, открытая 14 января 1921 года. Библиотека не раз меняла свое название, свой адрес, но оставалась верной главному – бескорыстному

служению науке, образованию, культуре.

В далеком от нас 1921-ом году библиотека помещалась в одноэтажном строении. Объем ее фонда составлял не более 400 книг, количество ее читателей насчитывало 360 человек.

Активная работа библиотеки в эти годы связана с одной из ее первых заведующих, Анной Григорьевной Лариной, делегатом Первого съезда библиотекарей РСФСР.

Большую помощь в формировании фонда библиотеки на начальном этапе ее становления оказывала Надежда Константиновна Крупская, учитывая данное обстоятельство, библиотеке было присвоено ее имя.

В 1934 году областной библиотеке им. Н. К. Крупской было предоставлено двухэтажное здание, удобное для читателей и сотрудников, что позволило повысить культуру обслуживания, наладить работу читального зала, организовать справочно-библиографический отдел.

Быстрыми темпами росло книгоиздание, увеличивался и фонд нашей библиотеки. К началу Великой Отече-

ственной войны он составлял 115 тыс. экз., которым пользовались 11 тыс. читателей.

Во время оккупации Кабардино-Балкарии фашистскими войсками здание библиотеки было разрушено, большинство книг и оборудования сожжено.

В годы войны библиотека помогала жить и выживать, учиться и трудиться, оставалась «книжным тылом» защитников Родины, вносила свой вклад в общее дело Победы. Библиотекари работали в госпиталях и военкоматах.

Не может не восхищать тот факт, что 21 марта 1943 г., спустя два с половиной месяца после освобождения города от фашистов, библиотека сумела собрать 15 тыс. экз. и открыла свои двери для читателей.

Большую помощь в восстановлении фонда оказали жители г. Нальчика, которые вернули сохраненные библиотечные книги, а также подарили книги из личных собраний. За пять послевоенных лет фонд библиотеки вырос более чем в 10 раз. Была налажена система каталогов и картотек. К концу 50-х годов библиотека становится самым крупным книгохранилищем, подлинным центром научно-методической и библиографической работы в республике.

Огромное уважение вызывает бывший директор библиотеки Шумахова Анна Сахатовна, заслуженный работник культуры РФ и КБР, проработавшая в этой должности 34 года, сформировавшая ее структуру, добившаяся признания авторитета библиотеки, взрастившая своих верных последователей – преданных библиотеке людей, которые по сей день

составляют интеллектуальный, духовный и нравственный костяк коллектива.

К 1980-м годам фонд библиотеки приблизился к 1,5 миллионам единиц, число читателей составило около 29 тысяч человек.

В 90-е годы библиотека шла в ногу со временем. Большой вклад в развитие библиотеки внес ее следующий директор – Хабас Талустанович Келеметов.

В период его работы было завершено строительство пристройки, библиотека приобрела современный облик, продолжалась работа по автоматизации библиотечных процессов.

Указом президента КБР от 16 ноября 2007 года в целях увековечения памяти выдающегося политического и государственного деятеля Кабардино-Балкарской Республики Т. К. Мальбахова, внесшего неоценимый вклад в становление государственности Кабардино-Балкарской Республики, и в связи с 90-летием со дня его рождения Государственной национальной библиотеке КБР было присвоено имя Т. К. Мальбахова.

Общественность республики с большим удовлетворением восприняла это событие, а сотрудники библиотеки с гордостью трудятся в этом храме образования, науки и культуры.

По масштабам своей деятельности в настоящее время библиотека относится к крупнейшим региональным учреждениям культуры с многоотраслевым документальным фондом, который составляет около 2 млн единиц хранения. Количество её пользователей в 2015 году составило более 56 тыс. человек, которым было выдано около 700 тыс. экземпляров документов. Фонд редких изданий равен 10 тыс.

экс., он включает коллекции прижизненных изданий писателей 19 в., редкие периодические издания и другие документы.

Фонд краеведческих документов превышает 40 тыс. ед. хранения, свыше 1 тыс. микрофильмов содержат ценнейшую информацию о нашей республике. Библиотека располагает миллионным фондом нормативно-технической документации, в том числе уникальным фондом описаний изобретений.

Без библиотеки уже трудно представить культурную жизнь Нальчика. В библиотеке горожан ждут литературные вечера, презентации, выставки, встречи в клубах по интересам. 150 массовых мероприятий было проведено ГНБ в 2015 г. Определенным достижением библиотеки можно считать и её деятельность по социальной адаптации инвалидов. Она заключается в оперативном предоставлении им общественно-значимой информации, подборе, рекомендации и доставке литературы, обеспечении участия инвалидов в массовых мероприятиях, проводимых библиотекой. Совсем недавно в структуре ГНБ появился еще один отдел – отдел обслу-

живания инвалидов, торжественное открытие которого прошло 18 марта текущего года.

Важнейшей задачей библиотеки на данном этапе является наиболее полное раскрытие ее богатейших ресурсов для развития образовательного потенциала республики. У библиотеки сложились крепкие партнерские отношения с Кабардино-Балкарским государственным университетом, Кабардино-Балкарским государственным аграрным университетом, Северокавказским государственным институтом искусств, институтом бизнеса, институтом Прикладной математики, Кабардино-Балкарским институтом гуманитарных исследований, Адыгской (Черкесской) международной академией наук, Институтом повышения квалификации работников народного образования, Союзом писателей и журналистов, с колледжами и средними школами.

В 2014–2015 гг., посвященных Году культуры и Году литературы в РФ, проводились совместно с партнерами крупные социо-культурные мероприятия, акции и другие познавательные, образовательные, досуговые формы работы.

В текущем 2016 г. ГНБ работает и будет продолжать работать под эгидой 95-летия государственности КБР, 95-летия государственной национальной библиотеки КБР им. Т. К. Мальбахова и Года российского кино.

Достигнутые на сегодняшний день результаты в освоении информационных технологий закрепляются и совершенствуются. Наш компьютерный парк составляет 41 единицу, 40 из них имеют выход в Интернет. Создаются электронные каталоги и картотеки, идёт развитие электронных ресурсов, размещённых на сайте библиотеки.

Сегодня библиотека является молодежным культурным центром. В ней работают 12 любительских читательских объединений, клубов. В рамках этих клубов читатели открывают для себя интересные страницы национальных языков и литературы, повышают правовую культуру, приобщаются к основам

этикета, участвуют в дискуссиях по проблемам культуры, обсуждают литературные новинки, встречаются с интересными, успешными людьми, получают ответы на волнующие молодежь вопросы.

Есть у нас и определенные трудности, вызванные глобальным финансово-экономическим кризисом, но, благодаря патриотизму, энтузиазму и преданности любимому делу ее сотрудников, библиотека успешно справляется с государственным заданием по библиотечному обслуживанию населения, перевыполняя его по всем основным показателям.

Наряду с активизацией разноплановой деятельности, мы целенаправленно занимаемся и вопросами укрепления материально-технической базы ГНБ. Несмотря на дефицит бюджета, нам удалось, ценой больших усилий, при поддержке министерства культуры и правительства КБР решить ряд проблем, которые на протяжении многих лет являлись камнем преткновения в сохранении бесценного фонда

библиотеки и тормозом в работе ее структурных подразделений. Так, была произведена полная замена кровли здания библиотеки, которая протекала во многих местах. Был сделан капитальный ремонт большого читального зала и фойе второго этажа, заменены на металлические все наружные двери здания, отремонтированы и оборудованы туалетные комнаты, произведен частичный ремонт отопительной системы, приобретены компьютерная техника и мебель для ряда кабинетов. Решены также вопросы приобретения и установки кнопки тревожной сигнализации, изготовления энергетического паспорта, паспорта пожарной безопасности ГНБ. В конце прошлого года был сооружен пандус, который обеспечивает доступ инвалидов на первый этаж библиотеки.

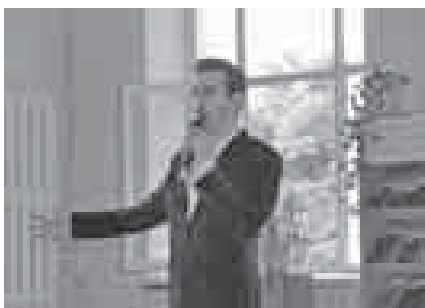
Деятельность коллектива ГНБ регулярно находит свое отражение в средствах массовой информации. В 2015 году было размещено 164 публикации, теле- и радио сюжетов о работе библиотеки. Это свидетельствует об активном, целеустремленном труде большого коллектива преданных своему делу специалистов, достойно встречающих 95-летний юбилей.

Юбилейный год – это не только подведение итогов, это всегда шаг к чему-то новому, реализация новых идей и планов. А успех библиотеки невозможен без всех вас – почётных гостей, талантливых друзей, коллег, читателей, представителей органов власти, научных центров, общественных организаций, учебных заведений республики и города.

В заключение своего выступления хочу заверить руководство и общественность нашей республики в том, что коллектив Государственной национальной библиотеки Кабардино-Балкарской Республики им. Т. К. Мальбахова будет и впредь верой и правдой служить делу сохранения и приумножения культурно-интеллектуального наследия наших народов, будет вести активную многоплановую работу по патриотическому, толерантному, интернациональному воспитанию подрастающего поколения, будет делать все от него зависящее, чтобы совершенствовать формы и методы своей работы во имя поддержания высокого статуса Главной библиотеки республики, которая по праву считается одним из ведущих культурно-просветительских, образовательно-воспитательных и научно-познавательных центров Кабардино-Балкарии.

«ГОРЕСТНЫЙ КЛИЧ»: ОДИНОКИЙ ГОЛОС ЧЕЛОВЕКА

Снискавший все возможные и мыслимые прижизненные лавры выдающийся осетин Нафи Джусойты (1925 г.) к столетию ингушского классика Джемалдина Хамурзаевича Яндиева (1916–1979) издал (за собственный счет) книгу стихотворений (своих переводов на осетинский язык избранных произведений Джемалдина) и эссе (о «друге Джиме» и тревожной судьбе Кавказа, кавказских языков и взаимоотношений народов). Сорок стихотворений Дж. Яндиева из его посмертного сборника «Весенний зов» (М., 1986) переведены Н. Г. Джусойты на осетинский и органично существуют под одной обложкой с его пронзительнейшей «прозой» – размышлениями о судьбе Кавказа и воспоминаниями о незабвенном ингушском друге.

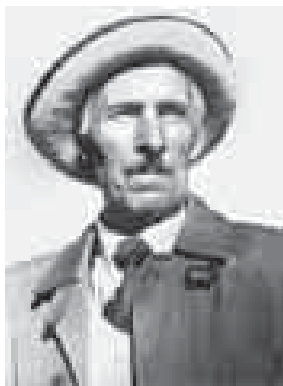

Джемалдин Яндиев

Отобранный корпус стихотворений и следующие за ними «горестные заметы» свидетельствуют о том, что человеческая, мужская и творческая дружба непреходяща и есть фундаментальная основа для глубинного ощущения и осмысления прожитого и пережитого в прошедшем веке, кровавым вихрем ворвавшегося в век XXI.

Н. Джусойты – свидетель и мыслитель, умеющий не только эмоционально-чувственно, пластически детализировать, но и философски обобщать. Он говорит о трагедии Кавказа и его народов взволнованно, ярко и мудро, давая читателю возможность активного размышления и личностной сосредоточенности на онтологических проблемах нашего бытия. Предельно искренне, обнажая свое внутреннее смятение, растерянность и ясно чувствуемый драматизм в оценках и переживаниях отнюдь не пасторальной современности, Н. Джусойты щедро и бескорыстно предлагает каждому свою, джусойтовскую, нравственно-этическую лоцию для ориентации в мутной социально-политической, культурной и духовной взвеси с тем, чтобы четко прозреть и отделить подлинный золотник от грязной мути.

Много переживший и передумавший за долгую жизнь, он не испытывает никаких иллюзий и тоски по «золотому веку» (а только по дорогим и незабвенным друзьям и единомышленникам), потому что как истинный мудрец и поэт знает: у нас не будет иного времени («времена не выбирают, в них живут и умирают»), не будет другой поэзии, других народов и иной географии. Будет только то, что мы имеем. А поэтому с бесстрашием и какой-то щемящей открытостью он начинает новый диалог, не пафосный, не имитационный (кажется, ему чужда «пальмиро-вагнеровская» эстетика художественно-политических проектов в кровавом ландшафте исторических руин и человеческих бед), но негромкий и сердечный разговор. Выбирая для этого очень точную и уместную форму и интонацию: монологического диалога, печального и взыскующего к сердцу и уму каждого человека, для которого единственной родиной

Нафи Джусойты

на свете является вечный Кавказ и язык его народов. Он размышляет со слезами и бесконечной печалью, «а мы слушаем и плачем с ним вместе: столь высока взятая им нота». Ум, опыт и благородство Н. Джусойты, на сегодняшний день единственного храброго, начавшего путь к миру и вочеловечиванию расчеловеченного, растерзанного кавказского пространства (в его российском сегменте), – залог возможного успеха наступления эры нового гуманизма и добрососедства. Он выстрадал знание о том, что только высокая, подлинная литература, поэзия в частности, помогает дезориентированному, замороченному масскультом и телепропагандой современнику отделить добро от зла, а поэтому в прямом смысле дает каждому в руки книгу: умиротворяя, объединяя, возвращая в этическое лоно всех выпавших из него по своей и

чужой злой воле в последние трагические годы.

В «Послании друзьям в страну безмолвия» (первая публикация состоялась еще в 2000 году) Н. Джусойты предупреждает о том, что войны приводят к исчезновению языков небольших народов (ингушского, осетинского, как и других языков Северного Кавказа), и единственным выходом из этой катастрофы является солидарность всех кавказских народов – несчастливых игрушек в преступных геополитических играх конца XX – начала XXI вв. Он взывает к «высокой гряде подлинных друзей», «тихо и внятно» шепчет им «свои горестные заметы сердца о Кавказе и кавказцах, которые оказались в водовороте великой беды. О Кавказе – нашем общем доме. Ведь я говорю с Кайсыном Кулиевым – великим певцом из Чегемского высокогорья; с Магомедом Мамакаевым из Чечни, Джемалдином Яндиевым из Ингушетии, с Адамом Шогенцуковым из Кабарды, с Аткаем Аджаматовым из Дагестана, а они все – отзывчивые, мужественные и мудрые кавказцы, люди редкостного благородства. Верю, что мы как были, так и остались близкими по сердечной сути и разумению мира людьми, потому мне вовсе не в тягость этот разговор с безмолвием друзей, хотя говорю о великой печали в нашем общем доме» [1].

Обращение к «великим ушедшим» связано с утратой в современной Н. Джусойты и нам реальности «сердечной сути» и общего «разумения жизни», худо-бедно «имевших место быть» в постсталинской стране в среде творческих элит Северного Кавказа. Сегодня одинокий голос Нафи обращен к «художественной, гуманитарной интеллигенции» всех народов, находящихся с начала 90-х годов прошлого века на тропе войн, неприязни и в ситуации фактических духовно-нравственных и психологических блокпостов как символов новой постсоветской России, «встающей с колен», когда она ставит других на колени...

Перед мудрым и бесстрашным Н. Джусойты возникла сложнейшая по своей нравственно-психологической сути и ответственности титаническая проблема: найти в образовавшемся «широком поле неприязни и недоверия» единственно верную и прямую дорогу к миру и добрососедству ингушей и осетин после позорного акта 33-х осетинских «инженеров человеческих душ»,

в апреле 1993 года обратившихся со страниц «Северной Осетии» к своему народу с предложением проведения референдума на тему: «Жить или не жить с ингушами на своей земле». Подписанты девяностых с нацистской свирепостью требовали от родного руководства – не жить. В их коллективном письме четко просматривалась монументальность сталинского «большого стиля»: «Братья и сестры, народ осетинский! История еще раз испытывает на прочность потомков громадного в прошлом скифо-сармато-аланского государства. Державные земли, некогда принадлежавшие нам, сузились до маленькой Осетии. Каждый, кто гордится своей принадлежностью к аланской нации, уже сегодня должен осознать роковой смысл предстоящих нам испытаний... Земля мала, но отступать некуда!..» [2]. Очень точно об этом тексте в свое время написала И. Дементьева: «Замечено, что интерес к гогучим предкам появляется в определенных исторических условиях. Муссолини называл итальянцев римлянами, немецкие национал-патриоты двенадцать лет, начиная с 1933 года, бредили древними германцами...» [3].

Нафи Джусойты – гуманиста высокой нравственной пробы – тревожит «этически беспокоящее знание» о трагедии насильственного исхода ингушей из зоны Пригородного района и г. Владикавказа страшной осенью 1992 года со всеми политическими, социально-экономическими, юридическими и моральными последствиями сталинского этногеноцидального преступления, испепеляющим смерчем повторившегося в тогдашней (на заре «демократии») военно-политической практике конкретных федеральных и региональных начальников (их поименный список зафиксирован во множестве документов и материалов «лихих 90-х»). Это преступление утопило в крови и бесчестии многих и многих участников и лояльных статистов первой человеческой трагедии в постсоветской России. В том числе и писателей, среди которых не было и не могло быть Нафи Джусойты, гуманиста и друга Джемалдина Яндиева.

Сегодня он единолично (пока) пытается «перейти широкое поле неприязни и недоверия (...) чтобы выйти на простор межэтнических контактов доброжелательства и приязни. И этот процесс одоления вражды и недоверия механически, сам по себе, не состоится и не последует за политическими акциями разрешения конфликтов» [4].

Оригинальный творец, интеллектуал и мыслитель, Нафи предлагает свой личный проект умиротворения и восстановления соседства – конкретным культурным «продуктом».

Высокая поэзия и новый диалог культур – это слово и дело Нафи Джусойты, отважно бросившего перчатку агрессивному невежеству, политической конъюнктуре и циничной демагогии национал-патриотов всех мастей.

Нафи Григорьевич недаром в первом эссе сравнил кровавую вражду между нашими народами со снежной лавиной в горах, которую трудно остановить и тем более одолеть. За тридцать лет до безумия 90-х годов, в 60-е годы Джемалдин Яндиев написал стихотворение «Лавина», давшее название сборнику (М., 1963), в котором он провидчески представляет будущие кавказские беды:

*Собравшись на горе,
Образовавшись (уплотнившись) на горе,
Как конь, испугавшийся волков,*

*Как гроза, низвергается лавина,
Катаются, взрываются высокие горы,
Содрогается земля,
Когда она (лавины) идет.*

*Уничтожив, как враг, все, что
Попадает на ее пути.
Она выходит на равнину.
Потом, разогретая (размягченная)
Солнечными лучами, превратившись
В воду, она исчезает с земли.*

*Почему она принесла людям
Столько горя, если у нее нет
Силы (мужества) жить?*

(подстрочный перевод)

Образ вселенского разрушения, уничтожения мира, зафиксированный в сердце поэта, изображен еще в одном пророческом (профетическом) стихотворении Джемалдина «Сердце поэта»:

*Мир содрогается,
Земля лопается (трескается),
Вода, хлеб (зерно, посева),
Горы, человечество
Уничтожено, говорят.
Это горе, этот траур
В сердце поэта стоит, говорят.*

(подстрочный перевод)

Поэт увидел и много раньше других пережил в своем сердце случившее через несколько десятилетий горе своего и других народов и как бы послал предупредительный «вербальный месседж» благодушным современникам, еще наивно уповавшим на счастливую участь их национальной судьбы «в свете решений XX съезда партии». Настоящие поэты действительно предвидят не только свою личную судьбу, но и общественные коллизии, подтверждая слова Аристотеля о том, что «...задача поэта – говорить не о том, что было, а о том, что могло бы быть, будучи возможно в силу вероятности или необходимости» [5]. Джемалдин Яндиев, как мог, умиротворял, очеловечивал пространство жизни, и его счастье, что он успел умереть, не увидев, не приняв еще одну ингушскую трагедию. Нафи Джусойты труднее всех своих ушедших в безмолвие друзей-творцов, созидавших Красоту и Добро: он остался на истерзанной и изувеченной социально-политическими и военными практиками постсоветского обрушения земле Кавказа, чтобы начать благородную миссию по восстановлению жизни как культуры взаимопонимания, а не взаимоуничтожения. Нафи любит цитировать Ованеса Туманяна, написавшего после геноцида армян в 1916 году Аветику Исаакяну о том, что ему не пишутся

стихи и он делает из дерева игрушки для детей, чтобы они выросли хорошими людьми и хорошими армянами. Сам Нафи Джусойты, переводя ингушские классические тексты Джемалдина и их смыслы, издавая их книгой и щедро одаривая всех без выяснения этнической и иной принадлежности, возвращает поколение хороших осетин, как он это понимает: открытых, добросердечных, готовых к новым дружбам и взаимопониманию, без чванства и высокомерия недалековидных предшественников. Он очищает от скверны очерствения людей изнутри, занимаясь практически тем, что ныне называется «ментальной экологией». Обращение к поэзии Джемалдина Яндиева сегодня и переводы такого немалого объема стихов давно ушедшего поэта – проявление этой высокой миссии проводника культуры и просвещения народов, потерявшихся в подлых лабиринтах «реал политик».

Как сказал современный русский писатель, культура – это масштабы и пропорции, и когда они смещаются или перемешиваются до той степени, как сейчас у нас, это уже называется бескультурьем. Все сложнее определяется иерархия подлинных творцов (а не рифмоплетов) и их наследия. Вот поэтому и важна культура, и высокий строй мыслей и чувств профессионала, точно понимающего, что истинный поэт – это не специальность, не назначение на должность, – «это рождение». Рожденный поэтом Дж. Яндиев создал национальные образы мира на ингушском языке, наполнив их универсальными смыслами, понятными каждому, кто жаждет не нравоучительной дидактики, а истины, красоты и смирения перед Всевышним. Это тонко и точно чувствует Нафи Джусойты, предъявляя осетинскому читателю высокие образцы ингушской национальной культуры и пропорции ингушской поэзии, явленные в лирике Джемалдина Яндиева.

Второе эссе книги называется «Прощание с другом» (2016) и состоит, несмотря на небольшое, лаконичное, эмоционально напряженное повествование, из нескольких тематических узлов. В «Горестном кличе» «брату Джиму» (так называли Джемалдина только очень близкие друзья) физически ощущаемо одиночество и светлая грусть душевно одаренного человека, взыскующего в безвоздушном пространстве, тefлоновой современности подлинного братства, дружества и искренности.

Следующее за этими эмоциональными строками воспоминание о печальном лете 1979 года, когда ушел Джемалдин, представляет большой интерес не только для друзей и близких, но и для исследователей истории кавказских литератур. Здесь говорится о Кайсыне Кулиеве, Грише Плиеве, Магомед Сулаеве – поэтах, вписанных в национальные и всечеловеческие культурные анналы. Сквозь призму прощания с другом, братом, единомышленником, человеком, с которым в буквальном смысле общался на одном языке, – Джемалдин говорил и писал по-осетински, как носитель языка, – мы нестерпимо (до сердечной боли) ощущаем калибр и породу ушедших, не воспроизводимых и неповторимых более: «...Я стал петь, сидя за шофером, ты сидел рядом с ним и молча слушал. Но через какое-то время повернул голову к Тереку, и я заметил под твоим левым глазом слезу... Меня ужалила в сердце горестная догадка: «Этот мужественный баэри (всадник) знает о близком трагическом эпилоге своей судьбы. Но скрывает неизбывное горе». Я продолжал петь героические песни-плачи, о которых еще Коста Хетагуров сказал:

*Звучат болезненной тоскою
В ущельях песни...*

Я пел и плакал, громко и тоскливо, чтобы боги на Столовой горе тоже рыдали о горестной судьбе своего сына...» [6]. В этом отрывке, как и во всем тексте, обращает на себя внимание особая частотность слова «горе». Сразу вспоминается факт творческой биографии Дж. Яндиева – его перевод с осетинского на ингушский в 1939 году самого знаменитого стихотворения К. Хетагурова «Додой» («Горе»). И последняя поездка двух друзей через незабвенную Балту по Военно-Грузинской дороге обретает в воспоминательной рефлексии Нафи Джусойты совсем другое измерение: дорога, путь большого поэта и человека – это череда страданий, горя и потерь, которые он по-горски стоически проходит без злобы, упреков и страха, запечатлеваясь в памяти нетленным символом подлинности и человечности.

Особенно важно в этом эссе упоминание о Балте – родовом гнезде Джемалдина, где родились высокие образцы и смыслы его уникальной и универсальной поэзии. Очень тонко и значимо для современников (ингушей и осетин) Н. Джусойты акцентирует слова и поведение Джемалдина, приехавшего летом 1979 года в Осетию на свой последний пир с друзьями в качестве принимающего гостей балтинца, уроженца своего безумно любимого им села, потчующего дорогих гостей, друзей-горожан. А ведь после возвращения из сталинской депортации в 1957 году он ни разу не переступил порог отцовского дома: там жили чужие люди... С тех пор стихи и только они были его единственным и неотчуждаемым домом и родиной. В яндиевском дворе в Балте и сегодня живут очередные случайные хозяева, не виноватые в грязных политиграх сильных мира сего, но, безусловно, хорошо осведомленные о том, на руинах чьего родового гнездовья они нашли приют...

Только интеллектуально и духовно состоявшаяся личность могла написать: «Дорогой мой Джим! Я свое старческое одиночество одолеваю лишь в те минуты и часы, когда с печалью и отрадой делюсь с вами, моими друзьями – с тобой, Кайсыном, Гришей и другими побратимами – своими грустными думами и неотвязным горем.

И смиренно принимаю стародавнее народное умозаключение: из братьев, сколько бы их ни было, наследником остается самый дурной из них... Это мне выпала такая жалкая доля...» [7].

Нафи Джусойты глубоко и честно видит и прочитывает мир и тексты не только в силу своего почтенного возраста и мудрости. Он, безусловно, наделен визионерским даром: видит и чувствует драму и трагедию современности как некий текст о прошлом, настоящем и вневременном. Люди, о которых он вспоминает, его стихи и эпос, как бы вовлекаются им в современный бездуховный и примитивный контекст и очеловечивают его.

В современном литературоведении есть расширительное понимание ритмической фигуры повторения – анафоры (скреп, возвращение – с греч.). Как соединения времен, эпох, идей, культур людей, то есть как бы некоей формы времени. При подобном толковании анафоры можно видеть ушедших поэтов, достойных личностей не как меморатные объекты, а живыми и страдающими

ми современниками. Смерть, жизнь, уход из нее обретают новые смыслы и звучание в мире масскульта и массовидного потребления. Человек книги и интеллектуальной деятельности – это духовный подвижник, прочитывающий мир как текст, который надо постоянно истолковывать, оценивая новые смыслы. Н. Джусойты – такой подвижник, объединяющий художественные реальности, современность и вечность, то есть время, пространство и культуру. Прекрасно понимая главную цель культуры и поэзии как ее органичной части – как спасение человека и человечества от забвения.

Н. Джусойты в своих эссе и раздумиях-диалогах с ушедшими друзьями, с Джемалдином в частности, осмысливает смерть (память о ней) как возвышенное напоминание людям о ценности жизни, невозвратимой, роковой и неповторимой. Разговор и раздумья о смерти – это и есть память, которая не даст исчезнуть в «реке времени», «океане забвения». Поэзия в этом смысле как образное воспроизведение жизни и времени, преображая реальность, побеждает забвение. Н. Джусойты тревожится о национальных языках, потому что хорошо понимает, что сохраненный язык и поэзия (настоящая) универсальны, а потому бессмертны.

Интеллектуал-одиночка Нафи Джусойты очень важен в нашем культурном пространстве, потому что он алкает истины, а не власти (он вне политики); он генерирует новый взгляд на искаженные социально-культурные отношения и своей деятельностью говорит «нет» текущей конъюнктуре; он говорит голосом тех, кто, возможно, не может сказать правду сам; он не ментор и не «мэтр», а жаждущий истины мыслитель-современник, живущий вместе с нами в жестоким мире вражды и насилия; он мужественно и убедительно превосходит эту современность, освобождая от химер своих современников (если, конечно, они хотят от них освободиться). И в этом его главный урок свободы: он предлагает всем признавать друг друга вне зависимости от «внешнего Левиафана», выйти за пределы своих локальных культур и создать пространство дискурса без предрассудков и стереотипов...

До него спокойного и предметного разговора между представителями ингушской и осетинской культур после 1992 года не было. Истеричные выкрики в сетевых «дискуссиях» патриотически озабоченных националистов с обеих сторон – область антропатологии. Профессионалы-политологи-пропагандисты, традиционно колеблющиеся с «линией партии», часто оказываются в агрессивном хоре дилетантов-пассионариев, а все вместе находятся в одной трясине. И некому возрождать к жизни выжженное поле...

Ни историки, ни говорливые политологи-социологи, ни писатели никак не могут начать честный человеческий разговор на тему строительства нового добрососедства. Нафи Джусойты сделал первый шаг. И разговор начал на материале Поэзии и своих личных размышлений о кавказской трагедии. Современному ингушу или осетину, оглушенному телевизионным агитпропом, сложно освободиться от потоков урапатриотической лжи, фальшивых эмоций, рефлекторных потребительских клоунад. Но не все примитивные роботы. И для них, рефлектирующих и самостоятельно размышляющих, посыл Нафи Джусойты. Который трезво оценивает с высоты своих лет и заслуг плачевную культурную ситуацию осетинского и ингушского народов с их постсоветской

закомплексованностью, одержимостью (у одних собственным величием, у других – судорожными поисками своей идентичности в религии и истории), удручающей задвинутостью тех и других на культурную периферию глобального мира, бездарностью и трусостью национальных элит, безразличием, бездушием и пренебрежением друг к другу, ведущими в общую черную дыру одичания. Применяя медицинскую символику, можно сказать, что вымывание-убывание культурных слоев в общественно-политической ткани (как в остеопорозе потеря кальция ведет к ломкости кости) чревато разрывом ее в мелкие лохмотья и клочья.

Выползающие на культурный и политический олимп полуобразованцы (невежественные и агрессивные маргиналы), не обремененные глубокими знаниями, ведут наши общества в болото реакции и животной злобы. Это общее понижение культурного уровня в постсоветском обществе, конечно, связано с бездумным вытаптыванием остатков «советской интеллигенции», еще оказывающей какое-то мерцающее влияние. Но в целом на авансцену вышли «новые варвары». Именно поэтому в столь тревожной ситуации важны «мыслящие тростники», среди которых на сегодняшний день главный – Нафи Джусойты, искренне стремящийся удержать нас всех от падения в бездну. Мы бесконечно благодарны ему за это. Мы слышим Вас, Нафи Григорьевич....

Литература

1. *Джусойты Нафи*. Послание друзьям в страну безмолвия / Джемалдин Яндиев. Уалдзыгон сидт. Владикавказ, 2016. С. 49, 50.
2. *Дементьева Ирина*. Я, конечно же, ангажирована...» М., 2012. С. 51.
3. Там же.
4. *Джусойты Нафи*. Послание друзьям. С. 53
5. *Аристотель*. Сочинения в 4-х тт. Т. 4. М., 1983. С. 655.
6. *Джусойты Нафи*. Прощание с другом / Джемалдин Яндиев... С. 61-62.
7. Там же. С. 62-63.

Гусалов Борис Мустаевич родился 20 марта 1940 года в селе Зилга Правобережного района Северной Осетии. В г. Орджоникидзе (Владикавказ) окончил филологический факультет Педагогического института. С 1963 по 1968 гг. работал преподавателем русского языка и литературы в средних школах Осетии и Чечни (средняя школа села Ишхой-Юрт Гудермесского района), после этого с десяток лет являлся литературным сотрудником районных и республиканских газет.

С 1988 года и по сегодняшний день – ответственный секретарь литературных журналов, сначала на протяжении трех лет – русскоязычного «Дарьяла», потом – осетинского журнала «Мах дуг» («Наша эпоха»).

Печататься начал с четырнадцати лет. Автор пяти книг прозы на осетинском языке, в текущем году предполагается выход его романа «Разрыв-трава» – авторский перевод с осетинского языка.

Член Союза Российских писателей.

РАЗРЫВ-ТРАВА

Отрывок из романа

*На которой траве коса переломится
в Иванову ночь, та и разрыв-трава.*

Владимир Даль

Дуб прямо-таки с истинно чеченским упрямством и напором врос в жёлтой глины взгорок, возвышающийся перед самой их саклей.

Неведомыми ли путями занесло его сюда в бытность еще жёлудем, и он утоп в эту каменистую землю, неожиданно оказавшуюся для него благодатной; или же кто из чистого любопытства – приживется-нет, – посадил его, принеся из недалекого лесу невзрачным махоньким росточком, о том семейное предание Тайсултановых никаких сведений не передало от отца к сыну.

Но, как бы оно ни было, при каждом восхищенном – немом! – созерцании дуба, ему казалось, что это могучее дерево, исполненное чувства собственного несуетного величия, зорко и настороженно, словно боевая башня предков, чуть ли не со времен Атана и Амана*, вглядывается в расстилающийся под ним простор прикаспийских равнин Чечни и Дагестана. Отсюда само собой вытекало, что и его, Али, родной аул Ишхой-юрт вполне мог обосноваться тут, у подножья снежных вершин на крутом левом берегу неумолчной Ак-су, ещё до восшествия на престол дуба.

Ага. Есть? Есть!

* Атан и Аман – Адам и Ева в осетинской мифологии – (Здесь и далее прим. автора).

Если что и можно припомнить, – позволив себе хотя бы короткое вздыхание – не мужское ведь это дело, охи да вздохи, – в жизни Али по-настоящему хорошего, что хотелось бы ему пережить заново, так это те непорочного счастья дни, проведенные им в детстве и отрочестве на берегах Ак-су. О, какая же она бывала – радость во все огромное летнее небо, когда ты не рыбину-усача выдергивал из неведомых глубин черной воды, а сверкнувшую на солнце серебристую живую молнию на крючке своей самодельной уды!

И-йах!

А дуб, гордость не только их аула, но и всего ущелья, одной своей могущественной ветвью, как десницей, прикрывал приземистую их саклю с плоской по-горски крышей, устланной плитняком. Прикрывал – и в это верилось, от норовящих случиться именно что неожиданно-негаданно напастей, на которые так изобретательна жизнь.

Если бы ислам столь жёстко не требовал неукоснительного исполнения заветов и предписаний священного Корана, то вполне возможно, что по традициям адата дуб остался бы прежним капищем, местом поклонения многих поколений. А тут еще эта без масла в голове новая невидаль-власть...

Ага, ей-богу!

Но каким духом непоказного мужества повеяло оттуда, из эпохи предков, да не вздрогнут они в Ахерете – загробном своем мире тишины и покоя!

И тут ему неожиданно стало жарко и душно: его охватило чувство непроизвольного стыда перед пращурами за то, что он, Али, более прославившийся как Хромой Али, гяур такой, всё-таки умудрился запачкать их знамя позорным проступком. Позорным, недостойным горского мужчины, да, раз он из-за женщины, к тому же из-за такой-сякой бабы, совершил... это... это самое...

И-йах!

И в результате он снова оказался там, куда вход широк, а выход – щель, лишь можно протиснуться, и то, если...

Но он, Хромой Али, и теперь постарается сдюжить, не уронить себя, чеченца. Ибо, раз ты не до конца, не полностью есть чеченец, а с примесью, допустим, чего-нибудь советского – пиши дело швах. Жизнь не переставая убеждала его в этом с того самого знакового дня... На примере дуба.

...Небо словно бы разрослось, раздалось от слепяще-яркого света, исходящего будто не только от самого солнца, но низвергающегося и из высей над ним. Сердце его, ещё незыблемо, неисправимо молодого Али, тревожно застучало-заколотилось набатно, предчувствуя такую небывалую беду, предотвратить которую не дано даже всем семи небесным силам, а Аллах почему-то предпочел не вмешиваться. Но ведь и это Его воля. Хвала Ему!

И...

Припав к круто выпуклой груди горной вершины Черное Седло, взбитое белое облачко злоеще-озорно так засверкало, засияло расплавленным золотом изнутри – вообще-то было не понять, откуда оно вдруг взялось-появилось в чисто-синем, как глаз козленка, небе. Оно стало разбухать и разрастаться теперь уж с таким угрожающим видом, что можно было подумать: оно наконец-то за какую-то старую кровную обиду решило поквитаться со всем миром, с виду таким добродетельным, одинаково горячо любящим и привечающим всех, а по настоящей-то сути своей...

Ого-го!

Однако облачко это вполне могло сойти и за наивного белого ягнечка, ни о каком зле в поднебесном мире не то чтобы помышляющего, но и не догадывающегося о его наличии, зла то есть. Но вот его самого обрekli на заклятие, и он подставляет костру солнца на поджарку то один свой бок, то второй – классный должен получиться шашлычок для небесных волков, вконец оголодавшими стаями нагрянувших из расщелин гор. И они утробно заурчали, зарычали, сухо загремели, открыв праздничную канонаду – залазгали клыками, предвкушая кровавый пир.

Эти тучи были чернее черных мыслей подлых людей.

И дуб тоже весь мелко-мелко затрепетал, задрожал от макушки до самых корней-нитей. И тут нависший над Ак-су желтый карниз ею же самой подмытого берега, не выдержав напряжения, обрушился на по-прежнему невозмутимые воды реки – ухнуло так, что наверняка от силы удара кто куда шарахнулись торпеды-осетры и пули-рыбешки Каспия.

А гора Черное Седло сохраняла привычную невозмутимость, оставаясь завиднo хладнокровной, даже до обидного безразличной ко всему: ничего такого и на этот раз не совершит небо с землей, чего бы она до сего дня не испытала и с достоинством не пережила-не выдержала!..

И-йах!

Ага, ей-богу!

Есть?

Есть!

Мир был кипуче, энергично живым, и все происходящее в нем непосредственно касалось и тебя, человека – плоть от плоти его.

Ага...

Вся их семья от мала до велика, всполошившись не на шутку, высыпала во двор. Только Мовлади-хаджи, дед его, старейшина не только их дома, но и всего рода-тейпа, степенно, даже медленнее, чем обычно, проследовал за ними.

Его невозмутимость приободрила остальных. А он, вскинув голову в провисшее чуть ли не до косогора от тяжести грозовых туч небо, грузно возвёл белые свои руки на уровень груди и взмолился, к радости Али впаад арабским словам шевеля тонкими сухими губами – тогда он, Али, ещё понимал напевно проговариваемый дедом текст молитвы:

– О Аллах! Молю Тебя одарить нас благодатью этого ветра и благодатью того, что он несёт в себе, и благом от того, с каким умыслом он ниспослан на нас, и взыскую Твоей защиты от напасти сего ветра и напасти того, что есть его суть, и оборони нас от напасти того, с какой целью низвергнется небесная кара на нас!

Сверхславен Тот, кого благодарно превозносит гром и восхваляют ангелы, одновременно и пугаясь, и истово чтя Его.

О Аллах, не погуби нас во гневе Своем, и не обрекай нас на погибель Своей карой за прегрешения наши – вольные и невольные.

О Аллах! Отврати от нас не заслуженный нами баллах*.

Пусть возродится зачехнувшийся, и да поднимется рухнувший, и да воссияет потухший!

Старик слегка неверной, шаткой походкой направился к дубу и, словно обнадеживая его верой своей в благополучный исход всего, приобнял, потом по-

* Баллах – горе, бедствие, несчастье.

гладил по изборожденной вкривь и вкось канавками коре, сохранившей дневное тепло. И прижался к нему согбенной многотрудными годами спиной, приятно ощущая все бугорочки его надежного ствола.

Древним, очень древним был Мовлади-хаджи, однако таким вот ясным огнем его глаза не сияли, быть может, даже в самую удалую пору жизни – во дни закалки молодецкой его смелости в холодный булат несуетного мужества.

И-йах!

Обернувшись к ним, к семье, он приглушенным голосом сказал:

– Беда не та беда, которая грянет чуть погодя, а... – снова воздев руки на уровень груди, взмолился. – О Аллах акбар, Творец и Вседержитель мира, ниспосли на нас любое испытание, только вот не дай нам обернуться народом с двойным дном, с двумя ликами, с рассеченным, как хвост ласточки, двойным языком!

Это беда так беда, это горе так горе – лучший праздник для наших недругов... Ага! – Старик, безбоязненно взглянув на готовое обрушиться небо, скрылся в доме.

Стоило и им проследовать было за ним, но задержаться в сенях, как небо выхватило свою ятаганно изогнутую саблю и как бы пробно рубануло наискосок полог над горами. Пришелся бы этот удар всего лишь с этим пробным замахом в вершину горы Черное Седло – неминуемо бы образовалось на её месте новое ущелье с текущей по его дну развеселой речкой – сиди на её берегу на пригретом солнцем валуне, любуйся белопенным её потоком, слушай монотонное воркование её – вовеки не наскучит...

И тут...

И тут вполнеб сверкнула раскаленная добела извилистая цепь и стрелой вонзилась в дуб – рассклала его от верхушки до середины ствола. Обнажилась белая костистая рана. Отхваченная молнией часть дуба на некоторое время ещё как бы застыла, задержалась в раздумье – падать ей вбок, или как-то возможно ещё слепиться с материнским стволом, а потом нехотя, преодолевая некое внутреннее нежелание, тяжело так повалилась и соскользнула по склону взгорка, и, ломая, круша свои ветки, да ещё по пути калеча кусты орешника, упала бездыханная на груды камней.

На оставшееся стоять, превозмогая нестерпимую боль, полдерева было жалко смотреть – кора содрана и висит ошмётками, оголившиеся места мертвенно белеют. Там, куда пришелся разлом, торчали острые кости живого существа – они нещадно кололи глаза. Однако изувеченный дуб и не думал отказать, отречься от исполнения своего священного долга: его ветвь-десница вся так же простиралась над домом, готовая скорее погибнуть, чем лишиться его своей защиты.

Через долгую минуту у неба обрушилось дно: вода, ликуя, тугими канатами струй неистово хлестала землю – впору было опасаться, что эти взбесившиеся потоки смоят даже сами горы, сравняют их со столешницей равнин. А плоская земля – это уже не Чечня, не Кавказ...

Настал каймаг*. Вновь. Пришел День Ахарата**.

Да, тревога оказалась ложной: земля, с тщанием омытая тугострунным небесным душем, заблестала первозданной чистотой, задышала звончатой, хрустящей свежестью.

* Каймаг – всемирный потоп; День воскресения.

** Ахарат – День Страшного суда.

Живи, человек, и будь человеком по-людски. Чтобы минувшие века, смотрящие через частокол эпох на тебя – на свое далекое потомство, на весь мир – их вожделенное будущее, не тревожились более за тебя, а убедились в том, что нет, не станешь ты легкой добычей сладкоречивого Дьявола-Иблиша.

И-йах!

У всех, глядевших на истерзанный дуб – любимца их, на глаза наворачивались слезы. И только несмышлёныш-сын самого Али многозначительно, как это умеют только дети, изрек:

– Теперь дуб больше не будет насыпать на нас ветер, мешая играть.

И-йах!

Налетел другой ветер, не дал беззаботно доиграть свои игры и ему, и ещё тысячам мальчишек и девчонок...

Он один – что, он сам по себе, один – не проблема. Он один, и в ответе лишь за себя, и в волчьей яме будет благоденствовать, не ропща на predetermined, предначертанную Аллахом судьбу.

Но – чур!

Единственное счастье, на которое он претендовал бы и тогда – это умереть на свободе. И самая большая роскошь – умереть в пятницу или же в пятничную ночь! Получив у земли свою посмертную долю – два аршина...

Ага...

Но это тогда, когда ты разгруженный, нет никаких забот о других, не на кого в тревоге оглядываться, мол, как она у них, жизнь, без тебя-то сложится.

А теперь – и-йах! – как ему превозмочь эту боль, охватившую все его шестьдесят четыре года задымления им неба; весь мрак жизни; весь свет в промежутках черных дней и ночей; обжигающие ветры-суховеи астраханских и калмыцких степей; годы – века тех прежних лет заточения?

Превозмочь боль...

Опять.

После стольких лет.

И каких лет!

Как свернуть, скатать свою жизнь настолько, чтобы сделать её тяжесть, её груз подъемным, иметь силы нести его заново по камерам, по баракам, по зонам...

И-йах!

Есть счастье жизни. Но не менее желанно и везение с адзалом* – своевременная встреча с двумя черно-синими ангелами вечно светлого, не ведающего ни перемен, ни измен мира – Мункаром и Накиром.

Али знает, досконально знает от верных людей, что Умалат поклялся небом и землей, кровью поклялся – кровью брата, что он отомстит за его смерть непосредственно его убийце – Али то есть. И в знак этого обвязал голову полоской черной материи. И с тех пор охотится на него.

Есть? Есть! Ага, ей-богу!

И куда бы лучше было, если бы он его уже настиг, тем самым предотвратив вторую ходку Али в ад...

Но как он не удостоился от Аллаха достойной жизни, так, видимо, не дожидается от Него и смерти по-мужски. Всю жизнь счастье сторонится, избегает

* Адзал – смертный час; образ, вид смерти.

его, будто он отвратно, дурно пахнет для него, капризного... Горем, бедой он навсегда окликнутый.

И-йах!

Если дело коснулось смерти, то у него есть еще одно пожелание: хорошо бы умереть от мстящей доблестной руки. Ибо – слава уважаемому всеми врагу!

Ага...

Али встал, широко потянулся, до хруста костей, для приличия побряхтел по-стариковски, потом почему-то топнул левой, хромой ногой о бетонный пол СИЗО* Министерства внутренних дел Северо-Осетинской Советской Социалистической Республики – это тебе не халам-балам, и стал с силой тереть обеими руками затекшие бока – ныли старые кости, ныли, жалуясь на негостеприимную жестокость голых напольных нар-мостков, хоть он давным-давно отвык от мягких перин, насланных вдобавок на пружинящиеся сетки кроватей.

Скоро, совсем скоро придут за ним и... Кто они есть и что они есть те, к кому его поделят – каким, ага, преступным элементом он станет долговременным сокамерником? Никому другому так необходим такой товарищ, которому ты полностью доверяешь, полагаешься на него, как на самого себя – как тому, кто оказался в любовных тисках тюрьмы, особенно радушно встречающего-привечающего оголенного человека.

Есть?

Есть!

Оголенным-то он, Али, считает того, в защиту которого некому сказать слово с весом, весомое то есть слово, слово заступничества перед избирательно поворачивающимся туды-сюды дышлом закона. Одна надежда такого бедолаги только лишь на всемогущего Аллаха – Аллаху акбар! Инш Алла!

Русский ведь тоже хорошо сообразил сказать о боевой башне надежды: Бог не выдаст – свинья не съест!

Али смачно сплюнул на пол, растер подошвой босоножки:

– Прости уж, Творец всего сущего, но от этого слова-харам во рту грязно стало.

Если же случится так, что и Он выдаст, и длинноухая землеройка закусит тобой, и тогда не ропщи, пеняй только на себя самого: значит, чем-то настолько прогневил Его, что впал к Нему в такую немилость, что Он отвернулся от тебя.

И – йах!

И снова малолетки будут петь традиционный свой слезный гимн:

*Опять по пятницам
пойдут свидания,
Слезы горькие
моей родни!*

А у него-то никаких свиданий не предвидится – нет родни такой, чтобы по тюрьмам его навещать. Что ему остается и в камере, и на зоне? Еще тогда, в первую ходку, затверженный девиз: никого и ничего не бойся, никого ни о чем не проси, сдачу за обиду не откладывай на потом – простишь, что с твоей головы сбили шапку, недолго час, когда снесут и саму голову.

* СИЗО – следственный изолятор.

Ага!

Ей-богу!

А для сокамерников, пока тоже всего лишь подследственных, не осужденных, он – неопытный сиделец, впервой захомутанный, жучок-мужичок, недалекий умишкой. Однако трогать его, чеченца, задевать, стебаться над ним – поостерегись! Ибо не раскается тот, кто крепко-накрепко наматает на ус мудрость старого чеченца: «Взбесившийся конь наткнулся на кол». Это такой кол, который, заострив, косо всаживали в землю... На случай нападения верховых супостатов.

И-йах, выдавать-то себя за мужичонка-простофилю будет, но вряд ли ему удастся спрятать теман* в мешке – он имеет в виду опыт своей прошлой жизни, так сказать, диплом острожной высшей школы...

Каждый из сидящих в знаменитой на всю Белую тюрьму Шестой камере был придавлен скальной плитой своих горестных дум. Был ими как бы сплюснут, превращен в зека-табака.

Но и находясь в этом незавидном положении, в этих условиях, случалось, что один другому становился подпорой-пасынком, не давая окончательно загнуться. Просто из неистребимой человеческой солидарности, а вовсе не из какого-то милосердного сочувствия.

А ведь были и такие горюны, верящие, возлагающие надежду на то, что стоит им лишь красочно так, слёзно так поведать миру о своем горе, о горе не так понятой высокой и чистой души, как добросердечные люди попадают в обморок. Потом, очнувшись, встанут за них горой.

Ну, конечно, как же иначе оставаться им в ранге, в статусе людей, да ещё советских, самых в мире обостренно чувствительных к несправедливости, для которых боль другого – не чужая боль.

О да, о да...

А если что и правда, так это то, что страдания и муки и впрямь процедили, отфильтровали их души, и теперь и они – да, да! – и они, убийцы, стали походить чуть ли не на ангелов во плоти: их уже невозможно вывести из себя, озлобить и ожесточить, привести в такую слепую ярость, что они вновь способны будут поднять на обидчика свою смертоносную руку.

Они стали недосыгаемы для чувства мести, даже для кровной обиды!

Да, да: ибо заповедано достославными предками осетин, что это и есть определяющее качество настоящего мужчины, когда его-то не достигает оскорбление, причиняемое кем бы то ни было.

И вот тогда, когда свободные от злобы и мести люди узнают про такое их, вчерашних душегубов, теперешнее нравственно-моральное преобразование, искреннее раскаяние в содеянном, содеянном в состоянии спонтанно вспыхнувшей ярости, или даже пусть при хладнокровном расчете, но все же в ослеплении от нестерпимой обиды, им все простят незлобивые люди, сказав при этом, что и они, пусть совершившие в разных обстоятельствах злодейство, тоже из нас, сами отнюдь не столь уж безгрешные. К тому же, пожалуй, никто не зарекайся от тюрьмы да от сумы!.. И еще: чем сильнее, сказали мудрые предки, выбиваешь-лупишь войлок, или дубасишь бурку, тем она волосатее,

* Теман – большая игла для шивания теплых одеял, матрасов.

ворсисто-шерстистее, лохмаче. Тем более, что когда распинающиеся о суровой, беспощадной каре, долженствующей постигнуть таких вот преступников, или сами, или их чада угождают в частопетельную сеть закона, они без промедления затягивают ту же самую заунывную песню о милосердии!

О Бог!

Кому недосуг до таких вот их философствований, ибо пуще муравья занят делами, да еще неотложными, пусть мыслит телеграфного языка отрывками, искромсанными предложениями, или же вообще может сорвать рубильник, стоп-кран своего мыслительного тягостного процесса, а им вот спешить ну абсолютно некуда.

И ему, по камеророщенной, тюремнотканной кличке-погоняле Студент, а по воле Урусхану, тоже некуда поспешать, торопиться, спотыкаясь и падая...

Он перевернулся и лег ничком, задвинув комковатую подушку под подбородок, и уставился на дверь. Скоро целых два года, как он без суда киснет здесь. Киснет, да. И за эти минуты-часы, дни-недели, месяцы-годы его чувства настолько обострились, настолько в нем развилась какая-то не человеческая сверхинтуиция, что он сам себя стал пугаться, себя, в сравнении с прежним, неузнаваемым – наверное, у того Урусхана эти самые таланты-способности прорицателя, вещуна-провидца, ведуна-колдуна какого-то, до поры до времени находились под спудом, пока по крайней надобности не заявили о своем наличии.

Как-то он к одному из сокамерников – тот уже, счастливый, чалится в зоне, – обратился с неожиданной и довольно странной, как для самого Урусхана, так и для того, конечно, просьбой, чтобы тот написал какое-нибудь слово на клочке бумажки и запрятал её, а он, Урусхан, попробует угадать это самое слово.

Что это, откуда оно пришло, возникло это желание – бог весть! Испытуемый оторвал от пачки сигарет закрылку – полоску, куском графита от карандаша нацарапал какое-то слово и, скомкав бумажку, механически засунул ее под свою подушку, да еще подмял под себя!

Всех рассмешило это детское действие. Урусхан почувствовал, как по его телу побежали мурашки, и он невольно вздрогнул, как в ознобе: он увидел это слово! Увидел каждую букву. Но он бы ни за что не объяснил, как это произошло, что в нем такое сверхтаинственное сработало – откуда это все: и само это желание угадать, и сама разгадка. В такие минуты невольно веришь, что есть она, некая высшая сила, некий потайной закоулок в нас, куда нам пока заказано заглядывать...

Он гипнотически пристально-таки вперил взгляд в глаза напарника по игре – они у того тревожно забегали, стали беспомощно озираться: тот тоже вдруг понял, что Урусхан как бы раскодировал, распечатал его взгляд, проник сквозь него и...

– Там написано слово «свобода». Точно?

– Точно! – торжествуя и облегченно выдохнув, согласился тот и стал всем показывать бумажку, потом и сам взглянул, словно проверяя самого себя, действительно ли он начертал именно то самое слово. – Но как это ты... Не подглядел же, не подсмотрел.

Урусхан ничего ему не ответил. Да и что и как он мог ему объяснить, когда сам был в полном неведении обо всём. Вполне может быть, что ёкнуло где-то в глубинах сознания, что этот парень накануне этапа не мог ничего другого

сочинить, как перенести на бумагу мечту свою о самом сокровенном желании – оказаться на свободе.

Как после того сеанса гадания, так и сейчас он почувствовал себя обес-силенным, выжатым – пустотелым каким-то. В голове было гулко пусто. Она, хоть на минуту-другую, но высвободилась из паутины-тенет липучих мыслей...

Но это высвобождение продолжалось всего-то ничего, голова снова свин-цово отяжелела, обреченная на ставшие обыденными тягостные размышления. И вдруг снова как бы вспышка, проблеск-просверк, озарение: он увидел его! Того, которого заведут, закинут к ним с минуты на минуту.

Неразгадываем, да, и также неисповедим Божий Промысел, а то как это он, Урусхан, уже видит его, чувствует, и даже может поклясться в том, что давно его знает: вот ведут по коридорам порядком уставшего от вывихов, переломов судьбы пожилого человека. И еще чует новообретенным своим сердцем Урус-хан, что этот новосиделец станет ему непривычно близким и дорогим челове-ком, а потому причинит ему невыносимую боль, сам того нисколечко не желая.

Ага, так и есть: надзиратель завозился с замком проржавевшей желез-ной двери, и следом раздался неприятнейший, душервущий, мозги скребущий скрип. Её нарочно не смазывают вот уже не меньше тысячи лет: пусть и таким своим скрежетом и скрипом она раздирает души этим душегубам, проклятию рода человеческого!

И тот, ведомый к ним солидного возраста мужчина, явно мокрушник, от-нюдь не впервой заарканен и захомутан – он видал-перевидал виды, матерый этот волчара. И – скрывает это, ибо к ним попадают те, кто по первой ходке очумелый.

Если у ада тоже есть врата, то они должны скрипеть, как эта сучья дверь их Шестой камеры. Но – хрен с ним, со скрипом, с завыванием кошек марта – сейчас главнее не это, а явление вновь прибывшего в сию, параллельную с волей, жизнь.

Ну и дверь!

Да чтобы тот, кто сколотил ее, оббил жостью и навесил, больше в жизни не смог взять в руки ни молотка, ни гвоздя!

Неужели и в деле этого мужичонки наличествует всеобщий спотыкач «шерше ля фам» – ищите женщину?! Однако Урусхан бы поклялся на чем угодно и дал бы какую угодно клятву, принес присягу, что – да, и тут замешана она, прекрасная половина человечества. Хотя по виду ее жертвы ни при каком раскладе версий об этом никому не догадаться. Ого, выходит, что это дано единственно ему, самому Урусхану... Но – как?! Но – кто она?

Надзиратель со всего размаху захлопнул обреченную на черную ругань дверь, да так, что она даже застонать-скрипнуть не успела, и давай наворачивать запор на все три оборота ключа длиной в гвоздь-двухсотку.

Не сказать, что мужичок-сморчок задержался у порога в растерянности, но с минуту все-таки постоял, давая всем насмешливо-оценивающе рассмотреть себя: пусть встретят по одежке, а там предельно неспешное время покажет, кто есть кто, и кто есть что! А посмотреть-разглядеть было что – было, было! Из-под штанин ядовито-зеленых брюк выпирали мальчишески острые колени – тут вельветовая ткань штанов заметно полиняла, стала намного светлее. На ногах обувь коверного клоуна – огромного размера, не менее двух-трех номеров больше необходимого, босоножки-плетенки. И именно что на босу ногу – в чем его ментяры сцапали, в том и благословили тянуть ляжку, волочить срок. Если

и были на нем носки, он мог их давно выбросить в мусор – где их стирать ему было, где сушить... Из явно коротких для него рукавов заношенной донельзя куртки торчали его руки – большие, толстопалые, натруженные руки-трудяги. И топор им не чужд, и молоток, и даже пила двуручная в одиночку, и ножовка, и лопата, и сучковатая палка, а то и чабаний посох с крюком для ловли овец – ярыга. А еще в них ладно сидится оружию – и холодному, и любому.

Другие части тела мужичонки скрывались за свернутыми в огромную охапку тюремными постельными принадлежностями – набитым огромными комками ваты матрасом, подушкой такого же наполнения, истертым до лысин тонким летним одеялом и мутной белизны простынями. В глубине их могли быть спрятаны личные, дозволенные к проносу, вещи. Если, конечно, таковые у него имеются.

Наконец босоножки решили, что пора сделать первый шаг к знакомству со староселами.

Что-то неуловимое задышало в затхлом, прокуренном насквозь воздухе камеры и известило Урусхана, что вновь введенный в эту преисподнюю – не осетинских кровей. Тогда – кто?

Увидит вблизи лицо его, рассмотрит глаза, поймает его взгляд – вполне гарантированно может вычислить его национальную прописку – это для русских кавказцы на одно усатое грузинское лицо, а для Востока – все черкесы...

И вот новообращенный член Шестого узилица сдвинулся с места. Сделал пару шагов и вдруг не положил, а выронил всю свою охапку на мокрый цементный пол. Одного беглого взгляда было предостаточно, чтобы решить: перед тобой действительно старательно мятый-крученный-верченный жизнью человек, то обжигаемый-поджариваемый нещадным солнцем, то сбиваемый с ног прикаспийскими ветрами, не раз и не два проклинавший судьбу за ее непрощенные дары-подношения. Не старый еще, но – да, пожилой мужчина. Горец.

И что же он еще смог натворить, он, уже спускающийся с горы жизни вниз по уклону, крутизна которого не позволяет сходить размеренным шагом, а нуждается к бегу? Потому возможно споткнуться так, что недолго и шею сломать.

Урусхан для себя отрезал: это вайнах – и скорее всего чеченец, взгляд его с прозеленью глаз пронзительен по-чеченски. Но ручаться на все сто не стал бы – найдется и такой ингуш, с точно таким же пронизывающим взглядом.

Бетонный пол же потому был мокрым, что они его часто по выбоинам-яминам заливали водой и потом размазывали лужи по всей камере – влага, испаряясь, создавала эффект свежести, дышать становилось чуточку легче, или хотя бы они думали, что на самом деле повеяло прохладой – аутотренинг, говорят, ухитрись смотреть цветные сны, теши свое сердце грезами...

Выронил, значит, весь свой багаж на пол, и охапка так и осталась охапкой – да и как иначе: нечему ведь было в ней распрямляться и вываливать из себя содержимое.

Старик одарил всех испытующим взглядом, никого особо не выделяя, на каждом задерживаясь ровно столько же, сколько на его соседе. И, не проронив ни слова, порывисто нагнулся и сгреб свою охапку. И опять стали ясно видны лишь одни его ноги в этих замечательных клоунских босоножках. Черная материя матраса покрылась более темными пятнами – намокла. И тут охапка за два широких шага одолела пространство до стола и совершила – грязная! – на него мягкую посадку! На обеденный их стол! На святое место!

Пора было, давно пора было как смеяться, так и возмутиться хотя бы этим святотатством, но дед-то явно не баклан какой – с какого перепугу бы тот мог затесаться в плотные их слои, их – должников крови... И потому даже Сергей хранил любопытное молчание, даже он без всякой реакции взирал на него, он, задира, еще в голозадом детстве объевшийся смешинок.

Но тут возмущённо всплеснул своими худющими руками Рачик, на вольной большой земле Рачик Акоюнц, да не успел сказать-проорать ни слова: дедуля, поняв свою оплошность, сгреб матрас со всей хурдой-бурдой и застыл, озираясь в поисках места, куда бы, не вызывая нареканий, пристроить свой скарб.

Не в чудака ли, случаем, не в ротозея-рохлю какого-то он играет, вместо себя настоящего впарывая им сельского самодеятельного дурачка, эдакого чертилу из Нижнего Тагила? Но – странно: эта тягомотина с устройством их не раздражала, а, скорее, забавляла.

И снова первым о наигранности, нарочитости такого его поведения догадался Урусхан, а, догадавшись, перестал наблюдать за ним – отвернулся и старался вызвать в воображении его настоящее обличье. Одно было уже предельно ясно: этот старче отнюдь не новичок в этих равнодушных к любому горю стенах. Но что же так безотчетно привлекло, располагало к нему сердце Урусхана? Вообще-то старики сами по себе вселяют мужество в более молодых заключенных, укрепляют их дух, придают им силы терпеть, выносить все и держать себя более достойно. Они одним своим невозмутимым видом служат как бы подпоркой твоему пошатнувшемуся душевному здоровью, вдохновляют тебя не сдаваться при сжатии-растяжке, не ломаться, ибо у тебя-то впереди – жизнь, какая она ни на есть...

Старик снова потоптался на месте и спустил свою злосчастную поклажу с живота до колен и теперь держал её с таким видом, что можно было подумать: вот-вот кинет её, и пусть летит она хоть под семь подземелий. Однако через секунду, как бы высмеяв самого себя за такое бестолковое поведение, неожиданно широко заулыбался: ба, знакомые же, родные же все рожи! И громко, будто он находился за калдой кошары и старается перекричать блеяние зовущих своих матерей ягнят, проговорил:

– А вот теперь всем вам поровну ас-салам-малейкум! – И поспешно добавил, не дожидаясь их ответных эмоций на его приветствие: – Я – чечен, Аллахом отмечен! Пусть это знает даже тот, кто знать ничего не желает: пригодится на каком-нибудь вираже-заносе. И-йах! Ага... О Аллах! Не дай баллах! Так говорят хири, то есть осетины. Да, а я с макушки головы до самых пят есть чеченец. Тот, кто будет меня любить и жаловать, тот будет поступать очень умно и правильно. У меня КРУ* обнаружил большой дефицит любви, очень большую ее недостачу. Но если кто-то сочтет для себя удобством не награждать меня сходу любовью, тоже окажется не совсем дурак. Ага. Есть? Есть! Тогда я поверну свои глаза внутрь себя и начну искать причину в себе – гнилой недостаток свой. Есть? Есть! И тогда я вам доложу мнение умного предка чеченцев – он долго и внимательно рассматривал своими глазами горного орла жизнь и сделал вывод, не подлежащий обжалованию: «Для мудрого человека вся вселенная, любая страна – его отечество!».

* КРУ – контрольно-ревизионное управление.

– Ты чеченец?! – Рачик, казалось, был настолько сильно удивлен, точно он воочию увидел своего прапрадедушку, явившегося с того света. Потом, не удержавшись, продекламировал стих, который почти у всех на кончике языка: – Злой чечен ползет на берег, точит свой кинжал!

– Поздно точить, раз уже ползешь! Загодя должен сделать кинжал бритвой... Ты знаешь, на какой берег он ползет?

– На левый. Терека...

– Не на левый и даже не на правый, а на свой! Чтобы освободить его от уруса – незваного гостя! – Он пробежался глазами по нарам, выясняя, есть ли свободное место, и, если есть, то где оно – вверху, внизу? Вверху – тогда жди лучших времен, когда переведут в камеру для осужденных кого-либо с нижних нар; или же из вежливости – уважения к твоим годам – пока не уступят тебе льготное место внизу.

Свободным оказалось место наверху. Али, с некоторым усилием закинул туда свое барахло, и принялся стелить постель.

Нижнюю полку этих нар занимал ингуш Местоев Магомед, молодой широкоплечий мужчина, большоголовый, с тонкогубым ртом, весь будто наспех, но зато крепко-накрепко сколоченный. Одет он был в кавказскую косоворотку, просторные галифе, мягкие сафьяновые сапоги. Всё это время Магомед одетым дремал на застланной постели, только ноги свесил на пол.

Теперь он, спохватившись, порывисто вскочил и, приобняв старика, уставился на него радостными глазами:

– Ты нохчи вуй? А я ингуш...

Они обнялись, и раз, и два прикоснулись щеками, и лишь после этого пожали друг другу руки. Чуть погодя старик, заметно прихлопывая и шумно шлепя босоножками по бетонному полу, шёл от одной нары к другой и со всеми здоровался за руку. Все ему обрадовались так, словно после долгих ненастных дней проглянуло солнышко, пробилось сквозь набухшие тяжелые тучи, и вот они вновь стали походить на людей – к птицам в их клетку влетела свежая пташка, ясное дело, что отнюдь не по своей доброй воле, но они всё-таки радостно загалдели: встряхнулись, захлопали своими скованными крыльями.

Пока чеченец пожимал всем руки, Магомед скатал свою постель, закинул ее на верхнюю полку, а на своем месте постелил старику, сообщив ему:

– Это будет наша с тобой шконка – ты на почетном месте внизу, а я, как младший, над тобой. Но вот матрац твой... Уж лучше бы дрыхнуть на голых досках, но и их где взять-то... Потерпи, старина, совсем немного осталось ждать, – тут он кивнул на лежащего сверху на соседских нарах немолодого мужчину. – Через неделю-другую Мясоруба спровадят в Потаенное Село, чтобы он больше не коптил синее небо с востока Моздока. И вот тогда мы распотрошим его матрац и набьем ватой твой полупустой чехол. Кому, говорили досточтимые предки, не достается наследства, тот не разбогатеет, не оперится.

– Заткнись, ингуш, объелся груш! Да чтоб у тебя на языке рог вырос! – беззлобно выдал в ответ мужчина, прозванный Мясорубом.

А так его величали Николаем, русский из Моздока. По своему возрасту он был из всех наиболее близок к Али. Замечательный тип человека представлял он из себя: не без усилий удавалось смотреть в его глаза дольше минуты – они были у него какие-то игольчато-синие, взгляд их так и проникал сквозь чело-века, и каждого волей-неволей брала оторопь. Они, его глаза-буравчики, были какие-то жёстко сухие, неприятно холодные, аж студёные. Вместе с тем полные

ума, не суетливые, не бегающие, всегда смотрящие на собеседника прямо; глаза человека, во всё до мелочей вникающего. А в глубине их притаилась насмешка, при необходимости легко переводимая им в дружескую улыбку.

Если даже не знать, что он хладнокровно и деловито, обдумав все детали, расправился со своей жертвой, многожды выводившей его из себя, всё равно один только его мертвящий взгляд разил наповал – хочется от такого типа держаться чем дальше, тем лучше.

Но стоило ему, Николаю, засмеяться – тем более, что он отлично понимал юмор, острое словцо, – как ты мог быть застигнут врасплох этим его грудным смехом. Настолько искренним и заразительным, что вопреки всем характеристикам-ужасикам он располагал к нему. Мужик не был лишен и определенного бесстрашия: точно зная, что его приговорят к расстрелу, он, тем не менее, не стонал-плакался, не жаловался на судьбу-индейку, держал себя в руках. Ну да, ну конечно, он и это твердо знал, что хоть и приговорят его к вышаку – ВМН, то бишь к высшей мере наказания, – он избежит пули, расстрел заменят ему сроком в пятнадцать лет усиленного, или же строгого режима – там уже все будет зависеть уже не от буквы закона, а от совести судьи, насколько смягчающими обстоятельствами он учтет его характеристику как новатора производства, человека, прошедшего войну...

Вот потому-то всё не так однозначно, можно глубоко ошибаться, судя о человеке исключительно по его внешним данным и по его деянию, которое он совершил в праведном гневе, вне себя от незаслуженных оскорблений, плевков в душу.

Да, не однотонно сплошь черным был Николай по кличке Мясоруб, но вряд ли кто, помня даже о его несомненно привлекательных качествах, захотел бы иметь его в закадычных своих друзьях. Да и он сам не искал ничего расположения, ни к кому не напрашивался-набивался в друзья-товарищи.

А его веру в то, что он не обязательно будет расстрелян, укрепили старые волки: за одного убитого приговорить к вышке могут, но пустят в расход только за убийство с особой жестокостью, или если ты лишил жизни своего командира – военный трибунал плохо знаком с поблажками и снисхождением, он почти всегда воздаёт око за око, тем более рядовым. Могут наверняка шлепнуть и за расправу с каким-нибудь шишкой во власти – тут уж впаяют-пришьют статью и за террор, и тогда тоже не жди никакой пощады, никакого помилования. Безоговорочно ставят к стенке и за вечную командировку к праотцам двух и более лиц.

Таких содержат в камерах смертников с особо строгим режимом. Вот где секунда равняется минуте, минута часу, час дню, день...

Там молодые злодеи сидят за месяц-другой, а то, что происходит-творится в душе у них, ведомо лишь только им одним, да еще Богу.

Но если ты в серьезном возрасте, и колесо твое катится на запад, то пятнадцать лет отсидки тоже далеко не малина – может быть, там оденешься в деревянный бушлат и закопают тебя неведомо где...

И-йах! – сказал бы Али: ты здесь ежесекундно молишься на волю, чак-нешь, исходишь зеленой тоской, мыкаешь горе горькое, мучим и истязаем раскаянием, а там, на недосыгаемой воле-волюшке, кто-то в эту самую минуту делает все для того, чтобы именно тут, здесь, получать предметные уроки любви к свободе...

Жанна КУЛИЕВА,
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник КБИГИ

«СЛУЖУ ВСЕЙ ЖИЗНЬЮ И СПОЛНА...»

Светлана Моттаева

Моттаева Светлана Мустафаевна (1938, сел. Верхняя Балкария Черекского р-на КБР), балкарская поэтесса. После окончания средней школы в г. Фрунзе и возвращения из ссылки вместе со своим народом на родину в 1957 году, Моттаева поступила в КБГУ. Завершив учебу в 1962 г., работала инспектором школ, завучем Верхне-жемталинской средней школы, директором школы рабочей молодежи в Черекском и Чегемском районах КБР. С 1964 по 1975 гг. – редактор молодежных и детских передач, а затем – главный редактор художественных программ республиканского телевидения Кабардино-Балкарии. С 1975 г. Моттаева – редактор, затем зав. редакцией и ведущий редактор книжного издательства «Эльбрус».

Светлана Моттаева – заслуженный работник культуры КБР (1988), член Союза писателей и Союза журналистов СССР, член президиума Союза журналистов КБР, лауреат премии Союза журналистов КБР (1994) и МВД КБР (1995). Стихи писать Моттаева начала рано. По словам поэтессы, «С молодых ногтей и дней далеких детства / Мне музыка звучит Любви и Торжества». Печаталась в журналах и газетах. Стихи пишет на балкарском и русском языках. Издала несколько сборников. Уже в первом же из них «Харкюнде» (Каждый день) Моттаева заявила о себе как талантливая поэтесса. Один за другим, в последующие годы, выходят ее сборники, получившие широкое признание: «Тамга» (1983), «Толгъан ай» (Полнолуние. 1986), «Сад камней» (1991), «Потухший очаг» (1994), «Шартла» (Черты. 1997), «Избранные: Стихи и поэмы» (1999), «Вершины памяти и чувств» (2003). Поэзия Моттаевой лирична по своему складу, в ней находят отражение различные мотивы: любовь к родине, чарующей красоте ее природы, пристальное внимание к явлениям изменяющейся жизни, размышления о сложных человеческих взаимоотношениях. К творчеству Моттаева относится серьезно, сама говорит о своем «словотворчестве»: «Служу ему всей жизнью и сполна». Поэтессе пришлось многое пережить, все ей давалось нелегко в жизни, в которой «лишь успевай парировать удары, что норовит преподнести судьба». Но у нее бойцовский характер, и в поэзии она воительница. Это придает особую энергетику ее стиху. В нем – движение, динамика, темперамент: «Люблю, когда ветер, / Люблю безотчетно, / Мне сердца тогда не унять, / Оно, словно лайнер на линии взлетной, / Готово в дорогу опять» («Люблю, когда ветер...»).

Характерной особенностью поэзии Моттаевой является то, что в ее творчестве находит отражение собственное видение многих проблем, собственное понимание жизни, искусства, творчества вообще. Автор ведет с читателем

прямой разговор, ведет постоянную борьбу с любителями легкой и спокойной жизни, глубоко задумывается о судьбах людей, смысле их труда. Она уверена в своей правоте, отстаивает свои взгляды, вкусы, пристрастия. И в то же время старается поддержать тех, кому плохо в этом мире, старается научить терпению, умению преодолевать все преграды и сохранять достоинство: «Под небом, сыплющим угрозы, / Храни молчание вершин...» («Отдайся жизни...»). Но горечь раздумий о тяготах жизни не может заглушить оптимистических начал ее поэзии.

В ее стихах видны приметы времени, она не отстраняется от всего, что происходит в жизни ее страны, судьбы которой и тяжелые события не могут не волновать, и поэтесса с горечью констатирует: «Мы все росли, овеваны победами, / И кумачом отсвечивал наш взгляд, / Но над кладбищем лозунгов развешенных, / Ветра невзгод теперь уже шумят...» («О прошлом»).

Слова о любви к родине, к своей земле, к людям труда, об их духовном богатстве обретают в стихах Моттаевой новое звучание, особую значительность и глубину. В них она выражает собственное понимание и смысла бытия, и назначения человека, и сущности жизненных явлений. В стихотворении «Реплика гуманиста» поэтесса признается: «Люблю людей». И это не просто декларация. В поэзии присутствует боль за всех людей земли, прослеживаются интонации торжественности, серьезности, широкая эпическая амплитуда: «Кипчакский дух пронзен польною – / Века гудят, / Над скальной сумасшедшей стынью – / Огни горят...» («Эхо скал»).

Поэтический голос Моттаевой с годами становится все более полнозвучным, подкрепленным опытом жизни. Издания Моттаевой свидетельствуют о поэтическом росте, о новаторских поисках. Новизна и разнообразие формы и рифмы, различные интонационно-смысловые оттенки речи, мелодика стиха – все это усиливает воздействие поэзии Моттаевой, придает ей индивидуальность и яркость, особую образность: «Красивого счастья желает мне осень, / Такой красоты, как сама. / Над ворохом листьев небесная просинь, / Сведет чистотою с ума...» («Осень»).

В стихах, наиболее характерных для ее творчества, – не только тревога за судьбы отдельных людей, ее современников, простых тружеников, но и отношение к своему народу, о котором поэтесса пишет с любовью и гордостью. С ним она пережила все трагические испытания, выпавшие на его долю: «Мы видели лихие времена – / А нас они вдвойне не миновали...» («Мир тесен»). Но народ выстоял, несмотря ни на что: «Мал народ, но духом крепок, / Сила в том его видна...» («Воспоминание о марше»).

Несмотря на жесткое звучание стихов Моттаевой, в них, в первую очередь, чувствуется лирическое начало.

О любви она пишет без слащавости, без женских вздохов. Поэтесса находит нестандартные сравнения, метафоры. Она говорит о непостижимости любви, которую нельзя предавать, и понимает, что любовь не только несет счастье, но и сопряжена с болью разлук, со страданиями.

Поэтесса отдает должное творчеству своих предшественников в литературе: «В белых ромашках берег Череча застенчив, / Вечер языческий бродит по Саду Камней, / Слышу, как рядом на верхнебалкарском наречье, / Мне о пред-

течах моих повествует ручей...» («Тамга»). Не каждому дано говорить правду о писавших до тебя, поднимая их на должную высоту. У Моттаевой есть такие строки, обращенные к Кайсыну Кулиеву: «Ну а если прямо, так сказать, по совести – / Первый среди лучших – это он, Кайсын...» («Небо. Звезды. Поэты»).

Истинным поэтам, любящим свою Родину, в России мало везло, Моттаеву тревожит судьба поэтов не только своей Балкарии. Трагический конец русского поэта Н. Гумилева также волнует ее сердце: «О, как же могла ты, Россия, / В такого поэта стрелять?! («Об этом писать невозможно»).

Интересна по глубине, интонационно выразительна философская, любовная, пейзажная лирика Моттаевой. Она – мастер лирических зарисовок: «Помолчим. Зажжем не свет, а свечи, / В честь ее величества Луны, / Пусть войдет неслышно в двери / Вечер / И подарит золотые сны...» («Табу»). Порой это элегические раздумья о смысле существования, о бренности всего живого и, в то же время, о нескончаемости жизни, о ее бессмертии: «Я недаром завидую снегу, / Ведь, растаяв, он вновь оживет, / В животворном движении побега, / В неумолчном звучании вод...» («Дорогая, душа неспокойна...»). Четкость композиции, лаконизм, образное мышление придают стихам Моттаевой стройность и яркую выразительность, а искренность интонации – особую поэтичность. Только поэт так мог сказать о грозе: «Трава застенчива весной. / И громогласны небеса:/ Гремит, летит над головой / Лезгинкой майская гроза...» («Диссонанс»).

Тематика поэзии Моттаевой самая разнообразная. Об этом говорит даже небольшой перечень ее стихов о земле отцов, братстве людей, трагических годах изгнания балкарского народа: «Ночной эшелон», «Дума», «Тамга», «Дых-Тау молчал», «А наш рассвет был хмур...», «У поэтов есть такое право», «Боль», «Сердцем скорбящим», «Я видела степи Абая», «Вернулась в печали из горного села», «Думы моего предка», «Мухажир семи земель», «Мир недобрый», «Неоконченная поэма».

Не чужд творчеству Моттаевой и эпический жанр. Заметное произведение – поэма «Правота матери», или «Сентиментальная поэма». Она посвящена, по словам поэтессы, «миру людей и матерям – средоточию земных щедрот и страданий, их великой любви к детям».

Моттаева – поэт разносторонний, разноплановый, вторгающийся в различные сферы жизни, зорко подмечая все, что может стать поэзией. Книги ее – неотъемлемая часть не только балкарской литературы, но и культуры в целом.

Прелюдия

Жара сломалась. На исходе лето.
Короче дни и холодной роса.
Игрив сентябрь, солист балета,
Чудак смеется, глядя в небеса.
Но тих ручей, загадочно невнятен,
Стыдливо гонит свои струи вдаль,
Лес примеряет новенькое платье,
К ней подобрал оранжевую шаль.
Жара сломалась. Дни пошли на убыль,
Там, за горами, спит пока январь,
Вот-вот сентябрь золоченым блюдом
Рассыплет щедро по земле янтарь.

А. Пушкину

О, Русь моя! Тебя открыл мне Пушкин,
Ему через века я шлю салам.
Во дни торжеств, во дни привычных буден
Прислушиваюсь к пушкинским словам.

К нему не заросла народная тропа –
С Россией вовек он обручен,
Александрийского превыше он столпа,
В зенит самим Эльбрусом вознесен.

Любовь Кавказа, горцами воспетый,
На всех кавказских сущих языках
Его возносят гор седых поэты,
Им вторит эхо чуткое в горах.

Ах, Пушкин, Пушкин, мой кудрявый гений!
Пленил нас экзотической красой,
Мелодией своих стихотворений,
Великоросса пылкою душой.

О Русь, тебе за Пушкина спасибо,
За чудный дар, что так возвысил нас,
За красоту души и слова силу
Ему так благодарен мой Кавказ.

Весна

Взошел вновь март.
Весна под утро
Свои крыла приподняла,
А сад прислушивался чутко,
И в небе тень орла плыла.
Густела даль,
Она, живая,
Одела голые сады.
Весна взошла, как птица рая,
Суля несметные плоды.
Синела стынь,
И небо смело
Багряным соком налилось,
Прикрыв земли нагое тело
Туникой из веселых звезд.

2016

* * *

Я спустилась с высот на равнину:
Здесь стрекозы летают в цветах,
Здесь пылят одуванчики инеем –
Разоделась земля в пух и прах.

В этом мире ином, заземленном,
В безмятежной сумятице трав,
Я душой отдохну усмиренной,
Укротившей мятежный свой нрав.

Но не он ли сквозь тернии к звездам
Вел меня, призывал, подвигал,
Не страшась, под суровыми грозами,
Подниматься на свой перевал?

Диктовал он (такое бывает),
Чтобы я сотворила из слов
Свою песню, что дух пробуждает,
Возвращая из розовых снов.

Чтобы, не подавляя искуса
И терпя боль израненных стоп,
Вновь карабкаться каменным руслом
Снова вверх, где Череча исток.

2001

* * *

Я знаю, мне будет еще не хватать
 Тех дней и часов, и мгновений, и взгляда,
 Влекума найтём, придвинув тетрадь,
 Берусь за перо, подчинясь слову «надо».

Но что мне сие повеленье, когда
 Минувшее и непредметно, и зыбко?
 Связать нас уже не с руки проводам,
 Лишь память хранит отраженье улыбки.

Я ею влекома, как волей судьбы,
 И к ней устремляется вся моя сущность,
 Которой пора бы уже позабыть
 Тот голос, звучащий теперь уже глуше.

За далью, еще не ушедшей во мглу,
 Еще обозначенной зримо и внятно,
 Я тешу себя прихотливым «могу!»,
 Его повторяя в душе многократно.

Забота забот. И отринув давно
 Тех дней приснопамятных властные руки,
 Зачем-то я к ним тороплюсь все равно,
 В душе воскрешая забытые звуки.

* * *

И дым Отечества нам сладок и приятен...

А. Грибоедов

I

Бытием своим веским,
 Полным сил и огня,
 И наивностью детской
 Поражаешь меня.

Да и в вере не лучшей
 Отличаешься тем,
 Что ты чтить того пуше,
 Кто не чтит твоих стен.

Твоих стен рустикальных
 Из мифических снов,
 Твои мшистые камни –
 Основанье основ.

Тех, что злобой палимы,
Стариков и сирот
Поднимали на дыбу,
Затыкая им рот.

Ты в наивности детской
Виновата, права,
В жестах скорая, резкая,
Да нежна, как трава.

Бессловесно-скульптурна,
Без высоких речей,
Высока – без котурнов,
И сильна – без мечей.

Ты – и горы, и небо,
Ты – сама высота,
Жажда жизни – твой повод
И твоя правота.

Оглянись не во гневе,
Всё прими, не смирясь,
И крепи духом, чревом
С мирозданием связь.

Ты – мой сколок слепящий,
Ты – услада очам,
Я твое настоящее
Не предаю, не отдаю.

Что прошло – это в прошлом.
В напряжении сил
Будь для мира хорошей,
Как тебя Бог учил.

Я с тобой – что бы, как бы
Ни желала судьба,
Будь и доброй и сильной,
Как скала и трава.

II

Твой облик Богом дан – высок,
Два дыма над челом твоим:
Отечества охватный дым
И края отчего дымок.

21.12.02

* * *

Катился гром от неба по увалам,
В весенней хляби полоскался ветер,
На рубежах времен природа бунтовала,
Как будто угодив в расставленные сети.

И, подобрав подол, летела Кизилровка
На бешеном аллюре вдоль по небу,
Хаос иль праздник был – не ведала я толком,
Иль пиршество, природе на потребу.

Горячая дрожь весны на унималась,
Огромный солнца зрак проглядывал с небес,
Все на земле задвигалось, смешалось,
Как будто в душу ей вселился бес.

1990

* * *

Эта улица, дом этот белый,
Этот двор, где гулят сизари,
Где орешник огромен, как небо,
Петухи – от зари до зари.

Голоса всех моих сновидений,
Что порой настигали в ночи,
Ненаписанных стихотворений
Мне отчаянье в сердце стучит.

Их, ушедших, истаявших в небе,
Затерявшихся в кронах деревьев,
Воскресить я не в силах напевы,
Пересеять не в силах посев.

На краю опустевшего поля,
Где нашел подорожник приют,
Стынет там вековое приволье,
И стрижи оглашенно снуют...

* * *

Пять алмазов – пять ущелий –
Горы мои старые,
Стражи многих поколений,
Имя вам Балкария.
Здесь стояли в стойкой вере
Пращуров суровые,
Здесь бросал наветы ветер,
Но стояли горы.

Даже им – таким незыбким –
Доводилось плакать,
Времени скупые снимки –
Графика – на память.
Возносил слова молитвы
Здесь Кязим над горном,
Под шуршанье дикой сливы
Славил в песнях горы.

1998

Ода моему наваждению

Я свободна, как духи в зените,
Мои дни – они только мои!
На пороге побед и открытий,
Словно знамя, парит мой наив.
Мне не просто привыкнуть к свободе,
И глаза мои режет апрель,
Я лечу в мировом хороводе,
Вижу Вену, Париж и Марсель.
Перейдя за тенета кордона,
Обнимая непознанный край,
Я, теперь уж седая Юнона,
Окунусь в свой непрожитый май,
В заповедные чистые годы,
Без потерь, унижений и лжи...
Ослепительный ветер свободы,
Вожделенное наворожи!
Нагадай и приблизь! В беспросветье
Чтоб закрылась дорога вовек,
Помоги позабыть лихолетья,
Осознать, что я есмь – Человек.

1991

* * *

О правда дня! О магия природы!
От блеклого рассвета к темноте –
Изменчива заря на небосводе,
И тени утра к вечеру не те.

Рассвет душе – что путнику дорога,
Он указывает, чем занять часы,
И вот с собою обхожусь я строго,
А для чего так обхожусь, спроси.

Пред зеркалом – оно мне исповедник:
Меня же мне услужливо явив,
Вопросы ставит, словно привередник,
Не отвечай, коли достанет сил.

Я вижу зелень глаз в тенетах грусти
И синеву, пленившую висок,
Теперь и дале, знаю, не отпустит
Судьба меня за этот вот порог.

С пределом этим сердце не согласно,
Но нет ему управы, нет узды,
Не потому ли дум моих непраздных
Я пожинаю горькие плоды?

Промчится день, рожденный, чтобы мчаться:
Его ничем нельзя остановить,
Он мне годами наречен воздаться,
Придуман, чтобы вечностью дразнить.

1997

В райских куцах

Я путалась в шмелях и повилике,
В солнцевороте, блёстках сентября,
И у лесной дикарки ежевики
Цедила сок багряный, что заря.

Цветы томились, источая запах,
Благодарили щедрый чернозем,
И нежились дрозды в еловых лапах,
И пели, распевая о своем.

Роса лежала, радужно сверкая,
Покров зеленый норovia подмять,
И красота была вокруг такая,
Которую пером не описать.

Окно небес, подсвеченное солнцем,
Манило взор прозрачной синевой,
От красоты такой, наверно, горцы
Поэтами становятся порой.

О, если б я в шмелях и повилике,
В солнцевороте, в блёстках сентября,
Купаясь в золотых осенних бликах,
Жила бы долго, песнь мою творя!

2000

* * *

Сегодня солнца нет,
И длань небес едва видна в оцепеневшем небе,
И облака свершают свой балет –
Ничто не ропщет, все безмолвно, немо,
Не сумерки, а лишь начало дня,
Когда и птица птицу не окликнет.
Там, вдалеке, я вижу: Бог огня
На горизонт бросает вяло блики.
К чему тот знак? Быть может, свой привет
С высот неближних шлет нам Дух верховный?
А, может быть, то нам Его завет
Доносят с неба световые волны?

1998

Не обольщайся

N.

Веришь ты, что будто благосклонна
Лишь к тебе заглавная звезда,
Озаряя светом полуденным,
Шлет привет высокий иногда.

Млеешь ты, в звезды поверив дружбу,
Будто Бог тебя поцеловал,
Пеленая звездным светом душу
Ворохом сиятельных похвал.

Свет звезды, как данность принимая,
Вспомни о превратностях судьбы,
Вспомни, что для грешников нет рая,
Им туда билета не добыть.

Ты не тщись, большой звезды сиянье,
Помни, это миг в твоей судьбе,
Час придёт, и тучами затянет
Свет звезды, что щедрым был к тебе.

Осеннее

Пурпурная осень, взметнув кружева,
Легко ниспадая, окутает плечи,
Закружит погода свои жернова,
Заставит услышать, понять свои речи.

Суметь бы облечь в словеса этот рай,
Где царствует правда судьбы и простора,

Где чаша природы, кипя, через край
Все вьется и вьется багряным узором.

Понять бы мне эту волшебную вязь,
Рожденную неким незримым камланьем,
Чтоб пламень лесов, нам являющий власть,
Добавил природе второе дыханье.

2001

* * *

Эскиз холста
Чинары – в ряд –
Уходят чинно в небо,
А там – лазурь
Встречает их, смеясь,
Поэт ли тот, кто на Кавказе не был?
Поэт ли тот, кто с ним не сладил связь?

Ряды стволов: чинары
Стройно, чинно
Глядят в глаза небес.
Или – веков?
О, буйная кавказская картина,
О, прелесть гор,
О, чистота снегов!

Чинары – в ряд –
Их шествие парадно:
У них свиданье – там,
У белых гряд.
И складное таинственно нескладно,
И горько так, что сладостно
Устам.

1984

Тотем

Цвет банального кизила,
муза магов и поэтов,
не в тебе ль буза бродила,
вызревала сила лета?

Будь мне таинством тотема,
напридуманном во славу,
во спасенье вольной темы,
мною отмеченной по праву.

Будь венцом шального стука
невоздержанного сердца,
стоном спущенного лука,
жалом аспидного перца.

Будь мне высью вознесенной
набегающего света,
грезой, от беды спасенной,
неуемного поэта.

Будь и памятью нетленной,
одолевшей сон рутины,
и представшей во Вселенной
гончару поющей глиной.

1994

* * *

*Тебе, Кавказ, суровый царь земли,
Я снова посвящаю стих небрежный.*

М. Ю. Лермонтов

Твой отчеканен профиль на фоне небес,
О, мой Кавказ горбоносый, ангел и бес.
Кавказ, ты болен,
Где он, твой целитель,
Творец Земли – и тверди, и воды?
Доколе ждать, когда тебя Учитель
Спасет и оградит от крови и беды?
Краса твоя – тебе укором стала,
На брата брат – откуда это здесь?
Орудия гремят на перевалах,
И попраны устои, слава, честь.

Себе враги. О, как же больно, братья,
Свидетелем предстать во временах
Того, как был ты глух порой к проклятьям,
Ты, презиравший трусость, подлость, страх.

Внемли, услышь соседа и собрата,
Ты, поднимавший голос свой
Тогда, когда ордой земля была распята,
Когда стервятник встал над головой.

Не покорен грозой лихой, насильем,
И в горе не склонивший головы,
Краса твоя все беды пересилит,
Твои народы – суть всегда правы.

Они правы и в том, что не сложилось,
Они правы и в том, что не сбылось.
Но как тебя порою заносило,
Ты был, увы, как если б в горле кость.

Кавказ – орел в суровом поднебесье,
Чей взор увидит и постигнет даль,
Ах, если б зло с добром уравновесить,
Мне было б ничего уже не жаль.

Но жаль, что здесь сошлись и не отступят
В остервененье духи черных сил,
Сынов России ты хоронишь трупы,
Господь тех жертв, я верю, не просил.

Хоронят в Аргуне, Шали и Грозном
И правых, и неправых – всех подряд.
О мать, кто твои осушит слёзы?
Одна отрада – к Господу звать.

Чеченка плачет, и скорбят вайнахи,
Славянка плачет, и страдает Русь,
А сыновей кровавые рубахи
Терзают сердце, умножают грусть.

Кого прощать, кого предать анафеме?
Не мы ли – все повинны и грешны? –
Здесь белые, там черные – неравные,
Где черный – ниже, белые – важны.

Кавказ мой чист, белей снегов Эльбруса,
Челом высок и статью так хорош,
И девы белолицы, как в Тарусе,
И дождь на дождь Рязани так похож.

2003

* * *

Все задумчивей северный ветер,
Отчужденней раскидистый сад.
Снова лирика бродит по свету
И не прячет изменчивый взгляд.

Снова птицы вокруг дымоходов,
Присмирив, как послушные дети,
С грустных крыш и возвышенных сводов
Наблюдают бегущее лето.

Но не птица я, чтобы смириться
С нежеланным нашествием стыни,
Призываю весну повториться
Без капризов, причуд и гордыни.

Чтобы лучшие сердца мотивы
Исторгала весенняя радость,
Перламутровых снов переливы
Отодвинули горечь и старость.

Но задумчивей северный ветер,
Но труднее под гору дорога,
Нынче лирика бродит по свету,
Моего избегая порога.

1990

Вечное – наше

Страна моя! Какие перемены,
что даже грусть не утопить в вине.
А в бытии российского нацмена
виктория нам видится вдвойне.

Ты велика и, как большой корабль,
должна большое плаванье вершить,
но так тебя ответственно ограбили,
что удивляюсь, как ты можешь жить.

И твой народ, который весь привержен
делам и целям, думам и словам,
он на тебя немножечко рассержен
за то, что хлеба не хватает нам.

Да, мало хлеба, но с избытком зрелищ –
трагедию комедия сменяет,
а ты, страна, о лучшей доле грезишь,
и это боль твою перекрывает.

Одни – направо, прочие – налево,
а мне милее – центр золотой,
болит душа, когда шальные стервы
опять грозят гражданской войной.

1994

* * *

Не примеряла конъюнктуру
на тело бренное, стремясь
тем самым развивать культуру,
поддерживать с народом связь.
Под гром заученных аккордов
демонстративно не плыла,
купаясь в ликования фьордах,
солисткой ора не была.
И не бросала в воздух чепчик,
когда гремел парад-алле,
лишь зубы стискивала крепче
от острой жалости к земле.

1994

Балкария

Хусейну Чеченову

Там, где стихия камня,
Нагромождение скал,
Где на крутых полянах
Синих подснежников вал,

Там, где, картинно свесясь,
В небе застыла звезда,
Где из кладовых вёсен
Плещет живая вода,

Где Мелового круга
Четкий означен путь,
Кружит озонная вьюга,
Свежестью кутая грудь,

Где водопады, шалея,
Бьются на лоне хребтов,
Рододендронов аллеи
Мчатся у самых снегов,

Там, где альпийских закатов
Ярок слоеный пирог,
Краше осеннего злата
Листья летят на порог,

Там, где сражаются лихо
В синем пылании, тщась,

Пики, чтоб сбросить иго –
Льдов вековечных власть,

Там, где Дыхтау ложится
Тенью на древний погост,
Вижу ушедших я лица,
В гранях крутящихся звезд...

1999

Горы

Здесь крутизна – не сыщешь круче,
Туман такой – белее нет,
Здесь мох и лед, и выше, выше –
Здесь эдельвейс – небесный цвет.
Здесь свет – колюч, здесь эхо – стонет,
Здесь беспощаден перевал,
Здесь горы в каменных ладонях
Тяют лавину и обвал.
Здесь презагадочные птицы –
Улары снежные живут,
И скалы здесь – веками лица
От света солнца берегут.
Здесь – полсекунды до обвала,
Здесь до вершины – тыщи лет,
Природа здесь наколдовала
Такое, что сравнений нет.
Здесь грешник жаждет искупленья,
Здесь умирает дважды трус...
И в апогее ослепленья
Горам перечить не берусь.

1976

* * *

В туманной мгле, себя преодолая,
никем не став, нисколько не скорбя,
в твоих глазах предстала я такая,
как если бы жила, себя губя.

Дано ли много? Много ли испито
из полной чаши бытия?
Как птица грез, что на лету подбита,
так поднебесью не подруга я.

Не отхлебнуть весеннего разлива,
тепла лучей вобрать мне не дано,
ни страждущей, ни строгой, ни игривой –
всё суета сует, и – все равно.

И в осуждение не приму укоров,
ни укоризны, ни судов, ни слез,
не тот блажен, кто отдавался спорам, –
а суету и споры перерос.

1995

Калмыцкий пейзаж

Степь плотно подступает к Элисте,
одетая в багряные тюльпаны,
и бег раздолья, кажется, везде
сопровождают гулкие тимпаны.

Раскованными ласками маня,
она свои объятья раскрывает,
раскосым взглядом дикого коня
все зазывает, зазывает, зазывает.

Я размягченно падаю в траву
и отдаюсь полынному дурману,
а дикий конь, склонив ко мне главу,
зовет послушать гулкие тимпаны.

1993

* * *

Эмоции, вы солнцами
В ручьях моей крови,
Прохладными колодцами
В песках моей любви,
И чувствами, как песнями,
Живет во мне душа,
Иду – рассветна, всями,
Спеша, спеша, спеша.
Весенняя сумятица –
Литавровая песнь,
Мажорно разливается
Птиц голосами лес.
Раскованные, талые
Задвигались снега,
А мне с цветами алыми
Приснились берега!

Над облаками быстрыми
Галактики горят,
Под синевой немгистой
Ранжир знакомых гряд.
Я ощущаю заново,
Все в жизни испытав,
Мир – от цветенья алого
До черноты дубрав.
О, солнечность! О, пасмурность!
И свет, и тьма, и боль...
Не подмастерья – мастера
Назначена мне роль.
И суть моя не вечная,
Как мир окрест большой,
Мне кажется, отмечена
Тамгою вековой.

1982

Наедине с зеркалом

«Лица кавказской национальности...»

Из публицистики наших дней

Я в зеркале свое лицо
теперь пытаюсь изучить,
оно – кавказское, увы,
и как с лицом подобным жить?

Я, воздававшая богам
за счастье быть всегда собой,
теперь едва ли им воздам
за эпатажный облик мой.

За этот нечестивый вид
и за надменное чело,
за то, что носом знаменит
мой предок был всему назло.

За то, что жил он вопреки
и по понятиям иным
на берегах шальной реки,
в ауле с именем Кюнньюм.

Я, воздававшая богам
за счастье быть всегда собой,
теперь едва ли им воздам
за непотребный облик мой.

1994

О прошлом

Я помню вас, былой судьбы товарищи,
Я помню вас, и, кажется, без смеха,
Наш бег на месте общеукрепляющий –
Залог, определявший все успехи.

Мы все росли, овеяны победами,
И кумачом отсвечивал наш взгляд,
Но над кладбищем лозунгов развеянных
Ветра невзгод теперь уже шумят.

Но живы мы, судьбы былой товарищи,
И что случилось, то назначил Бог.
Наш бег на месте общеукрепляющий
Понять себя нам все-таки помог.

1994

Размышления в Шики, родине Кязима

Нарты, нарты, здесь ваши старты,
здесь ваши корни, здесь ваш исток!
Прошлым сильны вы и прошлым богаты,
пращуров славные, алый восток.

Ближе, все ближе воров могучий,
лязгом металл оглашает простор,
эхом вам вторят алмазные кручи
вам уподобленных ваших же гор.

Кони, ярься, мчатся из-за курганов,
стонут калканы, стремятся ветра,
пенно клокочет буза в черных жбанах,
вслед набегает лихая пора.

Вслед набегает наволочь злобы,
космами вихрь замечает следы,
и поднимаются к небу сугробы,
и нарастает движенье орды...

О моя родина! Ты ли распята? –
Солнце закрыла распятия тень...
Яро встают за курганами нарты,
и над курганами высится день.

1995

* * *

Стоял Дыхтау в молчании великом,
Суровый средь больших и малых скал,
А над его челом метались блики,
Во чреве глухо нарастал обвал.

Над хаосом дерев, снегов и камня
Летел орел к пленительной мечте,
И, растворяя солнечные ставни,
Отважно март парил на высоте.

Черек бежал неистово и бешено,
Расплескивая явь свою и сны,
На берегу его стояла женщина,
Как на пороге собственной весны.

1982

* * *

Червонная птица листвы застит небо и землю,
И душу снедает мою небывалого чувства недуг.
Я мир этот грешный по-новому сердцем приемлю,
И круг бытия, невозвратно закрученный круг.

Октябрь октябрем. Души же расколот кристаллик,
Играет он, радугой сердце мое веселя,
И катит, звеня, и ложится высоко мостами
У самого солнца, где юны еще зелены.

Такой раскардаш во природе, такое смущенье,
И воздух сиренев, сиренев в низинах туман,
И, кажется, всем нам обещано богом прощенье
За наши грехи, суету, беготню и обман.

О яро-оранжевый купол небес бесконечных,
Струящий ручьи в бесконечную реку веков!
О тихая боль от того, что и жизнь быстротечна,
Отраднo, что за бытием не станет цепей и оков.

1999

ЭЛЬМЕСОВ ХАЖБИЙ ЦИКУРАШЕВИЧ

Родился 25.10.1911 г. в сел. Исламей Баксанского р-на КБР, умер в 1997 году, – кабардинский драматург, поэт. Окончил Баксанскую окружную сельхозшколу, в 1931-м – ЛУГ; работал бухгалтером колхоза в с. Кызбурун II и одновременно учился, окончил 2-годичный бухгалтерский факультет Московского инженерно-экономического института (1935), затем работал на стройках БаксанГЭСа (1935–1937). Во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. с марта по декабрь 1942-го был на фронте, пока не оказался в плену у немцев. В 1945 г. вышел на свободу и с 1945-го по 1956 г. работал главным бухгалтером БаксанГЭСа, на угольном руднике, на заводе низковольтной аппаратуры в г. Тырнаузе; маслосырзаводе в сел. Заюково; райисполкоме г. Баксана; литсотрудником Баксанской районной газеты «Свет коммунизма». До ухода на пенсию был главным бухгалтером завода «Автозапчасть» г. Баксана.

Эльмесов – член Союза писателей СССР с 1939 г.

К литературной деятельности пристрастился со школьных лет. Будучи курсантом ЛУГа, Хажбий Цикурашевич принимал участие в работе драмкружка. Тогда же начал писать свои первые стихи «Хъэмид цыкыу» (Маленький Хамид), «Октябрь мазэ лыпӕщи» (Октябрь – месяц дорогой), «Париж Коммуна» (Парижская Коммуна) и др. Он пробовал себя и в жанре басни «Кавказ бгы нэхъ лыгаэхэм я хъыбарыжьхэр» (Сказания о высоких горах Кавказа).

Эльмесов принадлежит к плеяде зачинателей драматургии в республике. Он – автор одной из первых пьес в кабардинской драматургии, написанной в стихотворной форме, – «Жамбот» (1939). В основе сюжета исторической трагедии – народное предание о мужественном борце Жамботе Кушхове. 7 марта 1939 г. пьеса «Жамбот» была представлена комиссии (пред. Евгажуков Н. М., члены комиссии: Али Шогенцуков, Бетал Куашев, Ахмед Бацеев, Н. Д. Станиславский) и после обсуждения признана «политически, художественно и сценически выдержанной, вполне пригодной к печати и постановке (см.: «Известия». 1940, 26 сент.).

Ему также принадлежит и пьеса «Аюб», посвященная борьбе кабардинцев с царским самодержавием и белогвардейцами в 1916–1920 гг. (см.: «Социалистическая Кабардино-Балкария». 1940, 16 сент.).

* Фотографии к рубрике «Памятные даты» – из архива ЛКБ

НАЛОЕВ АХМЕДХАН ХАМУРЗОВИЧ

Литературное творчество Ахмедхана Налоева широко известно за пределами Кабардино-Балкарии. Его имя получило заслуженное признание в Адыгее и Карачаево-Черкесии. Об этом свидетельствуют слова лауреата Государственной премии СССР, российской Федерации и Адыгеи, народного писателя Адыгеи и Кабардино-Балкарии Исаха Машбаша: «Ахмедхан Налоев – адыг-интернационалист. Он достойный и признанный Тамада всей адыгской интеллигенции, его одинаково уважают и любят в Адыгее, Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии за острый ум и разносторонний талант, высокий профессионализм и человеческую порядочность, любовь к Отчизне, которую с оружием в руках он защищал в годы Великой Отечественной войны».

После окончания войны, в 1946 г. Ахмедхан Хамурзович демобилизовался и работал в Лескенском районе. В 1947 г. окончил партийные курсы при обкоме КПСС и поступил в КГПИ, который успешно окончил в 1951 г. За год до окончания института был зачислен сюда же преподавателем кабардинского языка и литературы. В 1956 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Он является автором многочисленных исследований по развитию кабардинского языка, опубликованных в различных изданиях и в периодической печати. Известен, прежде всего, как один из самых талантливых и признанных писателей Кабардино-Балкарии. Его заслуги в развитии родной литературы значительны и получили всеобщее признание. Ему присвоено почетное звание народного писателя Кабардино-Балкарии.

На страницах его романов, повестей и рассказов предстает живая история народа, картины революции, Гражданской войны, Великой Отечественной войны. В них повествуется и о наших современниках, людях труда, их жизни и быте, радостях и боли. Он давно нашел свой круг тем и проблем, своих героев, свои приемы изображения, стиль и язык. Все это – признание творческой зрелости и несомненного таланта, когда писатель прокладывает свой собственный путь.

Все творчество Ахмедхана Хамурзовича Налоева свидетельствует о том, что писатель стремится нащупать корни и истоки тех значительных общественных перемен, которые произошли в истории родного народа за минувшие десятилетия XX века. Этими поисками вызвано появление историко-революционного и социально-психологического романа «Нэхущ шу» (Всадник рассвета. 1977). Однако при всей колоритности его образа роман все же нельзя назвать повествованием об одном герое. Речь, прежде всего, идет о массе рядовых горцев, которые силой обстоятельств вовлечены в кровавую Русско-Японскую войну начала XX в. Значительным идейно-художественным завоеванием писателя в этом произведении является умелое воплощение столь масштабного процесса в индивидуальных судьбах людей, в изображении их повседневного быта. Своим романом писатель как бы восполняет существенный в кабардинской литературе пробел, воспроизводя судьбы горских народов на одном из важнейших поворотов их истории.

ХАВПАЧЕВ ХАЖБЕКИР ХАБАЛОВИЧ

Хавпачев – известный музыковед, писатель, музыкальный критик-публицист, автор монографий «Къэбэрдей-Балькъэрэм и музыкэр» («Музыка Кабардино-Балкарии» (1963)), «Профессиональная музыка Кабардино-Балкарии» (1999). Еще в годы учебы в консерватории в соавторстве с композитором Х. Кардановым создал либретто оперы «Мадина» (1950) по одноименной поэме А. А. Шогенцукова. В золотой фонд песенного творчества Кабардино-Балкарии вошли многие лирические песни на его стихи.

Он также автор многочисленных публицистических статей о выдающихся деятелях музыкального искусства (М. А. Балакиреве, М. И. Глинке, П. И. Чайковском, Н. А. Римском-Корсакове и др.), которые выходили в центральных журналах страны «Советская музыка», «Музыкальная жизнь», «Театральная жизнь»; в республиканских периодических изданиях.

Родился 21 января 1926 года в сел. Кенже Чегемского р-на КБР, умер 11 декабря 2000 года в Нальчике. Окончил сельскую среднюю школу (1942). Работал в редакции газеты «Социалистическая Кабардино-Балкария», редактором и диктором «Последних известий» (каб. яз.) республиканского радио. После окончания отделения комсомольских и газетных работников на парткурсах при Кабардино-Балкарском обкоме ВКП (б) был редактором «Последних известий» КБрадио (1943–1944), цензором Главлита КБАССР (1944–1945), зав. отделом культуры газеты «Къэбэрдей пэж» («Кабардинская правда», 1945–1947). После окончания оперно-режиссерского факультета Ленинградской консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова (1952) Хавпачев работал художественным руководителем, директором Государственной филармонии (1952–1986).

Хажбекир Хабалович – заслуженный деятель искусств РСФСР (1957), народный писатель КБР (1996), заслуженный деятель искусств Карачаево-Черкесии (1996), Республики Адыгея (1996), почетный деятель Союза композиторов РФ (1996), почетный гражданин г. Нальчика (1996). Награжден медалями и почетной грамотой Верховного Совета КБАССР (1946).

Хажбекир Хавпачев состоял в Союзе писателей СССР, Литфонде СССР; был председателем Союза композиторов КБР, членом правления, секретарем Союза композиторов РФ, депутатом горсовета.

Свой путь в литературе Хавпачев начал с поэзии. Публиковаться начал в 40-х гг. Первый поэтический сборник – «Насыпым и вагъуэхэр» («Звезды счастья», 1950). Большое место в его лирике занимала тема любви и мира. Чувством гордости за родину, благодарностью и любовью к русскому народу, дружба с которым стала еще крепче в испытаниях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., исполнены стихи сборника «Русскому другу» (1957).

Поэтическое восприятие окружающего мира позволило ему создать целую галерею художественных образов, запоминающихся своей непосредственностью. Таковы герои его романов, коротких рассказов-новелл.

ТЕППЕЕВ АЛИМ МАГОМЕДОВИЧ

Теппеев пришел в балкарскую литературу как автор лирических стихотворений. Первые поэтические опыты относятся к его юношеским годам, проведенным в Киргизии.

С середины 60-х гг. в творчестве Алима Теппеева главенствует проза. Воспитанный на духовных традициях тюркского мира, на эстетических началах русской классической литературы, он вносит значительный вклад в дальнейшее развитие балкарской литературы. В основе его произведений – собственный жизненный материал, жизненный опыт. В прозе – судьбы отдельных людей переплетены с историей народа и страны. Наряду с лирикой в ней присутствуют эпическое начало, элементы публицистики, хроники, документа.

Алим Магомедович Теппеев родился 7 апреля 1936 года в сел. Кёнделен Баксанского р-на КБР, умер 23 марта 2010 года в Нальчике, – балкарский писатель, драматург, литературовед. Трудовую деятельность он начал в 1956 г. на Тызылском свинцовом руднике. С мая 1957-го работал в редакции газеты «Коммунизмге жол» («Путь к коммунизму») корректором, затем – литературным сотрудником. В 1963 г. окончил Литературный институт им. М. Горького в Москве. Вернувшись в Нальчик, работал собственным корреспондентом газеты «Коммунизмге жол», затем младшим научным сотрудником КБНИИ. В 1974 г. заочно окончил аспирантуру и защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук в Москве. В 1971 г. был принят в Союз писателей СССР. С 1982 г. – секретарь правления Союза писателей КБАСР, сопредседатель правления Союза писателей КБР. В 1997 г. Алим Магомедович удостоен звания лауреата Государственной премии КБР по литературе.

Опираясь на то, что уже было сделано в балкарской литературе его предшественниками, Алим Теппеев в то же время в своем творчестве самостоятелен, индивидуален. Хорошо понимая задачи художественной культуры собственного народа, писатель способствовал ее подъему в полную силу своего таланта и мастерства: стал пионером в разработке многих жанров современной балкарской литературы, создав полнокровные художественные произведения в прозе и в драматургии.

При всем трагизме мироощущения писателя и при его обращении к непростым вопросам бытия, в его творчестве нет уныния и пессимизма. Он вселяет в людей веру в прекрасное, в жизнь, в будущее.

Обращение Теппеева как переводчика к наиболее трудным произведениям русской и мировой классической прозы и драматургии свидетельствует о широте его интересов. Им переведены на балкарский язык многие произведения мировой классики.

На протяжении многих лет Алим Магомедович вел серьезную научную деятельность. Он – автор целого ряда литературоведческих работ. Его творчество во многом предопределяло становление жанра романа, литературного языка, повлияло на процесс формирования индивидуальных писательских стилей.

УРУСБИЕВА ФАТИМА АНВАРОВНА

Родилась 01.04.1941, сел. Бояут Хавастского р-на Ташкентской обл., умерла 08. 2012, г. Нальчик), – литературовед, критик. В 1957 г. окончила среднюю школу и поступила в Среднеазиатский госуниверситет на историко-филологический факультет. В 1960 г. перевелась в Ростовский госуниверситет в связи с возвращением родителей на Кавказ и окончила его в 1962 г. Проработав в 1962–1965 гг. преподавателем русского языка и литературы в Первомайском зооветтехникуме и общеобразовательной школе КЧАО, в 1965 г. поступила в аспирантуру Института мировой литературы в Москве, где в 1969 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук. С 1970-го по 1974 г. – старший научный сотрудник сектора фольклора КБНИИ. С 1974-го по 1981 г. – корреспондент газеты «Ленин байрагы» (Знамя Ленина, г. Черкесск), сотрудник института усовершенствования учителей КЧАО, старший научный сотрудник сектора социологии Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института.

В 1982 г. Урусбиева возвращается в Кабардино-Балкарию, работает преподавателем в КБГУ, а с 1983 г. – в КБНИИ старшим научным сотрудником сектора социологии; с ноября 1984 г. – сектора литературы, затем зав. сектором карачаево-балкарского фольклора. В 1984–1985 гг. вела социологическое исследование «Театр и зритель». В 1986 г. занималась написанием разделов «Истории советской карачаево-балкарской литературы» для многотомного издания Института мировой литературы им. М. Горького «Советская многонациональная литература народов СССР». С 1998 г. – член Союза писателей РФ.

Ф. А. Урусбиевой изданы книги: «Путь к жанру» (1972), «Карачаево-балкарский фольклор» (1979), «Портреты и проблемы» (1990); также написаны главы в «Очерках истории балкарской литературы» (1978, 1981), в ее активе более 70 статей по литературе и фольклору, опубликованных в периодических изданиях: в журнале «Дон», газетах «Литературное обозрение», «Литературная Россия», в местных изданиях. Урусбиева участвовала в международных, региональных научных конференциях.

О ком бы она ни писала она избегает стереотипности мышления, поверхностности оценок. Она говорит по существу, без всяких словесных изысков и туманных рассуждений. Суждения интересны и новы, лишены банальности и субъективности. Литературу Урусбиева воспринимает как народное достояние, высокую ценность.

Начиная с 1992 г. Урусбиева занималась исследованием «Этапы художественного сознания на материале фольклора и литературы балкарцев и карачаевцев в наиболее «этнических» жанрах – эпос, песни о набегах, пословицы».

Четкость формулировок, острота ума, сформировавшееся мировоззрение, честность позиции, прекрасный научный язык – все это дало возможность Ф. А. Урусбиевой стать одним из ведущих, серьезных высокопрофессиональных исследователей литературы.

Берберов Бурхан Абуясуфович родился 8 мая 1961 года в селе Терезе Малокарачаевского района Карачаево-Черкесии.

В 1978 году окончил терезинскую среднюю школу. После службы в рядах Советской Армии в 1981 году поступил на режиссерское отделение музыкального училища (город Черкесск), которое успешно окончил. Позднее окончил ГИТИС (1988), Литературный институт им. А. М. Горького (1992) и специальный факультет Института стран Азии и Африки при МГУ им. М. В. Ломоносова (1993). Участник IX совещания молодых писателей СССР (Москва, 1989). Работал учителем в средней школе, корреспондентом республиканской газеты «Заман», преподавал историю балкарской литературы и фольклора в Кабардино-Балкарском государственном университете.

В настоящее время работает старшим научным сотрудником в Кабардино-Балкарском институте гуманитарных исследований (КБИГИ). Доктор филологических наук (2013), член Союза журналистов РФ (2000), член Союза писателей РФ (2006).

* * *

**Фатима Урусбиева. Плоды вечного сада.
«Культурная жизнь Юга России», 2003 г., № 1.**

Переход к «космическому» сознанию возможен у каждого человека. Но для писателя Бурхана Берберова этот переход вылился в целостную творческую практику. «Шаману лучше учиться у дерева, чем у другого шамана...» У Бурхана это открытие другого канала ощущений, ведущее к открытию более универсальных связей, доступных не только обычному сознанию, произошло с помощью учителя по той простой причине, что учителем была мать. Опыт домашней, семейной эзотерики шел от очень древних, еще дорегигиозных представлений обитателей Хурзука и Учкулана, старой родины карачаевцев.

Вторжение в «запретную» для благодушного читателя тему, необычайная, негорская, нежность и интимность, ведомая только побывавшим «на краю» и – неизвестно откуда – молодому автору. Опыт кино- и театральной драматургии, пригодившийся из ученичества в ГИТИСе, или ценный опыт «шаманства»?

Ответ на этот вопрос – все творчество Бурхана Берберова, его принципиальное стремление избежать описательности, иногда безудержной в нашей прозе по обе стороны Эльбруса. Гладкопись заставляет молодых искать новый язык, не просто выразительный, но и являющийся инструментом мысли, концептуальности, краткости, правды, которые и составляют «код» тюркского слова – от Ю. Баласагуни, автора первого памятника слова, до Чингиза Айтматова.

Сам факт появления в нашей, до иллюзии реалистической, одномерной прозе такого художественного мышления, как у Бурхана Берберова, уже симптоматичен. Оно с первых шагов открыто «почве и судьбе» своего народа, как будто через него говорят новые духовные потоки. Не по законам линейного прогресса в литературе, а подобно вызревшим в укромном, заповедном саду высокогорья плодам из вечного сада.

НАНЫК И АЙЮ¹

Рассказ

Заканчивался учебный год, в Москве было уже по-летнему жарко, мои друзья по институту разъезжались на каникулы по домам. Мне тоже предстоял неблизкий путь: сначала – самолетом до Минвод, затем – автобусом до райцентра, и только потом – как придется – до родного селения в горах. Я तोпился к матери, к бабушке Нанык, хотел увидеть цветение моей яблони, я соскучился по родной земле.

Ранним утром, выйдя из такси на окраине села, дальше я пошел пешком. Все, что виделось впереди, в прозрачном предрассветном тумане, вызывало во мне ответную радость, как от улыбок гостеприимных друзей, встречающих тебя после долгой разлуки. Деревья, крыши домов, заборы... Ни машин, ни людей – только я и мое село в верховьях Гумского ущелья, наполненного шумом Кубани и резкими спросонья голосами птиц. У скалы Токмак-Кая² паслись стреноженные лошади, а на их спинах играл свет новорожденного солнца.

Вот и улица, ведущая к дому. Свернув на нее, я ускорил шаг: захотелось, как во времена детства, побежать вприпрыжку... Однако, не доходя до своего дома, во дворе бабушки Нанык я увидел и ее, и дедушку Айю, нашего лесника, и повернул в их сторону. Там стояла арба с большими деревянными колесами. Впряженный в нее ослик Каракеч лениво обмахивался хвостом и косился на Тумана – сторожевого пса, которого я тоже знаю с детства, умного и необыкновенно терпеливого к моим давним шалостям.

Бабушка Нанык и дедушка Айю сидели на деревянном топчане у дома. Мое появление прервало их разговор, неторопливый, как течение времени в горах, и вызвало радостное оживление и улыбки. Приблизившись и сердечно приветствуя стариков, я вспомнил, как бабушка Нанык говорила об этом топчане, когда я был еще ребенком: «Его ни дожди, ни годы не смогут одолеть. И не потому, что он из твердого дерева, а потому, что его любимые руки для любимого человека сделали».

Зимой, когда поверхность топчана укрывает снег, впадина на нем становится незаметной, а после дождя в этой округлой ложбине собирается вода. Бабушка Нанык, очищая деревянную поверхность, всегда с особой осторожностью касается ее своими теплыми шершавыми ладонями. Эту пожилую

¹ Нанык и Айю – в переводе с карачаево-балкарского языка означает – Малина и Медведь.

² Токмак-Кая – «Скала-Молот» (карач.-балк.).

женщину я никогда не видел без дела. И сегодня в ее руках покачивается веретено. Нить, которую она выпряла за свою жизнь, наверное, может несколько раз обернуться вокруг Земли.

Закончив обычные в таких случаях приветствия и подшучивания, дедушка Айю спросил:

– Скажи мне, московский гость, а ты садишься в эшелон, который ходит под землей?

– Каждый день приходится на нем ездить. – Я понимал, что любой железнодорожный состав в его представлении выглядит как зловещий эшелон военного времени, и тоном попытался показать, насколько привычно и безопасно спускаться в метро.

Дедушка кивнул головой, но продолжал, следуя своим мыслям:

– Про тех, кто ходит под землей, раньше только в сказках рассказывали. А теперь это стало явью. Земля их, что ли, не держит?..

Бабушка Нанык спешила поделиться своим:

– Дитя мое, ты слышал, что я повредила колено?.. Пусть твой враг будет жалобно смотреть на тебя с земли, не имея сил встать. Всю жизнь прожить, не зная болезней, и вдруг оказаться на койке. Без движения – разве это жизнь?!

Я, хоть и торопился к своим, надолго задержался в этом дворе. Ответил на множество разных вопросов, выслушал истории, накопившиеся у стариков в мое отсутствие, и когда уже подходил к своему дому, не только вершины гор, но и все ущелье было залито солнцем. А когда во дворе показалась мама, я снова, как уже не раз до этого, отчетливо осознал, что сердцевина земли, ее неоспоримый географический центр, находится именно в этом месте. В этом дворе, где меня обнимает мать и приглашает к столу соседей, знакомых, пришедших порадоваться вместе с нами.

* * *

Несколько дней, с удовольствием обретая прежние навыки, я провел в работе по хозяйству. Однажды под вечер присел у калитки передохнуть и увидел дедушку Айю. Он шел по улице, рядом с арбой, которую тащил все тот же ослик Каракеч, семенивший не на поводу, а как бы сам по себе: он и с закрытыми глазами мог обойти все бугорки и впадины на этой дороге. В арбе, устроившись на охапке соломы, дремал Туман. На повороте к дому Айю ослик не замедлил шаг, не остановился, а уверенно двинулся вперед – к дому бабушки Нанык. Старый лесник, не удивляясь самоуправству Каракеча, спокойно шел следом. А бабушка Нанык, как будто знала, что они должны прийти, уже сидела на своем топчане у дома.

«Что связывает этих пожилых людей, Нанык и Айю? Может быть, в молодости они любили друг друга, и это чувство сохранилось до сих пор? – думал я, уже присоединившись к Айю и вместе с ним шагая по направлению к дому бабушки Нанык. – Может быть, они встречаются каждый день, чтобы высказать слово, не сказанное раньше, главное слово?..»

Между тем ослик Каракеч вошел во двор и остановился. С арбы мягко спрыгнул Туман и, взглядом подтверждая свой мирный нрав, улегся у ног бабушки Нанык. Она поздоровалась с нами, нашла особые, ласковые слова и

для Каракеча, и для Тумана. Затем обернулась к дедушке Айю и спросила с лукавой укоризной:

– Ты опять забыл подтянуть снизу хомут Каракеча?

– Вот как? – смеиваясь, в тон ей ответил Айю. – А у твоего забора снова камень отвалился! – и, подняв отвалившийся кусок, он умело приладил его на место.

– Если бы вы сказали главе села, – вступил в разговор и я, – или нашим сельчанам, бабушка Наньк, они были бы рады помочь вам. И забор новый поставят, и новый дом...

– Разве в новом доме я найду новое счастье? А вдруг вернутся мои родные, увидят незнакомый забор, другой дом, и уйдут, подумав, что все это чужое. Я и так жду их целую вечность, хотя бы ради короткого мига встречи. Здесь прощались с умершими, здесь провожали живых, и здесь я буду дожидаться их. Даст Бог, дитя мое, они все вернутся... – Взгляд бабушки был обращен куда-то очень далеко. В мыслях ее, наверное, проходили годы непрерывного ожидания. – Глава семейства, уходя на фронт, сказал: «Когда мы возвращались с гор, с работы, ты всегда дожидалась нас на этом месте. Сюда же и вернемся». – Бабушка какое-то время собиралась с мыслями, затем продолжила: – Вот этот топчан сделал своими руками хозяин дома. Он ушел на войну вместе со старшим сыном. Думала, успокаивая сердце, хорошо, что они вместе: будут всегда рядом, помогать, поддерживать друг друга. С ними ушел и Айю, друг отца моих детей, – взгляд ее отклонился в сторону, к дедушке, сидевшему рядом на топчане. – Через какое-то время проводила и второго, а третий сбежал на фронт сам. А потом, дитя мое, в суровые дни зимы, одна за другой стали приходить на них похороны. Пусть даже в дом моего врага они не приходят... Остальные дети, дочки мои, сгинули в степях Азии. – Бабушка Наньк вздохнула. – ...А от младшего и до сих пор нет никаких вестей. Может, из-за того, что сбежал, не прощаясь, стыдится теперь, прячется, не хочет на глаза показаться? Я даже во снах его не вижу. – Бабушка снова посмотрела на Айю. – Вот только он, бедолага, и вернулся с войны, с тяжелым ранением в грудь. С тех пор и живем так, заботясь друг о друге. Работали, не разгибая спины, все, что имели, отправляли на фронт, тем, кому было тяжелее всего.

Айю по-прежнему слушал молча, склонив голову к руке, которой опирался о деревянную резную трость. Каракеч с Туманом внимательно смотрели на старушку, и казалось, что этот рассказ, слышанный, наверное, не один раз, был понятен им во всех подробностях.

– Эх, чего уж там... То, что мы испытали, пусть даже нашему врагу не доведется испытать, – заканчивая свою историю, бабушка Наньк поднялась с топчана. – Проходите в дом, дитя мое, проходите...

«Удивительно терпелив и вынослив человек. Нет ничего такого, что было бы ему не под силу. Эта женщина не потеряла ни своей мягкости, ни своей доброты, хотя из ее большой семьи не осталось никого», – подумалось мне, когда вслед за Наньк мы направились в ее дом.

– Пожалуйста, кушайте, сама приготовила, – угощала она, светлой своей душой выражая извечную, самую большую радость хозяйки – приглашать гостей к трапезе. Поставила на стол кукурузный хлеб, айран в деревянной чаше, и в сердце моем поднялось тепло от ее ласковых слов, от ловких и аккуратных движений ее рук. Разглядывая скромную обстановку этой комнаты, я заметил,

что все вещи и предметы в ней несут на себе след прошлых времен, когда хозяйка их была молодой и счастливой матерью.

– Ты бы тоже присела, Нанык, – дедушка Айю подвинул поближе к столу невысокую табуретку.

– Нет-нет, не беспокойтесь, вы ешьте, вы – мужчины, – возразила бабушка Нанык и вышла. По голосу ее, доносившемуся со двора, такому же спокойному и ласковому, было понятно, что она задает корм Каракечу и Туману.

Мы степенно отдавали должное угощению, а бабушка Нанык, вернувшись в комнату, села чуть поодаль. Я потянулся за ножом, чтобы нарезать хлеб.

– Где ты видел, джигит, чтобы кукурузный хлеб резали ножом? – Глаза дедушки Айю смеялись. – Эх, молодость. Знаешь, как говорят: «За пазухой у старика – калач». – Он снял с пояса ножны, достал из них небольшой нож и положил передо мной. Это был необычный нож: острый закаленный клинок, а на рукояти – позолоченные пластины с витиеватой надписью на арабском языке и разноцветные блестящие камешки.

От восхищения я не знал, что и сказать.

– Возьми, – коротко постановил дедушка Айю, – он твой. – И пока я приходил в себя от такого щедрого подарка, он продолжал: – Мне подарил его мой дед, когда я впервые сел на коня.

Испытывая неловкость и то же время не умея скрыть радости, я привстал и поблагодарил дедушку Айю.

– Бери, бери, сынок! Ты никогда не забываешь нас, стариков, приезжая сюда. И я давно, клянусь Тейри¹, собирался его тебе отдать. Как хорошо, что мы сегодня с тобой встретились. Я не сомневаюсь, что он попал в хорошие руки, ты сможешь по достоинству оценить его. Как служил он мне, верно и безотказно, так пусть послужит и тебе. Верю, ты не станешь использовать его в плохих делах.

И когда я вернулся на свое место, дедушка, не желая останавливать внимание на своем подарке, повернул разговор к другому:

– Всю жизнь я проработал лесником, и сейчас продолжаю работать. Нахожу в этом и радость, и счастье, живу этим. Нужно уметь чувствовать природу, дыхание леса, воды. Сын мой, научись слушать голоса камней, рек, звезд своего сердца. Люби свою землю, не зря говорят – она нам как вторая мать. Мы растем у груди своей матери, а когда уже сами начинаем ходить – нас повсюду поддерживает родная земля. Когда у тебя будет доброе отношение к природе, ты и людям не причинишь зла. Хоть моя жизнь прошла в лесу, я никогда этим ножом, который ты сейчас держишь, ни одной веточки не поранил. Если не вырастишь ветку, ствола не получишь...

Слушая неторопливую речь лесника, я подумал: «Почему ему дали имя Айю? Могло ли имя подтолкнуть к тому, что он стал охранником леса. В этом есть какая-то предопределенность? А бабушку нарекли – Нанык. Интересно, очень интересно...»

– Ты уезжаешь завтра? – прервал мою убежавшую в сторону мысль дедушка Айю. – Доброго тебе пути. Береги себя и не делай так, чтобы о твоих родителях люди отзывались плохо. Не забывай, из какой ты семьи, из какого народа. А время... Обернувшись назад, человек его не видит. Оно остается в

¹ Тейри – верховный бог в карачаево-балкарском пантеоне.

сбывшихся мечтах, в радостях и в горестях. Пусть оно оставит след в твоих добрых делах, джигит! – Дедушка Айю, завершив этими словами застолье, поднялся, пожелал нашей гостеприимной хозяйке доброго вечера и пошел к воротам, к своей арбе.

– Бабушка Наньк, не забудьте закрыть дверь на засов, – сказал я, направляясь к выходу.

Дедушка Айю засмеялся, а она поспешила объяснить причину этого смеха:

– В жизни я не пользовалась ни засовом, ни замком. Если отлучалась надолго, цепляла на дверь ржавую железку – замок николаевских времен – и уходила. А теперь и его нет. Самый лучший замок – совесть человека. А у кого ее нет, того ничто не остановит.

* * *

Ранним утром, собираясь в дальнюю дорогу, я вышел со двора, чтобы попрощаться с дорогими мне людьми. Издалека заметив бабушку Наньк, сидевшую на своем топчане, повернул в ее сторону. И когда рассказывал ей, как буду добираться до Москвы, сколько времени уйдет на дорогу, во двор забежал Махмут, внук дедушки Айю, и выпалил:

– Дедушка умер! Когда запрягал Каракеча, упал и больше не поднялся. – Мальчик развернулся и вышел со двора так же быстро, как и появился в нем.

– Кто?! – вслед ему полетел вскрик бабушки Наньк. Она привсталала, но не в силах оставаться на ногах, снова села на свой топчан. Надолго оцепенела в неудобном положении: казалось, она мучительно пыталась понять смысл только что произнесенных слов. Или не хотела понимать пронзительно точного их значения. Она сгорбилась, как будто вдруг высохла, стала маленькой, сидела с закрытыми глазами и что-то неслышно говорила дрожащими губами.

На улице послышался негромкий перестук копыт и размеренное поскрипывание деревянных колес. Открыв глаза, бабушка Наньк увидела арбу, и только тогда по ее лицу заструились слезы. Каракеч остановился у ее двора, там же стоял и верный Туман. Чувствуя, как у меня перехватывает горло, не имея возможности произнести ни слова, я поднял бабушку Наньк на руки, осторожно пронес до калитки и посадил в арбу. Туман, не поднимая головы, глухо завыл. Бабушка, казалось, его не слышит.

Когда мы добрались до дома дедушки Айю, я хотел было помочь бедной женщине сойти с арбы, повернулся к ней, но она сама легко, как ребенок, соскочила на землю и вбежала во двор. Не видя никого вокруг, приблизилась к телу усопшего, припала к его груди и тихо зарыдала. Люди, находившиеся во дворе, подошли, чтобы помочь обессиленной Наньк встать, но с последним горестным стоном она исторгла и последний вздох...

* * *

В самолете на обратном пути в Москву мне вспоминались глаза дедушки Айю и бабушки Наньк, их лучистые взгляды, мягкий смех, открытость и доброжелательное внимание ко всем окружающим, ко всему миру. Плач Наньк, припавшей к груди своего старого друга. Ее последняя слеза, доставшаяся ему. Может быть, это было мое сновидение? И следующим летом, когда снова приеду домой, я должен встретиться с ними? Они живут в моем сердце как воплощение любви, верности и доброты.

ПТИЦА В НЕБЕ

Тост

Когда Всевышний раздавал чертоги,
Помощником ему служил грузин,
И, разделяя тяготы дороги,
В конце ни с чем остался он один.
Господь сказал: «За преданность в награду
Тебе свою обитель отдаю.
Ведь я – Творец, мне – ничего не надо,
А ты живи до Судных дней в Раю».
И по другую сторону Кавказа
Про этот случай помнят до сих пор,
И внемлет удивительным рассказам
Балкария моя с высоких гор.

Гость на моей земле – моя отрада,
И я готов поднять его до звёзд,
Ведь гость через опасные преграды
К моей душе прокладывает мост.
Мне обращаться к Богу не по чину,
Неужто Он оставил наш Кавказ?
Где Он теперь? Известно лишь грузинам,
Что видели его в последний раз.
Кто ищет правды – обретает Веру,
Иного нам от века не дано,
И пусть я грешен, и порой – без меры,
Я повторяю только лишь одно:
«Балкария досталась нам с тобою,
А рядом с нею Кабарда моя,
И горный свет, и небо голубое,
А в небе том орлиная семья».
Один кричит: «Вон тот орел балкарский!» –
«Нет, кабардинский!» – слышит он в ответ.
Я б этот древний спор решил по-царски:
«Вы правы оба – в этом весь секрет!»
До вас нет дела этим горным птицам,
И дела нет до вашего пари,
Ведь спорам суждено веками длиться,
А птицам в небе суждено парить.
Я от крылатых странников усвоил
Закон орлиный раз и навсегда:
Одно крыло – Балкария, другое,
Ну, а крыло другое – Кабарда.
Сто крыльев не спасут, коль нету цели,
В едином взмахе собранной орлом,

Без цели жизнь проходит еле-еле,
А каждый шаг рождается с трудом.
И я хочу поднять бокал высоко,
Чтоб был высоким вечный наш полет,
И крыл размах от Запада к Востоку
Закат объединил бы и восход.
И чтоб назло бесчисленным туманам,
Пронзая светом западную муть,
Звезда для нас горела неустанно,
И к Северу указывала путь.

Коршун

У вершины, закованной льдом,
Коршун чертит по небу круги,
Здесь его родовое гнездо,
Здесь его не достанут враги.

Солнце – путник, бредущий пешком,
Лишь для тех, кто бредет по земле,
А для коршуна в небе живом
Солнце – всадник, сидящий в седле.

Только голода в царстве снегов
Даже коршуну не одолеть,
И тогда завлекает его
Дно ущелья, где падаль и смерть.

Пропасть ныне ему выше гор,
Краше светом залитых громад,
И милей, чем небесный простор
Мертвой плоти назойливый смрад.

Ныне коршун утробой пленен,
И, отвергнув небесную высь,
За добычею легкою он
Как подстреленный падает вниз.

От рожденья нам дан небосвод
Правда, есть упущенье одно:
Коли разумом правит живот,
Неизбежно паденье на дно.

Перевод Александра Пряжникова

Птица в небе охотнику – просто мишень,
Перед ней же распахнут сияющий день,
И летит она, в солнечной выси кружа, –
Переполнена счастьем живая душа.

Вдруг ударит под крылья горячий свинец,
И полёту ликующей птицы конец,
Но душа ее, знаю, осилит и смерть,
И убийце назло будет дальше лететь.

Перевод Геннадия Серебрякова

Дорога к счастью

Стараюсь тебя позабыть,
Пытаюсь тебя не любить.
Но только не рвётся в разлуке
Надежды последняя нить.

Прошёл я немало путей,
Узнал я немало людей.
Но чувство мое не остыло
И тянет к тебе все сильней.

К тебе лишь стремятся мечты.
Закрою глаза – рядом ты.
Не могут понять мои муки,
Как жить без твоей красоты.

Все крепче разлуки вино.
Пьянея, я знаю одно:
Чем к счастью длиннее дорога,
Короче бывает оно.

Не вижу дороги

Я летаю не так уж высоко,
Поднебесье мне не по плечу.
Но врагам не достанусь, как сокол...
И друзьям ближе быть не хочу.

Просыпаюсь по смутному зову,
Поднимаюсь в глухой тишине.
И дорогу ищу свою снова,
Но дорога не видится мне.

Не умел я расчетливо думать,
Просто шёл за мечтой напролом.
Сквозь туманный и призрачный сумрак
Унося её в сердце своём.

Путь в ночи не усыпан цветами.
И мы сами себе палачи.
Мы идём за своими мечтами
И теряемся в чёрной ночи.

Грусть и радость ко мне равнодушны.
Что-то главное я потерял.
Потому даже хлеб мой насущный
Без молитвы нерадостным стал.

Черёд

Я утомлённый сел на камень,
Застыл в молчании святом,
И понял я родство с цветами,
Травой, дорогой. Но потом
Услышал странный спор с тревогой
Меж камнем, лесом и дорогой.

За непонятым этим спором
Мне странно было наблюдать,
Но силы не было вставать.
Следя за тайным разговором,
Я только голос камня слышал,
Как будто это голос свыше...

Я понял мудрость мироздания,
Есть в этом мире свой черёд.
Он не зависит от желанья.
Пусть хоть миг, хоть век пройдет...
Сегодня я сижу на камне,
А завтра всё наоборот.

Заря

Пришла заря, полна росой.
Вокруг стоит такая тишь!
В дому, укутанный покоем,
Спит тихим сладким сном малыш.

Дым очага плывёт лениво.
Навстречу утреней заре
Бредут стада неторопливо.
Крик петушинный на дворе

Разбудит мир и дальний город.
На небе ни одной звезды
Уже не будет очень скоро...
Приходит время суеты.

Не помню тебя я в мой час бесприютный, –
Гремели оркестры, сверкали огни.
Но все отблистало салютом минутным
И звездочкой кануло в будние дни.

Друг друга с тобою мы вряд ли познаем.
Не видим друг в друге родные черты.
Что прячем в душе, никогда не узнаем.
Я так одинок, когда рядом есть ты.

Твоя весна давно прошла,
И снег не тает под ногами.
Судьба за дальними снегами
К тебе дороги не нашла.

Живешь как будто налегке.
Пути рассеяны туманом,
Мечта окутана обманом,
Недостижима вдалеке.

Рвут бурку ветры и дожди,
А ты всё гонишься за нею.
Не дай коню скакать быстрее.
Ты не угонишься, не жди.

Судьба останется судьбой
И о долгах нет смысла плакать.
Идет твой конь. И уж собака
Плетётся следом за тобой.

Просто так годы мчатся вперед,
Но мечта остается мечтою,
Мои песни сиротство не ждет –
Им придется исчезнуть со мною.

Годы мчатся к собратьям былым.
Годы лучшие в дальние дали,
Но я плакать не стану по ним:
Слишком много там было печалей...

Эта жизнь будет белой горой
Возвышаясь стоять перед нами –
Но, коль торбу ты выбрал с дырой -
Вниз вернешься с пустыми руками.

Молния

Если сделал хорошее ты человеку,
То добро человек не забудет вовеки.
Но как только ему ты напомнишь об этом,
Он найдёт сто причин позабыть о добре том.

В небе молния яркая резко блеснула.
В этот миг темнота от неё ускользнула.
Но как только послышались грома раскаты,
Тут же молния снова исчезла куда-то.

Град

Ручей струился среди скал
И постепенно высыхал.
Его теплом своим манило
К себе небесное светило.

И, испаряясь на глазах,
Он канул в синих небесах.
И вдруг в дороге, с руслом рядом,
Стекло-белым грохнул градом.

И, рухнув с самой высоты,
Весной в саду побил цветы.
Бьёт может, мы, круша преграды,
Ведём себя не лучше града.

Сердась на наших дорогах,
Срываем злобу на других.
Чем я все ближе и роднее,
Тем дальше ты и холоднее.

Как солнце с дальней высоты,
На расстоянье греешь ты.
И ты совсем не в состоянье
Уменьшить это расстоянье.

И значит я, подобно граду,
Ударю по другому саду.

Перевод Галины Гагариной

Псина цепью гремит и скулит,
Воет с вьюгой всю ночь напролет.
Снегом мир, как крылами, накрыт...
И взлетел бы, но вмерз глухо в лед.

По земле низко стелется дым,
Пса не греет земля-амулет.
Песней вьюги и воем своим
Он не будет, не будет согрет.

Запалить бы мне эту печаль,
Я хочу, чтоб согрелась земля,
Пса ведь жаль... Но еще больше жаль,
Замерзающих всех, не скуля.

Те слова

Те слова, что, как камни, бросал я в тебя,
Я потом про себя повторял много раз.
И изранен я ими. Кромсяя, дробя
Все кровавят мне сердце они в поздний час.

Если снег на деревьях растает зимой,
Ветви каждого мерзнут, дрожат и болят,
Их морозом изводит, и вьюгой стальной
Обжигает их кожу и кровь холодит.

Проклинаю себя я и, сердцем дрожа,
Словно дерево это, стою подо льдом.
И морозит из прошлого. Даже душа
Песнь от боли выводит, звеня хрусталем.

Сердце

Нет таких скорбей на Свете Белом,
Чтобы приютить ты не сумело.
Ты для ран – мишень, а не лекарство,
Мир печали – вот твоё богатство.

Но, как в клетках птички-невелички,
Ты грустишь порой – лишь по привычке.
И живешь-страдаешь в мире фальши
Не за ближних, а за тех, кто дальше...

Перевод Игоря Соколкина

Тень дерева

Отчего эти грустные тени дрожат,
Под деревья упав безнадежно?
Оттого, что, как вороны, тучи кружат,
Оттого им, забытым, тревожно.

Почему же так холодно было и нам,
Хоть и искренни были молитвы?
Неужели опять проливаться слезам
И погибнуть в пылу жаркой битвы?

Наши деды блуждали в горах, как всегда
С болью к югу мольбы обращая.
Только с Севера вдруг засияла звезда,
Направленье пути завещая.

С тех пор крепости строят на Север спиной,
Клятву в верности пращуров дали.
А коль слово дано – отвечай головой,
В крепких ножнах изделия из стали.

Хоть безоблачна ночь, хоть густа и темна:
Та звезда, что на Севере, – светит,
Зарастает травой крепостная стена,
И в бойницах свирепствует ветер.

Так зачем эти грустные тени дрожат,
Под деревья упав безнадежно?
Почему же, как вороны, тучи кружат,
Отчего им, забытым, тревожно?

Перевод Ксении Ногайцевой

Хыйса Лейдунович Османов родился 1 января 1954 года в Каскеленском районе Казахстана. В Кабардино-Балкарию его семья вернулась в 1957 году – в родное село Герпегеж. Там он окончил среднюю школу, а после службы в армии поступил в КБГУ на инженерно-технический факультет. Хыйса был старшим из детей и считал своим долгом помогать родителям, поэтому, работая днем в строительной бригаде, учился на вечернем отделении.

С 1979 года, по окончании университета, работал в различных строительных организациях, но со временем стала сказываться любовь к литературе и родному языку. Первые его журналистские работы появились в газете «Заман», куда в 1998 году он был принят корреспондентом. Большое внимание Хыйса Османов уделяет народному творчеству – песням, легендам, собирает и систематизирует старинные фотографии, на которых запечатлена история народа.

Первая книга на балкарском языке – «Ёмюрле жолунда», в которой отражены истории некоторых известных балкарских фамилий, рассказы об участниках Великой Отечественной войны. В поисках новых интересных материалов Хыйса много ездит по селам республики, встречается с разными людьми, собирает исторический и этнографический материал. В 2009 году выходит книга на русском языке «Балкария сквозь века».

Утрата самого близкого человека, матери, душевной болью отразилась в новелле «Веретено моей мамы», давшей название его следующей книге, вышедшей на родном языке, «Анамы урчугъу». В книгу также вошли легенды, воспоминания, рассказы. В 2011 году вышла еще одна книга на балкарском языке «Малкъар уя». Это книга о великих людях прошлого и об исторических событиях XIX – начала XX столетия, связанных с балкарским народом, сюда же вошли сведения о высочайшей вершине Европы Эльбрусе. В 2013 году выходит в свет новая книга на балкарском языке «Акъ кешене» (Белый склеп). В 2014 году вышла книга Хыйсы Османова «Жашладан бир хапар айтыгъыз» (Расскажите о сыновьях). Она посвящается матерям, провожавшим своих сыновей на защиту Отечества. В нее вошли более ста рассказов о балкарцах – участниках русско-японской, Первой мировой, финской, Великой Отечественной войн.

Х. Л. Османов является редактором отдела газеты «Заман», членом Союза журналистов, Союза писателей России.

СХВАТКА В ХОЛОДНОЙ БАЛКЕ*Рассказ*

В одном из высокогорных ущелий Балкарии течёт река, скачет с камня на камень, напевая свою нескончаемую песенку, питает влагой пашни и сенокосы, разрезая горы и отвесные скалы, растекается по дальним равнинам. Где-то прячась в теснинах, где-то переполняясь и выходя из берегов, течёт она не день, не год, а испокон веков.

На её левом берегу, нависая над широкой и красивой долиной, на уступе отвесной скалы стоит приметный издалека замок. Словно выросший из камня, а не построенный человеческими руками, гордый и одинокий, охраняет он покой ущелья, хотя уже целые века не вьётся над его стенами дым очага, заросло мхом основание, осыпаются стены.

Много поколений назад ушла жизнь из этого места, тропа к его стенам заросла крапивой и чертополохом, в пустых бойницах хозяйничает горный ветер: чаще лениво кружит между стен, легко играя тёплой пылью во дворе, но временами резко взвивается с хищным свистом, неожиданным холодом продувая человека до самых костей.

Рассказывают о замке старую историю, передают её из уст в уста, от стариков к пожилым, от пожилых – к начинающим сесть. Она гуляет по горным дорогам и на сельских площадях, кочуя от ныгыша к ныгышу и от очага к очагу – иногда короткая, иногда основательно разросшаяся, уточненная до мельчайших подробностей. Расскажу и я – то, что дошло до наших дней, как услышал сам.

Когда-то в синей глубине времен, в которых дубовый лук ещё считался оружием воина, с отцом и матерью жил в этом замке богатырь, звавшийся Сосланбием. Ещё подростком стал он ходить на охоту, брал дань с хозяина дикой природы Апсаты, изучил его владения, как свой отчий дом, ночевал в его тайных пещерах, утолял жажду холодной водой. Не осталось вершин и перевалов, на которые бы он не забрался, подобно туру, и бывал он там, где не ступал до него ни один человек. И ветер играл его волосами, когда он, стоя на неприступной вершине, смотрел сверху на облака. Много раз в одиночку встречал он разгорающуюся в синем небе зарю и провожал утопающий за склонами закат. Переходя из ущелья в ущелье, побывал он во всех сёлах и аулах, узнал людей и приобрёл друзей.

В одном из сёл, окружённом горами, жила девушка с чистым, как она сама, именем – Ариукёз, что значит «красивые глаза». Она была прекрасна, как белая берёза. Полюбили они с Сосланбием друг друга, решили сыграть свадьбу, создать семью.

Порой время бежит быстро, как ветер, гоняющий тучи. Скоро деревья покрылись золотой листвой, подошло время готовиться к торжеству. В один из дней, ранним утром Сосланбий просил отца отпустить его на охоту:

– Горы зовут меня, отец. Туры нагуляли жир, позволь мне сходить в Холодную Балку. Я вернусь быстро, принесу свежего мяса.

– Вижу, что ты уже собрался, поэтому не буду удерживать. Много живности ты забрал у Апсаты, вряд ли он забудет это. Будь осторожен, и возвращайся живым и здоровым, – отвечал ему отец.

В Холодной Балке у туров было лежбище, там они прятались от людей и хищников, тропа туда шла по узкому скальному карнизу. Вниз и вверх – отвесная стена, на дне – с грохотом перекатывающий валуны поток, а сверху – синее небо, по которому плывут облака. Пробирается по тропе охотник, надеясь до темноты вернуться домой с добычей.

Долго ли, мало ли шёл Сосланбий, но вдруг заметил ослепительно-белого, с развевающейся на ветру бородой, тура на краю скалы. Стоит он, поворачивая время от времени голову по сторонам – всё ли в порядке? Рядом козы щиплют траву, скачет и играет молодец. «Сколько хожу по горам, а такого красивого животного не видел. Небось, это сам Апсаты в обличье тура. Надо подойти поближе и посмотреть», – подумал охотник. Пластаясь по карнизу, вжимаясь в камень, задерживая дыхание, крадётся Сосланбий. Если не удержишься и упадёшь, будешь лететь до самого дна – на гладкой поверхности даже пальцем не за что зацепиться. Но не помнит об этом Сосланбий, всё его внимание – на жертве, на ногах – мягкая обувь из воловьей кожи, на поясе – кинжал. Ещё немного – и можно будет стрелять...

Белый тур не подозревает об опасности, но он всегда начеку. Оглядываясь по сторонам, поднимает переднюю ногу, бьёт по камню и вдруг застывает. Там, куда прикован его взгляд, по крутому обрыву спускается жёлтая с чёрными пятнами огромная кошка – это кровный враг тура, горный барс. Много козлят убил он в своё время, да всё не было случая отомстить ему за это.

Решив, что спугнул белого тура, охотник застыл за камнем. Однако всё внимание того приковано к длиннохвостому пятнистому хищнику: опять он пришёл за своей долей, но в этот раз это ему с рук не сойдёт. Пусть только подойдёт поближе, и получит в брюхо рогами крепче камня и будет сброшен в пропасть. Лишь тогда долг крови будет оплачен.

Барсу тоже нет дела до тура. Он видит перед собой другую цель – двуногую, – которая зашла на его территорию и должна быть наказана. Бесшумно подползти ближе, затем – один прыжок, один рывок когтём по коже, и – сбросить окровавленную жертву в пропасть. Навсегда...

Тур застыл, не отрываясь от барса, ожидая момента, чтобы сбросить того вниз. Ещё один шаг – и его племя избавится от вечного страха, молодец будет спокойно пастись под чистым небом. А человек уже приготовил лук и натянул тетиву, целясь в тура. В это время над ним изготовилась к прыжку пятнистая кошка. Миг – и вцепится в спину, не отпустит.

Каждый видит лишь свою цель, не подозревая об опасности. Сын человека хочет добыть пищу, хищник – изгнать соперника, тур – получить долг крови. Над ними солнце, заканчивая свой ежедневный путь, последними лучами красит небо алым. Все напряжены и готовы к смертельному броску.

И вот спущена тетива, стрела летит со свистом и вонзается в бедро горного козла. Вздрогнул тур, не понимая, откуда эта острая холодная боль. В ту же секунду раздался пронзительный вскрип прыгающей кошки. Сосланбий, оглянувшись на звук, заметил лишь пятнистое тело, летящее в его сторону. Отбросив лук, он успел выбросить навстречу руку и вцепиться барсу в горло. Обезумевший от боли тур вдруг увидел источник своей боли, одним прыжком достиг его и с разбегу врезался обоими рогами в брюхо своего пятнистого врага.

Громкий крик огласил Холодную Балку. Испуганные козы попрятались в щели. Трое бойцов борются на краю пропасти. Вниз – стена до самого дна,

вверх – тоже скала: можно выскочить, но в один прыжок не достанешь. Клубок переплетённых тел перекатывается по узкому карнизу, никто не хочет уступать, никто не может взять верх и никто не хочет умирать. Сосланбий очень силён, но в грудь его глубоко вошли когти хищной кошки. У той тоже струится кровь из разорванного рогами паха, а из белого тура, сквозь рану от стрелы, медленно уходит жизнь.

Каждый хочет выжить. Охотник хотел бы вернуться в свой дом, тур с блестящей белой шерстью – спокойно пастись под чистым небом, хищник хочет лакомиться козлятиной в своём тайном логове. Но никому из них уже не вырваться из смертельных объятий.

Каждый из них хочет жить, но ради жизни надо убить другого. Нужно вырваться и подняться, но это уже невозможно. Слишком крепко они вцепились друг в друга, стали единым целым. Крутились и крутились на узком утёсе скалы. Из стороны в сторону. То подходили близко к обрыву, вот-вот сорвутся, то откатывались от него. Никто не хотел умирать. Каждый хотел вернуться с победой. Но их песня была уже спета.

Уже смерклось. Солнце скрылось за горами. На небосклоне появилась яркая вечерняя звезда. Она стала последним свидетелем конца жестокой схватки.

Кто знает, сколько продолжалась эта борьба. Много крови и сил было потеряно. Жизнь покидала каждого из них. И они, в конце концов, перестали думать о жизни. Отчаянно сражаясь, каждый хотел свалить врага, стать над его телом, прореветь, прокричать, прорычать победный клич, и хотя бы на миг насладиться вкусом победы.

Но ни человеку, ни зверю, ни животному не суждено было это. Все трое, в одном переплетённом клубке, они сорвались со скалы, в последний миг падения испустив страшный вой, от которого кровь застыла в жилах. Холодные воды реки безразлично и быстро поглотили израненные, напряженные тела – лишь фиолетово-серые брызги и тяжёлый всплеск, почти не слышимый за мощным гулом реки и... больше ничего. Конец схватки в холодной балке.

Хищник больше не вышел на охоту. Не суждено было ему полакомиться свежим мясом тура. Постепенно заросли его тайные тропы. И белый тур больше никогда не стоял на краю скалы и не видел, как молодые туры, рассекая ветер, бьются крепкими рогами.

И охотник не вернулся домой. Река и его не отпустила. Не сбылись заветные мечты Сосланбиа. Не беседовал он больше с отцом, не слушал его наставлений. И мама не погладила своими тёплыми руками его голову. Не привёл в дом свою красавицу-невесту. Не обрадовал родителей внуками.

А они его ждали. Ждали, оглядываясь на каждый шорох. Вот сейчас он войдёт в дом, виновато посмотрит на отца, подойдёт к матери, нежно обнимет её и скажет: «Прости меня, мама, я так люблю тебя, так люблю, если бы ты знала». Он был их солнцем, радостью и теплом.

Но сын не вернулся. Долгими холодными днями они допоздна сидели во дворе, пока в один из вечеров не зашли в дом и закрыли за собой дверь, чтоб больше никогда не выйти оттуда.

Горевала и его невеста Ариукёз. Много слёз пролила, проплакала все глаза. И, хотя даже через годы многие джигиты сватались к ней, она не вышла замуж. Она знала, если им не суждено было жить в этом мире вместе, то в следующем они обязательно встретятся и уже больше никогда не расстанутся.

С тех пор минуло много лет. Много воды ушло из гор в долину. Те, кто знали храброго Сосланбиа, давно ушли в мир иной. Многие поколения сменили друг друга. Одни уходят, другие приходят. А история охотника осталась. Старшие рассказывают о ней, молодые запоминают, передают следующим. И башня, хоть и с разрушенными стенами, стоит по сей день, как свидетель былой старины, – там же, на уступе скалы. Так же, как и раньше, борется зимой с вьюгами и буранами, а летом с ветрами и ливнями. А когда солнце прогонит их, его лучи садятся на стены старой башни и греют её холодные камни. Прислушаешься к ним – как будто шепчутся друг с другом... Кажется, что это голоса людей, которые здесь когда-то жили. Давно, очень давно. В мире ином нашли они друг друга, и порой возвращаются сюда, разыскивая ненайденное в своё время земное счастье.

ТВОРЧЕСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «ЗОЛОТОЕ ПЕРО»

«Литературная Кабардино-Балкария» представляет своим читателям стихи участников творческого объединения «Золотое перо» из города Прохладного. Оговоримся сразу – это очень разные произведения, как в части их формы, так и в содержании. Художественные достоинства одних текстов исчерпываются исключительно детской безыскусностью, непосредственностью ощущений или чистым пафосом подросткового максимализма; другие претендуют на философское обобщение и своеобычность мировосприятия, отдельные фрагменты некоторых из них на достаточно высоком эстетическом уровне зафиксировали мысли и чувства своих создателей.

Объединяющее начало всех стихотворений от «Золотого пера» – здоровая творческая амбициозность и уверенность каждого автора в том, что ему есть, что сказать миру, что, собственно, заявлено уже самим названием прохладненского ЛИТО. Что называется – скромно и со вкусом! Однако... Сотни поэтов тысячи и десятки тысяч раз дарили любимым букеты цветов или звёзды, но Тимур Умиргалин – 13-летний школьник – умудрился сделать и то, и другое в одном поэтическом движении. Уже несколько поколений поэтов, включая великих, таких, как Кайсын Кулиев, в расцвете своего мастерства, приходили к осознанию темпоральной семантики падающего снега, – десятиклассник из Прохладного Иван Еремеев создает именно этот образ: «снег – уходящее время». Подчёркнутая трагичность переживаемого момента, проявленная в частной детали, например, в перчатке, надетой не на ту руку, – извечный знак высокой «женской» лирики, и Н. И. Иокерс находит свою, только свою конкретику для выражения щемящего и пронзительного чувства одиночества...

Редакция «Литературной Кабардино-Балкарии» не берется прогнозировать будущее представляемых в этом номере авторов, так же, как не хочет навязывать своему читателю те или иные оценки их творчества. Время покажет, чем являлись образные находки поэтов из «Золотого пера» – банальной эклектикой или индивидуальным прозрением. Сегодняшняя публикация в большинстве случаев – не более чем осознанный аванс, но мы хотим надеяться, что он может оправдаться хотя бы частично, если не в отношении какого-то определенного поэта, то – в отношении одного или нескольких будущих текстов.

*Сусанна ЧОЛАКОВА,
кандидат филологических наук,
член Общественной палаты КБР,
педагог МБОУ СОШ № 42*

Апрельский Нальчик

Нальчик вновь купается в апреле,
Отмывая холод чувств дождями.
Разве необычно, в самом деле,
Что мы стали с Нальчиком друзьями?
Город мой!
Какой ты, право, странный...
На сегодня, на сегодня друг мой главный!

Кто б цветы срывал-дарил охапкой?
Кто б сиренью надушил причёску?
Нальчик, Нальчик! Чувствую украдкой
Твою нежность в зелени берёзки.
Милый друг!
Какой ты, право, странный...
На сегодня, на сегодня друг мой главный.

Только жаль, что лёгкую влюбленность,
Как всегда, размочит ливнем мая.
Мне б рассеять неопределенность,
С Нальчиком о будущем мечтая.
Город мой,
Какой ты, право, странный!
На сегодня, на сегодня друг мой главный...

*Наталья ИОКЕРС,
директор ГКУ «Центр труда, занятости
и социальной защиты» г. Прохладного*

Дождь шёл всю ночь,
Стучал по подоконнику,
Стучал настойчиво в окно.
А я всю ночь считала слоников,
Но не уснула всё равно!
Один... как тихо в этой комнате.
Два... холодно и так темно.
Три... как любила дождь я, помнится,
Четыре... а теперь мне всё равно.

Идут слоны, раскачиваясь медленно,
Нет каравану их конца.
Тяжёл их груз, шаги замедленны,
И ноги будто из свинца.
...Сто сорок два. Дождинки капаят,
Стекают, плача, со стекла.
...Сто пятьдесят. Ничто не радует.
Душа как будто умерла.
...Семь тысяч триста сорок пять.
Вдали светлеет неба краешек.
Идут, идут слоны опять.
В груди тоски не тает камешек.
Дождь шёл до самого утра,
Вода стекала с подоконника.
Я тосковала, не спала,
Всю эту ночь считала слоников.

*Валентина ВОХРОВА,
ветеран труда,
руководитель городского клуба «Ветеран»*

Победа

Для вас победа, ветераны, –
И боль, и радость, и весна.
Прошли года, но боль и раны
Остались с вами навсегда.

Вы были, воины России,
В боях суровых горячи,
И никакие злые силы
Остановить вас не смогли.

Вы – наша гордость, наша слава.
Никем нельзя вас заменить!
И лишь великая держава
Могла таких сынов родить!

*Александра ГИРЕНКО,
преподаватель английского языка МБОУ
СОШ № 4 имени А. Г. Головки*

Я устал отдирать твоё имя с запекшихся губ

*«Я ломал стекло, как шоколад в руке,
Я резал эти пальцы за то, что они
Не могут прикоснуться к тебе...»*

Nautilus Pompilius

Я тебя отпускал. Я выламывал хрупкую кость,
Вырывал тебя с мясом и резал по контуру вен,
Я хлестал из горла обжигающе едкую злость,
Обрывал свои снасти, валился в спасительный крен.

Я кричал, я рычал, я хрипел в безответную ночь,
Я хотел заглушить ненавистный набат тишины...
Умолял небеса – но никто там не жаждал помочь,
Предлагал свою душу – никто не назначил цены.

Я смеялся навзрыд, я себя распахнул темноте –
Но не стало чернее в изглоданной болью груди.
Я шагнул через край, я так страшно покоя хотел –
Но покой обернулся тобой и сказал: «Уходи...»

Я устал отдирать твоё имя с запекшихся губ,
Я забыл, как дышать без твоих шелестящих шагов,
Я подбитым грачом распластался на сером снегу –
Не добыют – я не нажил себе ни друзей, ни врагов.

Я устал отдирать твоё имя с запекшихся губ
И горячее сердце до боли сжимать в кулаке...
Ты, конечно, не ведьма и меньше всего ты суккуб –
Просто линия жизни на этой бессильной руке.

*Людмила ТОЛСТОПЯТОВА,
педагог дошкольного
образования*

Что есть любовь?

Что есть любовь?
Мерцающий огонь
В пещерной глубине,
Или жемчужина
На дне песчаном моря?
Найти её непросто, ты поверь.
Ещё труднее сохранить, укрыть от горя.
Недолговечна будет, словно мотылёк,
Иль как скала, что бурям неподвластна, —
От тех зависит, кто её сберёт,
И будет жизнь двоих тогда прекрасна?..
Что есть любовь?
Чудесный лунный свет,
Что озаряет тьмы ночной убранство.
Или рассвета яркие лучи,
Согревшие земное всё пространство...
Что есть любовь?
Бессмертные души,
И продолженье жизни в детях, внуках.
Так дай вам Бог, чтоб он вас уберёт —
С любимым никогда не знать разлуки.
Ты сохрани, спаси свою любовь,
Не дай ей умереть.
Сомкнув ладони...
Забыв о том, как хрупок мотылёк,
И как недолговечен огонёк —
Коль не сберёт, не сохранил,
Не смог теплом души согреть,
Сомкнув ладони...
Что есть любовь?
Души твоей рассвет.
Как мотылёк, сидящий на ладони.
Тебе решать, увидит ли он свет,
Когда, подумав, разомкнешь ладони.

*Екатерина ПАСКАРЬ,
9 кл. МБОУ СОШ № 1*

Ёжик

Вечерком по мокрому асфальту
Мой колючий друг бежал,
Боялся не успеть к закату,
Тихонько песню напевал...

*Татьяна МУСАТОВА,
10 кл. МБОУ СОШ № 4*

Русскому языку

Ты возник, как искра́ из огнива,
Русским духом и страстью велик.
Ведь в тебе – и нежность, и сила,
О, могучий русский язык!

О, язык, ты лился страстным слогом
Из-под стержня лебяжьа пера,
Ты сперва был кириллицы словом...
Аз и буки – исток у ручья.

Становился твореньем великим,
Был и рифмой, и прозой творца.
Речью русской – то громкой, то тихой –
Слогом чётким ласкаешь сердца.

И мы, дети великой России,
Пронесём твою честь сквозь года!
Сохраним и величье, и силу,
Достоянье твоё на века!

*Иван ЕРЕМЕЕВ,
10 кл. МБОУ «Лицей № 3»*

Снег

Затаив дыхание, город
Снова смотрит за окно:
Распахнув мороза ворот,
Пало снежное панно.

И в морозном снежном кружеве
Расстилается в окне
Палисадник наш завьюженный
В белоснежной простыне.

Ах, как думается грустно,
Глядя в этот снегопад!
Вдоль по улице так пусто
Средь Морозовых палат.

В дымке снежной город дремлет,
Фонари одни горят.
Так же падал снег, наверно,
Десять, двадцать лет назад.

Был другой такой мальчишка,
И смотрел вот так в окно,
Отложив в сторонку книжку...
Это было так давно!

Это было, это будет,
Это людям суждено...
Сквозь морозный жидкий студень
Город всё глядел в окно...

*Наталья ПРИДАНЦЕВА,
преподаватель МБОУ «Гимназия № 2»*

Горы Кавказа

О, горы Кавказа, загадка и тайна,
Воспеты поэтами в дивных стихах.
Живут здесь достойные, гордые люди,
Которым неведомы трусость и страх.

Им с детства привычен и грохот обвала,
И шум соскользающих снежных лавин,
Бурливые реки в объятиях скальных,
И тучи в морщинах великих вершин.

И ветер, и травы, и граненые камни,
Тоскливые оклики в небе тающих стай,
Открытые песни, что поются веками,
И в синих ущельях – шорохи тайн.

Не всем выпал жребий – прийти и остаться.
Здесь не существуют. Здесь можно лишь быть.
Снег. Воздух. Гранит. И на склонах останцы...
Душа, небо, солнце – чтоб просто любить.

*Полина КРИВЦОВА,
8 кл. МБОУ СОШ № 1*

Бабушке

Спелую черешню в огороде
Я у бабушки рвала в корзинку,
Мы смеялись весело, играли
И «черешневую» создавали моду...

И компот мне бабушка варила
Из черешни вкусной, сладкой-сладкой.
И варенье из большущей чашки
Я таскала ложкою украдкой...

Опустел недавно милый дворик,
Некому смеяться тут со мной,
И ненужный тазик для варенья
Наполняется лишь горькою слезой...

*Тимур УМИРГАЛИН,
8 кл. МБОУ СОШ № 102*

Я подарю тебе, любимая, букет
Из звёзд на небе собранных.
Тебе их ветер принесёт
И скажет что-то доброе.
Ты в комнате поставишь их,
И будут они вечными.
Я подарю тебе рассвет,
Луну и звёзды, чистый свет,
И дуновение ветерка –
Такое нежное, как губ прикосновение...
Я подарю тебе себя.

*Камила ОРЛОВА,
8 кл. МБОУ СОШ № 102*

Новый год

Наступают холода,
К нам уже спешит зима.
Вот на речке лёд замёрз,
И спешит к нам Дед Мороз.
Скоро будет Новый год!
Значит, всех удача ждёт.
За окном кружится снег,
Хороводы водят все,
Оливье готовят мамы,
Ну, а мы готовим сани.
Веселится весь народ!
Здравствуй, здравствуй, Новый год!

Савелий ВАСИЮЧЕНКО

За окном кружится осень,
Птиц прогоняя в дальние края,
И мне становится так одиноко...
Скорей бы вновь пришла весна.
Я буду ждать её, весну,
Чтоб снова опьянеть от счастья,
От аромата тех цветов,
От птиц весёлых голосов.
Эй, весна, где ты, где ты?
Где твои прекрасные цветы,
Где твои весенние рассветы,

Где же солнечные дни?
Где твой ароматный, пряный ветер,
И кукушек голос озорной?

*Ксения ЗАЙЦЕВА,
8 кл. СОШ №1*

Вчера ходила в гости к ветерану,
Свои награды он мне показал,
И о своих мне рассказал он ранах,
Его мне голос в сердце проникал...

И слушала его замороженно,
Как он на танке с другом воевал,
Как бил врага ожесточённо
И друга в битве потерял...

Снятся сны ветерану сегодня,
Будто снова война к нам пришла,
Взрывы, дым, крики, смерть –
И болит старика голова...

Вот опять, опять он в танке горит,
Друг живой что-то там говорит.
Руку к нему боец протянул...
Может, это не сон, а всё наяву?

Хочу, чтоб проснулся, а вокруг – тишина.
Чтобы прошла ты, горе-война!
Больше тебе никогда не бывать!
Я смогу за тебя, ветеран, постоять!

Ибрагим ГУКЕМУХ

Ибрагим Халидович Гукемух родился в 1968 году в Нальчике. В 1992 году окончил исторический факультет Кабардино-Балкарского государственного университета. В настоящее время работает корреспондентом республиканской газеты «Горянка».

Готовит к печати сборник прозы «Хантхупс». Редакция «ЛКБ» предлагает своим читателям рассказ из этого сборника.

АМУЛЕТ

Рассказ

Перед самой отправкой на фронт сельский мулла вручил Хамыше амулет – маленький кожаный треугольник на шнурке.

– Внутри зашит листочек с сурой из священного Корана, – сказал он призывнику. – Всегда держи его при себе, и пули тебя не тронут.

Суеверным Хамыша не был, но на всякий случай надел амулет на шею – мало ли? Он знал, что точно такие же обереги мулла сделал и двум его старшим братьям – Зуту и Ахмедхану, которых призвали в армию в первые же дни войны.

Двое суток эшелон катил неизвестно куда, а на третий их высадили посреди бескрайней знойной степи. На складе, недалеко от места выгрузки, новобранцев вооружили винтовками и переодели в солдатскую форму. Хамыше она оказалась велика, но командир успокоил, сказав, что потом все можно будет ушить и подогнать по размеру. Ушивать ничего не пришлось. Пока молодые бойцы переодевались и, изображая храбрых красноармейцев, шелкали затворами, в небе появились немецкие бомбардировщики. Спрятаться от них было негде – кругом степь.

Одна из бомб разорвалась совсем близко, и после ослепительной вспышки Хамыше показалось, что он летит в бездонную черную яму. Очнулся только к исходу дня, от сильного удара сапогом по ребрам. Открыл глаза и увидел перед собой немецкого солдата с коротким автоматом в руках. Немец улыбался. Чуть поодаль догорала перевернутая командирская «эмка». Повсюду лежали неподвижные тела красноармейцев.

– Штей ауф, Ванья! – крикнул немец и пнул его еще раз.

Так Хамыша очутился в лагере для военнопленных. Вернее, это был не лагерь, а кусок степи, огороженный колючей проволокой, что-то вроде огромного загона. Вдоль ограждения ходили немецкие автоматчики. Внутри, на голой земле, сидели и лежали тысячи красноармейцев. Серая копошащаяся масса издавала напоминала единый живой организм. Каждый день в «загоне» от голода, жажды и ран умирали сотни пленных. Хамыша все более отчетливо понимал, что если ничего не изменится, то скоро умрет и он. Иногда нащупывал под гимнастеркой амулет и просил Бога о спасении.

Через несколько дней немцы отобрали группу наиболее крепких людей, – среди них оказался и Хамыша, – посадили в эшелон и привезли в настоящий

лагерь – с вышками, собаками и большой квадратной площадкой посредине. С рассвета бывшие красноармейцы рыли канавы и таскали шпалы, а к вечеру нестройной колонной возвращались в лагерь. Их пересчитывали и запирали на ночь в длинных деревянных бараках. Здесь было получше, чем за колючкой в открытом поле, по крайней мере, один раз в день кормили и давали воду.

Через две недели в лагерь приехало какое-то важное начальство. Все работы были приостановлены, пленных выстроили на плацу. Майор в полевой форме вермахта через переводчика объявил, что если кто-то из них желает помочь великой Германии в борьбе с комиссарами и жидами, то сейчас – самое время. Уроженцам Кавказа предлагалось вступить в подразделения, которые после специальной подготовки должны будут выполнять задания немецкого командования. Тех же, кто сотрудничать не захочет, он пообещал отправить в лагерь смерти.

Хамыша не собирался помогать Германии, но и подыхать в концлагере не хотел. Поэтому решил: «Соглашусь, а потом при первой возможности сбегу». Таких, как он, набралось человек пятьдесят. Их посадили в грузовики и отвезли за много километров в какой-то захолустный южный городок.

Здесь тоже была колючая проволока и свирепая охрана. Но вместо барачных их разместили в каменных казармах, была даже отдельная столовая. Кормили кашей и свиной тушенкой, давали хлеб и ячменный кофе. За проволоку не выпускали. С раннего утра и до отбоя преподавали очень необычные для него предметы – это была диверсионная школа.

За полтора месяца Хамыша научился многому: ставить мины, стрелять, ориентироваться на незнакомой местности, пользоваться картой. Почти все преподаватели и курсанты разговаривали только на русском языке. Хамыше тоже пришлось основательно его подучить. В его селе по-русски свободно говорили только два человека – агроном и школьный учитель. И Хамыша, оказавшись в этом месте, не раз вспоминал слова своего наставника: «Выучишь русский язык – станешь человеком». Сначала он научился ругаться матом, потом освоил и другие нужные слова. Сложнее было с чтением и письмом, но и здесь он справился: как-никак за плечами была сельская семилетка. «Вот я и становлюсь человеком, Лев Самуилович», – с горечью думал Хамыша, вспоминая учителя.

По окончании курса выпускников сфотографировали и после хорошего угощения – тушенка, шоколадные конфеты, водка – отправили на секретный аэродром, куда-то под Краснодар. Здесь Хамыша впервые увидел самолеты вблизи. У края летного поля стояли два огромных «юнкерса», и ему почему-то вспомнился трактор «фордзон», фыркающий от непомерных усилий, – единственная техника, которую он видел в родном колхозе.

На аэродроме их учили прыгать с парашютом, разбив на группы по три человека – старший, подрывник и радист. Еще через две недели в расположение приехал незнакомый чин из армейской разведки. Он лично проверил готовность троек. Каждой поставил свою задачу. Тройка, в которой оказался Хамыша, следующей же ночью должна была лететь в советский тыл. Немец достал карту и показал район выброски.

– Вот это – Старый Улус, здесь – Эркен. Базу устроите где-нибудь рядом, в лесу. Ваша задача – сеять панику: взрывать дороги и убивать комиссаров. Потом, когда подойдет наша армия, вы получите хорошую награду.

...Старый Улус! Услышав название родного села, Хамыша напрягся. Вот он, долгожданный случай! «Как только окажусь на земле, уйду к своим», – уже твердо решил он. Каптер выдал им все необходимое – автоматы, взрывчатку и паек на три дня.

На летном поле, освещенном только сигнальными огнями, готовили к вылету транспортный «юнкерс». Летчики прогревали моторы. Инструктор перед самой погрузкой коротко напутствовал:

– Сдаваться даже не пытайтесь. Комиссары расстреляют вас, как предателей. Хайль Гитлер!

Все время, пока летели, Хамыша размышлял над этими словами. Но на подходе к заданному району мысли из головы словно выдуло: самолет обстреляли зенитки. Прыгать пришлось с большой высоты, и в воздухе всех троих сильно разбросало. Приземлялись поодиночке, в разных местах и далеко друг от друга. «Оно и к лучшему, – не смутился Хамыша. – Так скорее попаду домой!» Отстегнул парашют, спрятал его в кустах вместе с автоматом и вещмешком, и двинулся в сторону Старого Улуса. Он шагал по лесной тропе, знакомой с детства, и представлял, как обрадуются его неожиданному появлению родные. Уже выйдя к проселочной дороге, издали заметил арбу, запряженную ишаком. А когда арба приблизилась, узнал и возницу, – это был его односельчанин Хаути. Старик, по всей видимости, ехал с полевого стана в село.

– Салам алейкум, Хаути, – поздоровался Хамыша. – Как здоровье? Моих видал?

Старик внимательно оглядел его пятнистую куртку с капюшоном и ответил, что сейчас все в поле, выкапывают последнюю картошку. Тогда Хамыша спросил, есть ли в селении наши войска.

– Солдат много, в каждом доме стоят, – ответил Хаути, по-прежнему неотрывно рассматривая парня.

– Ну, тогда отвези меня в штаб, – попросил Хамыша. – Мне надо с главным командиром поговорить.

Хаути довез его на своей арбе до сельсовета, где теперь располагалась комендатура. За низким забором у крыльца стоял часовой.

– Эй, солдат! – крикнул Хаути, – хади здесь, ишо один шпион привез.

Часовой наставил на Хамышу винтовку со штыком и, помогая себе непрерывной бранью, отвел к сараю в глубине двора.

– Посидишь здесь, пока не вызовут, – сказал, после того как протолкнул арестованного внутрь и задвинул ржавый засов на двери.

Хамышу вызвали, когда уже стемнело. В комендатуре его ждали два офицера. Один сидел за столом и задавал вопросы, обращаясь к Хамыше не иначе как «сука» или «предатель», и все время что-то записывал. Другой молча курил и ходил у Хамыши за спиной. Допрос закончился быстро. Его даже не били. Подписав протокол, первый офицер кликнул часового и приказал:

– Отведи эту падаль подальше и исполни!

– Отставить, – неожиданно вмешался тот, что ходил у Хамыши за спиной. Наверное, он и чином был повыше. – Пусть пока под замком посидит, а утром отправишь его в особый отдел армии.

Хамышу отвели обратно в сарай. Всю ночь в отдалении гремел гром, но дождь так и не пролился. Всю ночь Хамыша плакал и молился Богу, в которого не верил. Под утро гулкие раскаты приутихли, и он заснул.

Разбудили его воробьи – громким чириканьем и возней на крыше сарая. Хамыша ждал, что вот-вот за ним придут, отвезут в особый отдел армии и там расстреляют. Но никто не шел. Снаружи было очень тихо, если не считать воробьиного веселья. Сквозь щель в двери ему был виден только пустой двор. «Эй, солдат!» – окликнул он часового. Никто не отозвался. Он крикнул еще раз, погромче. И – снова тишина. «Ну не век же мне здесь сидеть?» – подумал Хамыша и ногой вышиб хлипкую дверь.

Во дворе комендатуры никого не было. В комнате, где его вчера допрашивали, тоже никого не оказалось. Только стол и два табурета стояли на прежних местах. За калиткой нога провалилась в свежую колею «студебеккера». «Драпанули...» – понял он настоящую причину ночного грома: это была канонада немецкого наступления. Где-то далеко завывала собака. Хамыша перескочил через дорогу и пустырем побежал в сторону леса. Благо, бежать было недалеко. Приметные кусты, в которые вчера сунул свою поклажу и автомат, Хамыша нашел быстро. Достал из вещмешка флягу с водой, банку тушенки и устроился под старым буком. А когда поел и утолил жажду, призадумался: «За немцев воевать не хочу. У наших тоже выбор небольшой: расстрел или Сибирь. Оставаться в лесу нельзя – скоро зима... Что делать? – Хамыша знал, что если двинуться на юг, в горы, то можно набрести на какой-нибудь пустующий кош. – Тогда и крыша над головой будет. Оружие у меня есть, патроны тоже, буду охотиться – будет еда...» Перекрывая шум кроны над головой, слышался посторонний гул – тоже откуда-то сверху. Хамыша прислушался. Гул нарастал... «Самолеты!» Он вскочил и побежал к кромке леса, посмотреть, что творится в небе.

Высоко в осенней синеве проплывали немецкие бомбардировщики. Они шли куда-то на юго-восток, в направлении Эркена. И не успел Хамыша вернуться к своей стоянке, как услышал грохот разрывов. Это значило, что немцы скоро войдут и в Старый Улус.

Собрав свои вещи, он двинулся по направлению к заснеженным вершинам, которые отчетливо виднелись на фоне ясного октябрьского неба. Хамыша шел и думал о родителях, – кто знает, увидится ли с ними когда-нибудь, – об Ахмедхане и Зуте, о соседях, сельском мулле... Мысль о старом священнослужителе заставила его остановиться. Он торопливо расстегнул воротник куртки и снял с шеи шнурок с амулетом. «Совсем про тебя забыл!» – сказал так, словно держал в руках живое существо. Разорвал зубами полусгнившие нитки, которыми был обшит заскорузлый кожаный треугольник, и извлек из него маленький, сложенный вчетверо листок бумаги. Охранительное заклинание... почему-то написанное русскими буквами. Хамыша удивленно хмыкнул, приблизил листок к глазам и прочитал вслух: «Ахмедхан не баюца. Зут не баюца. Пачиму Хамина баюца?».

Он выбросил листок и громко выругался. Лес ответил коротким эхом и испуганным хлопаньем крыльев. Хамыша вздрогнул, поправил лямки рюкзака и быстрыми шагами направился в сторону гор.

Фёдор ОШЕВНЁВ

Федор Михайлович Ошевнев – прозаик, публицист, журналист. Родился в 1955 году в г. Усмани Липецкой области. Окончил Воронежский технологический институт (1978-й) и Литературный институт имени А. М. Горького (1990-й). Двадцать пять календарных лет отдал госслужбе: в армии и милиции. Майор внутренней службы в отставке, участник боевых действий, ветеран труда. Член Союза журналистов России, член Союза российских писателей.

Автор девяти книг: семи прозы и двух публикации прозы.

Награжден медалями «За ратную доблесть» (за создание повести на тему афганской войны «Да минует вас чаша сия»), «За отличие в охране общественного порядка» (по итогам командировки в Чеченскую Республику), «За отличие в воинской службе» I степени (по итогам командировки в Ингушетию) и другими, нагрудными знаками «Участник боевых действий», «За службу на Кавказе», «Знак Почета ветеранов МВД».

У КАЖДОГО – СВОЕ

Рассказ

Над затихающим селом стыл морозный зимний вечер...

Вдруг задремавшая под яркой луной улица ожила, и на ней раздались частые нетерпеливые выкрики: «Пошла-а! Ну же, пошла!».

Молодой мужчина, стоя в санях, безжалостно нахлестывал взмыленную, закусившую блестящие удила караковую лошадь, бешеным скоком несущуюся меж сугробами рыхлого, поутру выпавшего снега.

Рывком натянув задубевшие на холоде вожжи, мужчина еще на ходу, прыжком вымахнул из саней. Подбежав к большому крестовому дому, настойчиво застучал кнутовищем в одиноко светившееся окошко.

Человек за стеклом привык к неожиданным визитам – обязывала профессия врача...

На крыльчке дома, в теплой болоньевой куртке нараспашку, стоял агроном из хутора – человек редкой, почти медвежьей силы. Из-под затертой пыжиковой шапки, искрящейся блестками морозной пыли, выбивались темные пряди мокрых волос; руки в меховых перчатках нервно сгибали упругое вишневое кнутовище.

– Доктор, скорее! – прерывисто выкрикнул поздний гость. – Жена с утра не разродится!

Врач молча скрылся в сенях. И через минуту выбежал на порог дома, хрустнув утоптанном снегом под зимними полусапожками и на ходу застегивая

пальто. В руках держал чемоданчик с намалеванным на его крышке красным крестом в центре белого круга.

– Когда начались схватки? – привычно поинтересовался врач, бережно укладывая чемоданчик на цветное одеяло, подоткнутое поверх умятой, слабо пахнувшей овсяной соломы.

– Утром, часов в восемь еще, – скороговоркой отозвался агроном, торопливо запрыгивая в сани. – Я только на работу ушел...

– А кто с роженицей сейчас? – перебил врач, боком садясь в сани и натягивая на длинные пальцы с аккуратно подстриженными ногтями перчатки козьего дымчатого пуха.

– Кто? Да мать же и... – тут агроном на секунду запнулся было, взмахнув кнутом. – Ну и соседка-повитуха. Акушерка наша в отпуске, к родственникам укатила...

– И что же?

– А то! Чтоб у этой коновалки руки отсохли! Ч-черт... – и агроном, не окончив фразы, зло рассек воздух кнутом. Сапно вздымавшая парующие бока лошадь испуганно дернулась черным крупом и нехотя тронула с места...

До хутора – километров шесть по накатанной санями и машинами проселочной дороге. Понукаемая лошадь мчалась, обидчиво подтянув нижнюю губу и отрывисто выстукивая копытами частый ритм по глухо отзывавшейся мерзлой земле. Крепко придерживая на одеяле свой чемоданчик, врач, сочувствуя агроному, подумал: «При родах солнце не должно заходить дважды! Сутки, не больше суток, иначе... Спешить! Спешить!!!»

Неожиданно в сухом, выжимающем из прищуренных глаз слезу воздухе, перекрывая легкий скрип полозьев на льдистых местах дороги, послышались голоса, кричащие не в лад игривым переборам гармошки. Ближе, четче становились развеселые голоса.

– Эгей! Побереги-ись! – зычно крикнул вперед агроном.

Вот они уже – рукой подать – две разукрашенные, с колокольцами на дугах, тройки.

– Давай, родимые! Еще давай! – деловито и радостно покрикивал на вороных лошадей с вплетенными в гривы разноцветными лентами дюжий возница-бородач передней тройки, одетый в белую дубленку и по-ямщицки подпоясанный брусничным кушаком. Рядом, на этих же санях, нескладно выкрикивали: «Горррько!» хмельные дружки с полотенцами, переброшенными через плечо, а гармонист перебирал перламутровые клавиши трехрядки.

Второй тройкой (коренник – гнедой жеребец и серые в яблоках пристяжные) молодецки правил статный лейтенант в распахнутой ветром парадной шинели. В центре расписных саней жених обнимал обложенную шубами, закутанную пуховым платком невесту с раскрасневшимися щеками; здесь был и ряженный в костюм полногрудой цыганки парень, и кто-то в бурой медвежьей шкуре...

– И-эхх, гуляй, так твою перетак!

– Маэстро, дави на клавиши!

– А ну, пошли, родимые!

Смех. Крики. Цокот копыт. Частые переборы гармошки. Свадьба!..

– Доктора везу! Пропустите! – вновь зычно и резко прокричал агроном.

Но голос его, наполовину заглушаемый голосистой гармошкой и пьяными криками, относил ветер. Агроном крикнул еще, еще, уже почти догнав вторые свадебные сани. На тройках его, наконец, хорошо расслышали, но не поняли. А вернее, не захотели понять.

«Чего надрываешься, дурень? Неужели не знаешь, не понимаешь, что мы – свадьба – просто не можем пропускать вперед никого? Плохая примета: тогда, по поверью, молодым всю жизнь не будет в доме счастья», – возможно, подумалось на тройках тем, кто был потрезвей. А вернее всего, что и нет...

– Бесплезно! – сквозь зубы, по-звериному, прорычал агроном. – А что, если... – и, сплюнув через угол рта, нервно дернул вожжами влево, пытаясь обогнать свадьбу обочь, но запаренная в беге лошадь сразу увязла в глубоком придорожном снегу.

Агроном, чертыхнувшись, круто и трудно вывернул на грунтовку. Врач с тревогой приподнялся и крикнул ему:

– Опоздаем!..

Агроном затравленно молчал, до боли сжимая в руках твердые от мороза вожжи с ременными наконечниками, а в прищуренных от ветра глазах его зарождался невиданной силы гнев.

Со свадебных саней заорали неприличную частушку про обрюхатевшую в девках. И тут агроном, придержав вожжи и наполовину даже сам не осознавая, что же делает, закричал – отчаянно и испуганно, что есть мочи и срываясь на хрип. Он страшно, грязно обругал невесту...

Резко тормознули тройки. Так резко, что парень, одетый в костюм дородной цыганки, и еще кто-то с передних саней кувыркнулись в снег. Захлебнулась на высокой ноте трехрядка, с растянутыми мехами полетела в сани...

Лейтенант пытался остановить разом рванувшихся к агроному парней, но успел лишь сшибить с ног гармониста и тут же упал сам, намертво сцепившись в яростном объятии драки с бородачом-возницей, оравшим лейтенанту: «Уйди!» – вперемешку с руганью; жених грубо волочил за собой плачущую, ухватившуюся за полы его тулупа невесту и тоже через слово матерился; запутавшись в длинной юбке, подвернула ногу «цыганка»; неумело ломал оглоблю из саней трусоватый дружка, а его товарищ первым набегал на агронома; испуганно визжали, съездившись в санях, невестины подружки...

Завернув лошадь, агроном швырнул вожжи врачу, который неловко поймал их. Стеганув напоследок мокрый от пота конский круп, агроном спрыгнул с саней, сжимая в руке кнут.

– Гони!!!

Объезжая по сугробам остановившиеся вдоль дороги свадебные тройки, чуть не сцепившись отводами с передними санями, врач еще успел заметить, как агроном в два движения сдернул с плеч стеснявшую его куртку и с силой, с оттягом, дважды полоснул нападающих кнутом, а дальше все смешалось в один рычащий, бесформенный клубок дерущихся, каждый за свое.

Стиснув зубы, врач хлестнул вожжами тяжело бегущую лошадь, заставляя ее поддать ходу. Совсем рядом мучилась жесточайшей человеческой болью роженица, уповающая на его помощь, истово надеющаяся на нее...

– Но-о! Но-о! – понукал врач лошадь.

Да, умом он сейчас понимал, что при родах солнце не должно заходить дважды, а значит, надо мчаться и мчаться, и только вперед, сквозь ночь, к будущей матери. И как же он ненавидел в душе это понимание...

Вот и замелькали по сторонам дома соседней деревни, за которой уже был виден нужный хутор, и по улице прокатился заливистый собачий брех. Припозднившийся прохожий, остановившись, проводил удивленно-любопытным взглядом мчащиеся сани. Еще минуты две – и лошадь сама остановилась у родного порога.

В прочищенном от снега дворе, у калитки, сосредоточенно дымили отец и младший брат агронома – парень лет восемнадцати, которые тут же поспешили навстречу долгожданному гостю.

– Наконец-то! – обрадованно воскликнул отец, отбрасывая в сторону и окурки, и пустую смятую пачку из-под «Примы». – А почему один?

– Он на дороге со свадьбой дерется, – единым духом выпалил врач и стремительно взбежал на крыльцо...

Отец и брат агронома примчались на место драки, вконец загнав несчастную лошадь, со страхом прижимавшую уши под нещадными ударами вожжей и кнута. К тому времени агроном уже давно не сопротивлялся свалившим его наземь и теперь насмерть забивающим парням, лишь в полутьме сознания инстинктивно прикрывал голову.

Лейтенант отгаскивал озверевших парней от лежащего ничком агронома; невеста, до бровей вывалившаяся в снег, плача, всё цеплялась за жениха; стонал возле саней дружка, получивший первый удар кнутом, бережно прикрывая ладонью поврежденный глаз и ритмично покачиваясь туловищем влево-вправо; держался за свернутую челюсть второй, трусоватый дружка; кое-как поднимался на ноги гармонист, в свалке оглушенный кем-то из своих же; снова мешала «цыганке» юбка, не дающая сильного размаха для удара ногой... Вокруг места драки на снегу и исчерканном каблуками ледяном покрове дороги валялись оторванный рукав грязно-белой дубленки, несколько рукавиц, затоптанная ондатровая шапка.

То один, то другой нападающий прорывались мимо лейтенанта к агроному и пинали его ногами: в живот, в лицо – зло, люто, иной раз с хакающим вскриком мясника, разрубающего тушу.

Брат агронома еще из саней выстрелил в воздух из захваченной тулки-двустволки. От грома выстрела парни разом опаматовались, остановились и молча, с тупым удивлением уперлись взглядами в человека, недвижно лежащего перед ними на испятнанном кровью снегу.

Агроном с помощью отца тяжело, со стоном поднялся и сделал шаг, закусив губу. Потом выхаркнул на истоптанную и продранную до сизого льда дорогу темно-красный сгусток. Еле внятно произнес:

– Не по злобе я, парни. Не по злобе. Ведь жена умирает... Но и вы-то... Э-х-х!

И, слабо оттолкнув отца, со словами: «Я сам», шатаясь от нечеловеческого напряжения сил, медленно побрел к саням.

ШОКОЛАДНЫЙ СИМВОЛ ВОЛИ

Рассказ

Давно дело было... В конце шестидесятых. Я тогда в пятый класс ходил. И очень любил конфеты, особенно шоколадные, с белой начинкой. «Пилот», «Весна», «Озеро Рица». Не скажу, чтобы уж так часто они мне перепадали, а все же почаще, чем старшей на четыре года сестре, Иринке. Сладким обоим больше баловала бабушка Дуся, наш главный воспитатель.

Заканчивалась вторая четверть, и я жил в предвкушении новогоднего праздника и зимних каникул. Во дворе снежинками на иголках серебрилась уже купленная отцом разлапистая ель. Так хотелось поскорее ее украсить...

И вот, наконец, отец принес из сарая крестовину, чуточку подпилит ствол лесной красавицы и установил ее посреди зала. В комнате запахло хвоей. Игрушки развешивали мы с сестрой – разумеется, под контролем бабушки.

О, эти елочные игрушки моего детства! Пузатые будильники, на которых всегда без пяти двенадцать, лубочные избушки с заснеженными крышами, фигурки сказочных зверюшек, переливчатые рыбки, грибы-крепыши... А красная звезда из стекляруса на проволоке чудом сохранилась у меня и поныне. Айболит и старик Хоттабыч. Светофор и матрешка. Труба, скрипка и барабан – все ручной росписи. Космонавт и ракета. Витые сосульки. Аж три кукурузных початка, молодецково поблёскивающих ровными зёрнами. Гирлянды из флажков. И, конечно, жизнерадостные шары всех цветов и размеров. С портретами вождей, с серпом и молотом, с узорами, с отражателем, с серебристой присыпкой, неярко блестящие среди колких мохнатых ветвей – тепло и каждый по-своему, в отличие от сегодняшних пластиковых, оптом и бездушно сработанных на одну колодку... Единственный плюс, да и то сомнительный: не бьются.

Под елку мы установили Снегурочку и Деда Мороза из папье-маше с надрезанным мешком: по малолетству Иринка пыталась найти в нем подарок.

В заключение священнодействия бабушка принесла еще и конфеты «Пилот» – двенадцать штук, я их сразу сосчитал, и мы на нитках подвесили лакомство за хвостики фантиков. Потом бабушка предупредила:

– И чтоб ни-ни! Пусть пока покрасуются, а уж после праздника разделите.

Ничего себе испытание для меня, сладкоежки! Еще и елка рядом с моим диваном: утром глаза открыл – конфеты с веток дразнятся; спать ложишься – опять душевное расстройство. Не испытание – настоящая пытка неокрепшего волею...

Словом, уже через два дня «не вынесла душа поэта»... Ведь половина конфет моя, так? Какая же разница, когда именно их употребить? Ну, не довисели, подумаешь, это-то мы замаскируем.

Первой «жертвой» стал «Пилот» с нижней ветки. Подгадав момент, я вытянул его из фантика и с наслаждением сжевал, а пустую бумажку свернул так, чтобы казалось, будто конфета цела. Лиха беда начало – в тот же день добрался и до второй, а следующим утром – до третьей. Ликвидировав полдюжины «Пилотов», временно остановился: оставшиеся-то уже вроде и не мои...

Однако я быстро пришел к мысли, что сестра почти взрослая и вообще за свою длинную жизнь куда больше меня всяких вкусоностей переела, значит, пора восстанавливать справедливость. И без всяких угрызений опустошил пару очередных фантиков. Потом, даже внутренне не оправдываясь, просто «приговорил» две следующие конфеты. Доел бы и последние, с самого верха елки: семь бед – один ответ. Но тут наступило тридцатое декабря, и на школьном новогоднем празднике мне вручили традиционный подарок.

Я было хотел подстраховаться, завернуть в пустые фантики конфеты из кульки, но... Это почти все шоколадные повибирать? Жа-алко...

Развязка наступила после новогоднего ужина – его нам с Иринкой устраивали в девять вечера, и я на нем сидел, как на елочных иголках... Эх, и быть бы мне битым широким отцовским фронтovým ремнем, на котором папа точил трофейную бритву «Золинген», однако меня отстояла бабушка. Только изъела четыре наиболее интересные конфеты из оставшихся в кулке, присовокупила к ним две несъеденные с елки и вручила кровно обиженной сестре, тоже любительнице сладкого. Мне же попеняла:

– Нет у тебя, друг ситцевый, силы воли ни на грош. А еще мужчина будущий. Срамота! – и отошла, бессильно махнув рукой.

Очень меня те слова пробрали, даром, что мал был. Любым путем доказать захотелось: конфеты – пустяк, а сила воли имеется, и настоящий мужчина – такой, как мой кумир актер Жан Марэ из любимого фильма «Парижские тайны», – из меня обязательно получится.

Пожалуй, то был первый в моей жизни по-взрослому осознанный поступок. В сильно потощавшем кулке-подарке оставалась большая шоколадная медаль в серебряной фольге и с выступающей картинкой: космический корабль, удаляющийся от Земли к звездам. Медаль сберегалась напоследок: вкуснее будет казаться. Взял я ее и с отчаянной решимостью принес бабушке:

– На, возьми, а отдашь на следующий Новый год, тогда и съем. И попробуй только после сказать, что у меня силы воли нет!

– Э-э-э, друг сердешный, так дело не пойдет, – возразила бабушка. – Не велика важность, если я шоколадку под ключ упрячу. А вот ты ее в свой стол положи, чтоб все время под рукой, и потерпи годик. Тогда – герой!

На том и порешили. И еще – что это будет наш секрет.

Намучился я. Особенно спервоначалу. Сядешь уроки учить – а мысль о рядом лежащей сласти все знания отгоняет. Вынешь шоколадку, посмотришь на нее – тьфу, сгинь, искусительница! – и назад, в ящик.

Я уж и серебряную фольгу аккуратно снимал, и шоколад нюхал, и кончиком языка к выпуклому изображению прикладывался. Ах, как хотелось отгрызть ту же «Землю» либо хотя бы ракету слизать... Сейчас-то понятно: сам соль на рану сыпал. Но – кое-как держался. Бабушка же время от времени интересовалась: «Ну что там твоя медаль? Есть еще сила воли, не съел?»

Я несся к столу и предьявлял заначку. И как был тогда горд и счастлив!

Летом сдерживать себя оказалось проще: каникулы, еще и в гости уезжал. Вернулся домой – и сразу к столу: на месте ли шоколад? Да куда ему деться...

А вот в сентябре едва не сорвался. Получил нагоняй от матери за то, что гулял много, по-летнему, а за уроки садился под вечер. И как бы в компенсацию просто загорелось эту распроклятую медаль уничтожить! Спасибо бабушке – вовремя углядела, что с внуком что-то неладное, и о «силе воли» спросила...

Дотерпел-таки я до следующего Нового года! За праздничным столом бабушка открыла домашним нашу тайну и торжественно подвигла меня на поедание шоколадного символа воли. Медаль к тому времени треснула – как раз меж Землей и ракетой, немного посветлела и сильно затвердела. Пришлось ее натурально грызть.

И все равно: это был самый вкусный шоколад, который мне довелось попробовать в жизни...

Михаил ГЕРАНДОКОВ

КОМАНДИР, БОЕЦ И НАСТАВНИК

Очерк

Умар Асланбекович Герандоков детские и юношеские годы провел в своем родном селении Плановское Терского района КБАССР. Он родился в 1917-м – в год Великой Октябрьской Социалистической революции. Революционные события, происходящие в стране, наложили свой отпечаток на его жизнь и взгляды. Борьба большевиков за власть Советов, колхозное строительство, разгром белогвардейцев и ликвидация кулачества как класса и многое другое повлияли на убеждения и выбор жизненного пути. Умар Асланбекович стал убежденным коммунистом, верным ленинцем, сыном партии и своего народа. В автобиографии он пишет: «Семья моя до и после Великой Октябрьской Социалистической революции занималась хлебопашеством и в числе первых вступила в колхоз...».

Умар Асланбекович
Герандоков

После окончания восьми классов средней школы в с. Плановское и подготовительных курсов при Государственном Кабардино-Балкарском пединституте в г. Пятигорске в 1935 году Умар Асланбекович был принят в этот институт на исторический факультет.

Сразу после окончания вуза в 1939 году Герандокова приказом Кабардино-Балкарского педрабфака назначают на должность преподавателя истории. Но через месяц руководство республики направляет его на работу заведующим отделом агитации и пропаганды Кабардино-Балкарского радиокомитета.

Умар Асланбекович в ноябре 1939 года был призван в ряды Советской Армии, накануне Великой Отечественной войны. Военное командование направило его в военное училище, по окончании которого (по специальности «танкист, связист») ему присвоили звание старшего лейтенанта. Боевой путь на фронтах Великой Отечественной войны он начал в 1941 году. В армии был заместителем начальника политотдела, младшим командиром, командиром взвода, роты, заместителем командира батальона по строевой части и, наконец, военным комендантом 4-й части Фрунзенского горвоенкомата. В эти же годы выполнял обязанности секретаря комсомольской организации, парторга роты, лектора политотдела дивизии. В члены ВКП (б) был принят в июле 1942 года парторганизацией 2-го мотострелкового батальона. Был трижды ранен.

Круглосуточно находясь среди бойцов, Умар Асланбекович неустанно готовил их к жестоким битвам с врагом. Подбадривал бойцов, всячески вселял в них уверенность в победе, убедительно доказывал неизбежность провала фашистских планов порабощения наших народов. За такую уверенность в победе бойцы любили общаться с ним. К нему тянулись, делились своими мыслями, приходили за советом, рассказывали о том, что их волнует. И он для каждого находил нужные слова и давал советы. Когда требовали обстоятельства, Умар сражался как рядовой боец, личным примером вдохновляя товарищей на смелые и отважные действия. Однажды, тяжело раненый, Умар не покинул поля боя, пока не потерял сознание, держался на ногах.

Прошло время, раны зажили, и он вернулся в строй, фронт стал подходить к Днепру. Успешно действовала рота, где командиром был Умар Асланбекович. Продвинувшись вперед, бойцы стали закрепляться на завоеванном рубеже. И вдруг срочный приказ из штаба дивизии: «На противоположном берегу Днепра восстановить связь». Оказалось, что связь между плацдармом, откуда разведчики передавали данные о передвижении немецких войск, и штабом дивизии нарушена. Умар четко понял, что медлить нельзя и отправляет своего бойца на возможную смерть, как командир, не решился. Сам, взяв с собой подручные средства по восстановлению связи, а также используя пустую бочку, как плавсредство, переправился на тот берег. За короткое время удалось найти и восстановить нарушенную линию связи и вернуться обратно, используя ту же самую пустую бочку. Командование армии высоко оценило героический подвиг командира роты. За находчивость и проявленный героизм Умар Герандоков был награжден орденом Отечественной войны 2-ой степени.

Невероятная любовь к большой и малой Родине, жгучая ненависть к коварному врагу были источником стойкости, мужества и отваги Умара Герандокова в кровопролитных боях. Он воевал на Западном и 2-м Прибалтийском фронтах. В памяти Умара навсегда остались картины жестоких схваток с противником на берегах Днепра, за Николаев и другие города и населенные пункты.

В одной из жестоких схваток с противником на берегах Днепра Умар Асланбекович со своим батальоном ворвался в многоэтажное здание, где располагался вражеский штаб. Они уничтожили командный состав одного из подразделений врага. Когда бойцы покидали здание, Умар выходил оттуда замыкающим, как командир. И один из недобитых фашистов раздробил ему левое плечо и локоть автоматной очередью. Это было серьезное третье ранение. В медсанбате врачи сделали ему ряд сложных и мучительных операций. Но он держался, как настоящий боец. Даже находил в себе силы успокаивать врачей: «Это не первое ранение. Выживем. Немного осталось немецким фашистам ходить по нашей земле». И на этот раз Родина высоко оценила боевые заслуги У. А. Герандокова, наградив его орденом Красной Звезды.

Раздробленные кости предплечья и левой руки срастались очень медленно. А война подходила к концу. Шел 1945 год. Умар Асланбекович неоднократно просился вернуться в свою воинскую часть. Врачи категорически возражали против его возвращения в строй.

Военное командование, рассмотрев рапорт гвардии старшего лейтенанта Герандокова, неудержимо рвущегося на фронт, в бой, приняло решение удовлетворить просьбу. Умар Асланбекович снова оказался в своем полку, на линии огня.

После всемирно-исторической победы над немецко-фашистскими захватчиками Умар Герандоков был награжден самой дорогой для него медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

В 1945 году командование направляет его как опытного офицера Советской Армии в Киргизию для прохождения дальнейшей службы в должности военного коменданта. Новое назначение означало, что необходимо вместе с руководством республики, засучив рукава, отдать все свои знания, опыт и большие организаторские способности быстрейшему восстановлению народного хозяйства. Будучи на посту военного коменданта г. Фрунзе, он проводит большую работу по совершенствованию государственного аппарата в своем ведомстве из числа офицеров, демобилизованных из рядов Красной Армии. Обладая богатым жизненным опытом, большим организаторским талантом, глубокими

знаниями теории и практики, он оказывает посильную помощь руководству республики по скорейшему восстановлению экономики и жизненного уровня трудящихся Киргизской ССР.

За годы пребывания в г. Фрунзе Умар Асланбекович не раз присутствовал на различных заседаниях руководства республики, где разговор шел о путях и методах развития народного хозяйства, культуры, роста благосостояния трудящихся и, особенно, подъема образования среди всех слоев населения, и здесь он давал советы, высказывал свои соображения по каждому вопросу, оказывая возможную помощь в их выполнении.

За короткий период времени Умар Герандоков организовал вокруг себя значительную часть демобилизованных, героически сражавшихся на полях войны офицеров и солдат Красной Армии, которые, вернувшись домой, начали восстанавливать и развивать народное хозяйство. Огромную работу проводили для укрепления дружбы народов. Для чего среди городского и сельского населения проводились лекции, беседы, встречи за круглым столом и много иных массовых мероприятий. Результаты работы на местах были ощутимы.

Умар работал в г. Фрунзе всего год с небольшим, но за этот короткий срок успел сделать многое, и спустя годы, в 1956 году в г. Нальчик приехала специальная правительственная делегация из Киргизии с подарками и поощрениями Умару Асланбековичу Герандокову. К сожалению, им уже не удалось застать его в живых. Члены делегации выразили свое соболезнование семье, посетили кладбище в г. Нальчике, выразили руководству Кабарды свое доброе, братское отношение к сыну кабардинского народа Умару Асланбековичу Герандокову. В своем выступлении руководитель делегации Киргизской ССР сказал: «Хоть и немного времени он с нами работал, но успел своими боевыми, практическими делами и поведением заслужить всеобщее уважение и любовь всего нашего народа. И мы долго будем помнить и чтить имя этого человека. Он во многом помог сориентироваться руководству республики в восстановлении разрушенного народного хозяйства и культуры. Мы выражаем искреннюю благодарность родителям, кабардинскому народу, его руководству, которые воспитали такого гуманного, честного, с глубокими знаниями и опытом, волевого и справедливого человека. Он был готов в любую минуту помочь каждому человеку, подставить свое плечо. Наш народ и руководство Киргизии имеют большое желание быть в братских отношениях с народом, на земле которого живут такие люди, как Умар Асланбекович – стойкий, хладнокровный, мужественный и добрый, красивый душой и сердцем человек».

Возвращаясь к тем годам, следует отметить: в 1946 году, демобилизовавшись прямо из г. Фрунзе, он вернулся в свою родную Кабарду и сразу же включился в активную работу. В этом же году стал работать заведующим отделом партийной жизни редакции газеты «Къэбэрдей пэж».

В 1948 году по собственному желанию перешел работать в Кабардинский научно-исследовательский институт младшим научным сотрудником, где принимал самое активное участие в деятельности научно-исследовательского института. Под руководством Алима Пшемаховича Кешокова и Аскерби Тахировича Шорганова группа ученых, куда входил и Умар Асланбекович, собирала материалы по адыгскому героическому эпосу. В конце 40-х годов научно-исследовательским институтом истории, филологии и экономики была выпущена монография «Нарты. Адыгский героический эпос» на кабардинском языке, Умар входил в состав редколлегии.

В декабре 1948 года его утверждают лектором Кабардинского обкома ВКП(б), а с декабря 1949 года – заведующим сектором агитации Кабардинского обкома ВКП (б). Это была высокая должность в аппарате руководства республики.

Писатель Петр Шевлоков вспоминал об Умаре Асланбековиче очень тепло. Он говорил, что помощь первым деятелям кабардинской культуры и интеллигенции республики – во многом его заслуга. Как заведующий отделом агитации и пропаганды обкома ВКП (б), он находил, убеждал и направлял учиться одаренных и грамотных юношей и девушек коренной национальности в самые различные города СССР, при этом проявляя личную заботу.

Хотя заведующим данным отделом Умар Асланбекович работал не долго (всего 5 лет), он успел своей работоспособностью и отношением к людям заслужить всеобщее уважение в республике. Он вкладывал все свои силы, знания и опыт, присущие фронтовику, на восстановление разрушенного послевоенного народного хозяйства, постоянно занимался вопросами науки, образования, культуры и искусства республики. Как говорится, он не жил для себя ни одного дня.

Все, что он делал, было во имя людей, республики, Родины. Об этом и о многом другом, хотя я был студентом, мне рассказывали при встрече друзья и сослуживцы Умара Герандокова: А. Н. Ахохов, Х. М. Бербеков, К. Н. Керефов, М. Х. Шекихачев, А. Т. Шортанов, А. Ш. Фокичев, Ф. Т. Арсаева, Б. Е. Кабалоев, А. Х. Хажметова, Б. М. Карданов и многие другие. Все восторженные воспоминания об Умаре сводились к тому, что он был человеком добра, мужества и национальной культуры.

Женился Герандоков на очень красивой девушке – Людмиле Калиметовне Каировой. Прожили они вместе недолго. К сожалению, Умар рано ушел из жизни, давали знать о себе тяжелые фронтовые раны. В 1955 году с большими почестями Умара Асланбековича похоронили в г. Нальчике.

Петр Шевлоков, Лиуан Губжоков, Петр Кажаров и многие другие писатели и поэты вспоминали с горечью и с какой-то гордостью день похорон. Они рассказывали, что ни до, ни после, никогда не видели таких проводов в последний путь человека, как в этот день. Почти все жители города Нальчика вышли на улицу, сотни и сотни людей, приехавших из районов республики, множество гостей из разных мест съехались, чтобы проводить в последний путь Умара Асланбековича. Массовое траурное шествие длилось несколько часов. Люди шли потоком до самого кладбища. Митинги, где выступали с прощальной речью жители города и гости, слышались в разных местах. Так провожали в последний путь с почестями Умара Асланбековича Герандокова.

Людмила Калиметовна подарила Умару двух прекрасных сыновей: Юрия и Виктора. Она одна воспитала детей. Людмила оказалась волевой женщиной. Она очень быстро освоила швейное дело и через малое время уже возглавляла бригаду швейных мастериц в 60 и более человек. До конца жизни она была предана памяти мужа, сыновьям и своему любимому делу. Людмила Калиметовна Герандокова жила во имя детей и рода.

Сыновья Юрий и Виктор прекрасно окончили среднюю школу № 2 г. Нальчика и получили образование в вузах. Однажды при встрече с Т. К. Мальбаховым и М. Х. Шекихачевым Людмила Калиметовна сказала: «Я воспитала двух сыновей, дала соответствующее образование и теперь передаю их в руки республики, Родине и их роду».

С 1971-го по 1973 годы Юрий Умарович отдал свой долг Родине, служил в Советской Армии командиром взвода, службу завершил в звании майора. Три года работал в системе республиканского объединения «Сельхозтехника», с 1975-го по 1995 годы был руководителем Эльбрусского межрайонного производственного объединения «Сельхозтехника». За эти годы предприятие из обычной базы снабжения превратилось в многоотраслевое производственное объединение с передовой технологией и оборудованием, что позволило, наряду со снабженческой деятельностью, освоить производство различных частей для сельскохозяйственных машин, ремонт и обслуживание нелегковых автомашин, восстановление запасных частей и дало возможность стать в ряды самых лучших предприятий в стране.

На базе предприятия неоднократно проводились Всесоюзные и Всероссийские семинары по обмену передовым опытом, работа предприятия многократно отмечалась переходящими красными знаменами Российской Федерации, дипломами и переходящими знаменами КБР.

С 1995 года по настоящее время Юрий Умарович представляет интересы КБР в качестве полномочного представителя в Сибирском Федеральном округе. Жена Юрия Умаровича – Марина Тембулатовна Герандокова (Жигунова) – в течение тридцати лет возглавляет отдел натуралистов и опытников сельского хозяйства Республиканского дворца творчества детей и молодежи. За многолетний добросовестный труд удостоена звания «Отличник народного просвещения РФ», в 2005 году награждена Почетной грамотой КБР.

Юрий Умарович и Марина Тембулатовна воспитали и дали соответствующее высшее образование четверем сыновьям: Мурату, Алиму, Анзору и Умару (самого младшего назвали Умаром в честь любимого дедушки Умара Асланбековича Герандокова). Они сегодня воспитывают пятерых внуков и внучек: Аскера, Аиду, Амину, Амира, Алину и Азамата. Юрий и Марина очень любят своих внуков, и, как говорит Марина Тембулатовна: «Всю нашу жизнь и любовь мы сполна отдаем внукам и внучкам – они наше счастье».

Виктор Умарович длительное время работал в системе Министерства сельского хозяйства КБР, в настоящее время занимается предпринимательской деятельностью. Его супруга – Этери Туземовна Герандокова (Гарханова) – окончила музыкальное училище и более тридцати лет занимается педагогической деятельностью. Виктор и Этери воспитали прекрасных детей: Аслана, Амину, Марину. Все они имеют высшее образование и работают в различных отраслях народного хозяйства. Амина Викторовна подарила своим родителям двух замечательных внуков: Давида, Данияла. Виктор Умарович и Этери Туземовна сегодня отдают всю свою любовь внукам, как они говорят: «Дети – это хорошо, а внуки – прелесть».

Часто Юрий Умарович говорит: «Мои сыновья связали свои судьбы, как на подбор, с образованными, красивыми, воспитанными и умными спутницами жизни. Это Замира Владимировна Шхацева, Марина Мухамедовна Пшихопова, Зухра Хусеевна Шаханова. А Марина Тембулатовна передаёт им свой жизненный опыт семейной жизни, учит их адыгскому этикету, которому свято следуют в семье Герандоковых».

Виктор Умарович и Этери Туземовна в лице своего зятя Ахмата Урусбиевича Асанова приобрели второго сына.

Единство и взаимоуважение, любовь друг к другу членов семьи и является той основой прекрасного, что в данном случае относится к доброй памяти Умара Асланбековича и Людмилы Калиметовны.

ДВОЙНОЙ ЮБИЛЕЙ – ДВОЙНАЯ РАДОСТЬ

Юрий Исрафилович
Мусаев

«В наноразмерном мире все еще слишком много места, чтобы не попытаться туда войти».

Ю. И. Мусаев

На протяжении вот уже пятидесяти лет выпускники химического факультета Кабардино-Балкарского университета в различных уголках нашей республики и по всей стране с теплотой вспоминают увлекательные занятия своего преподавателя Юрия Исрафиловича Мусаева.

Юрий Исрафилович родился в г. Нальчике 13 июля 1941 года в семье госслужащих. В 1959 году, окончив школу № 2, поступил в Московский химико-технологический институт им. Д. И. Менделеева на специальность «Технология электрохимических производств», который окончил в декабре 1964 года. Свою трудовую деятельность Ю. И. Мусаев начал в 1965 году на заводе «Телемеханической аппаратуры». К удивлению заводских старожил, молодой, энергичный парень с первого дня зарекомендовал себя активным и деятельным работником, решившим сразу найти прикладное применение своим институтским знаниям. «Своей настойчивостью он добился приостановления изготовления и закупки оборудования на предприятии по устаревшим техническим проектам. Будучи грамотным специалистом, он самостоятельно занялся проектировкой технологических линий и участков с использованием современного оборудования. Внедрение новых автоматических линий гальванопокрытий проходило под его руководством. За достаточно короткий срок он стал ведущим инженером-технологом, с мнением которого считались и руководство предприятия, и работники гальванического, лакокрасочного и платопечатных цехов», – вспоминает кандидат педагогических наук, доцент кафедры спортивно-педагогических дисциплин КБГУ А. А. Кожемов. Но, несмотря на успешную трудовую деятельность и карьерные перспективы на заводе, в душе молодого ученого не угасала страсть к неразгаданным тайнам так безудержно увлекавшей его науки. И в 1967 году он был приглашен на должность ассистента кафедры органической и биологической химии в КБГУ. После чего он оканчивает аспирантуру, и в 1973 году успешно защищает кандидатскую диссертацию в Московском химико-технологическом институте им. Д. И. Менделеева. С 1975 года является доцентом кафедры органической и биологической химии КБГУ. В 1977–1980 гг. был командирован для преподавательской деятельности в университет г. Аннаба (Алжирская народная республика), где проводил лекционные занятия на французском языке по лично составленным материалам. Был награжден грамотой посольства СССР в АНДР за добросовестную работу. В 1983 году был избран на должность декана химико-биологического факультета КБГУ. В то время факультет объединял 10 различных кафедр, на которых обучение студен-

тов проходило по дневной, вечерней и заочной форме обучения. По итогам года, рейтинг возглавляемого Ю. И. Мусаевым химико-биологического факультета поднялся с 8-го места на второе, после чего – дважды первые позиции среди всех факультетов КБГУ, а по итогам XI пятилетки занял почетное второе место, за что в 1985 году Ю. И. Мусаев был представлен на доске почета КБГУ.

Благодаря большому количеству хоздоговоров на факультете в это же время Юрий Исрафилович добивается практически полного переоснащения, ремонта аудиторных и лекционных помещений, оборудования двух методкабинетов. Было закуплено лабораторное оборудование венгерского производителя. Все это было реализовано за короткие сроки, в течение полугода. Грамотно разработана технологическая схема вытяжной системы, функционирование которой продолжается и по сей день. Вовлечение всего коллектива в активную работу является принципом действий Юрия Исрафиловича. Ему удавалось найти подход абсолютно к каждому сотруднику. В 1985 году под его руководством на факультете произошла структурная перестройка, таким образом, факультет помимо преподавателей химии и биологии стал выпускать инженеров химии и технологии ВМС. В разработке учебных планов для данных инженерных специальностей Юрий Исрафилович принимал непосредственное участие.

С 1997 по 2004 гг. Ю. И. Мусаев трудился в должности заведующего кафедрой органической химии и параллельно занимался собственными научными изысканиями. В апреле 2004 года, после успешной защиты докторской диссертации, он получает степень доктора химических наук. Юрий Исрафилович Мусаев – профессор кафедры органической химии и ВМС, опытный педагог, который в течение уже пятидесяти лет добросовестно трудится на образовательном поприще. В среде коллег и студентов он пользуется безупречным авторитетом и уважением. За долгие годы своей педагогической деятельности Юрий Исрафилович сумел проявить все грани своей неординарной личности, он не только талантливый преподаватель и воспитатель, плодотворно работающий ученый, но и человек творческого склада. Юрий Исрафилович – требовательный, но справедливый педагог, в совершенстве знающий свой предмет. Профессора Мусаева по праву можно считать лучшим специалистом в области органической химии в Кабардино-Балкарском госуниверситете, поскольку в своей работе со студентами он применяет современные методики преподавания химической науки, особое внимание уделяя вопросам формализации, компьютеризации и уплотнению учебной информации по органической химии. Наверное, поэтому наши студенты, поступающие в аспирантуры ведущих учебных заведений Москвы, по знаниям не уступают московским выпускникам.

Ю. И. Мусаев относится к старшему поколению кафедры органической химии и высокомолекулярных соединений, без которого ни в одном коллективе не может быть традиций. Ведь научить молодое поколение работать с самоотдачей возможно, не только владея научными знаниями, опытом работы, но также будучи мудрым и дальновидным. Этого всего у Юрия Исрафиловича хватает сполна. Он полон энергии и сил, беспрестанно расширяет круг научных интересов, проводит плодотворную работу со студентами, магистрами, аспирантами, вовлекая их в научную деятельность и передавая навыки научного эксперимента.

Юрий Исрафилович не только замечательный педагог, но и талантливый ученый. Его научные интересы многогранны и не лишены актуальности на

сегодняшний день. Его научная деятельность направлена на синтез простых полиэфиров, полиариленипирролов на основе новых мономеров, изучение кинетики и механизма протекания реакций, кислотно-основных свойств получаемых полимерных структур, синтез биоцидных мономеров и

полимеров, полимерные нанокомпозиты с глиной и полисахаридами, микрокапсулирование металлических порошков, улучшение качества изделий из ПВХ.

Профессор Мусаев имеет более 160 научных и научно-методических работ, многие из которых опубликованы в российских и зарубежных изданиях. На его счету целый комплекс изобретений, которые подтверждены авторскими свидетельствами, 25 патентами а также свидетельство о регистрации ноу-хау. Под его руководством защищено 8 кандидатских диссертаций, и заняты первые места в конкурсах грантов финансирования проектов молодых ученых «Умник» и «Умник на старт».

Говоря о Юрие Исафиловиче как о глубоко интеллектуальном человеке, талантливом педагоге и ученом, нельзя не констатировать тот факт, что он, помимо всего этого, является прекрасным семьянином, заботливым супругом, отцом и дедушкой. На протяжении всей жизни его сопровождает бессменная муза – замечательная Элеонора Борисовна, в роли друга, соратника, единомышленника, кандидат химических наук, доцент кафедры органической химии и ВМС.

Профессор Ю. И. Мусаев принимает активное участие в российских и международных конференциях, съездах, семинарах и участвует в советах по защите диссертаций. С 2004 года он – член-корреспондент Международной академии наук экологии, безопасности человека и природы по секции «Образование»; с 2009 года – академик Адыгской (Черкесской) Международной академии наук; член совета Д 212 076.09 по защите кандидатских и докторских диссертаций при КБГУ с 2004 года. В 2013 году Ю. И. Мусаеву присуждено звание заслуженного деятеля науки КБР.

Юрий Исафилович – человек, впитавший в себя с молоком матери многовековые кавказские традиции, является достойным примером для подражания. Хочется отметить его трепетное отношение к своей матери (Кешева Гошага Асхадовна 1902–1969 гг.) и отцу (Мусаев Исафил Мугутдинович, 1902–1942 гг., погиб на фронте в годы Великой Отечественной войны), которому он посвятил свою песню «Память».

В год 75-летия и 50-летия педагогической деятельности выражаем свое восхищение и глубокую признательность, желаем профессору Ю. И. Мусаеву дальнейших успехов в работе, преодоления всех трудностей с беспристрастным лидерским благородством, крепкого здоровья и новых научных открытий.

Тамара ЭФЕНДИЕВА,
доктор филологических наук, профессор

ЭЛЬДАР КАЙСЫНОВИЧ КУЛИЕВ – АКТЁР И РЕЖИССЁР

*У всех у нас вначале были речки,
С их берегов мы начинали путь...*

К. Ш. Кулиев, «Речки детства»

Этот очерк опубликован в сборнике научных статей – материалов международной научной конференции, которая прошла 9–12 июня 2011 г. в Назрани. Статья называлась «Эльдар Кулиев: из истории взаимоотношений ингушской и балкарской диаспоры (50–80-е гг. XX в.). // Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа. – Назрань: Ингушский госуниверситет. Институт социальных исследований, 2011. Стр. 476–491. Сейчас эта статья немного дополнена и изменена.

Он родился в Киргизской ССР, во Фрунзе (ныне Бишкек) 31 декабря 1951 года, когда все люди готовятся к встрече новогоднего праздника. Это было время депортации балкарского народа в Среднюю Азию. Офицер Советской Армии, известный по первому сборнику стихов «Здравствуй, утро!» (1940), поэт Кайсын Шуваевич Кулиев, вернувшись с фронта, отыскал свою семью и стал жить среди высланных соотечественников, по-прежнему занимаясь творческой работой, несмотря ни на какие послевоенные трудности. Получив развод от первой супруги Тамары Залихановой, он вторично женился в 1951 году на ингушке (тоже депортированной) Маке Дахкильговой, только что закончившей педагогический институт в г. Фрунзе.

Герихан Гагиев пишет в статье «Памяти великого поэта»: «Кайсын и Мака очень подходили друг другу и по душевной доброте, и по глубокой интеллектуальности, как внутренней, так и внешней. Они составляли как бы единый светильник, несущий людям не только свет, но и тепло. Они оба были в постоянной заботе о других... Мака родила Кайсыну троих сыновей, которые благополучно выросли и стали известными в стране людьми: Эльдар – кинорежиссёром, Алим – актёром, Азамат – художником. В их жилах течёт кровь благородных родителей» (журн. «Жизнь национальностей», № 1–2. 2003. С. 111).

Она много лет была вдохновительницей творческих поисков, навсегда слившейся с лирическими строфами поэта, став для него идеалом красоты:

*И говорил себе, что твоего красивей
На свете я лица не видел никогда,
Что если рядом ты – я проще и счастливей,
Что крылья придаёт твоя мне красота.*

Перевод С. Липкина

Кулиев часто писал о Маке, он посвятил ей многие поэтические строки, в частности, в стихотворении 1955 года «Ты розой и хлебом стала на трудном моём пути...»:

*Ты стала мне розой и хлебом.
Твой тёплый лучистый взгляд
Я славлю под зимним небом,
Когда снежинки летят.*

Перевод Ю. Нейман

С именем Маки у Кулиева связаны самые лучшие воспоминания и надежды. Она стала для Кулиева всем: опорой и моральной поддержкой, другом и любимой женой. «Она, красивая, лучшим образом выражала женскую сторону сущности Кавказа, – писал о Маке Кайсын. – Я смотрел в её глаза, и в них вставал передо мною родной Кавказ. Когда я познакомил её с Борисом Пастернаком, он сказал о Маке: «Это же кавказская фреска!» (1:455). Ей посвящен целый поэтический цикл, захватывающий каждого читателя неподдельной искренностью и глубиной чувств: «Поэт востока женщину любил» (1958), «Славой ангельской ты не увенчана...» (1958), «Живём с тобою, каждый день и час...» (1961), «Снегопад в горах» (1963), «Ты снова поёшь колыбельную песню...» (1963), «Я люблю твои глаза» (1965), «Твоим рукам, дарующим тепло... (1965). В них – целая история человеческой жизни, верной, самоотверженной любви, которая нравственно обогащает человека, обеспечивает торжество светлых и благородных начал. Цикл «Тихие стихи» (1962), состоящий из 36 четверостиший, – тоже о ней. Оглядываясь на пройденный путь и прожитые годы с любимой женщиной, поэт с сожалением и грустью замечает:

*Я жил, я тоже видел на земле
Твои глаза, твоей зари сиянье,
Гляжу на камни гор в осенней мгле,
И слышу я своей зимы дыханье.*

*О, как нежна, тепла твоя ладонь!
И жизни благодарен я навеки
За красоту твою и за огонь
Моих стихов, за горы и за реки!*

Перевод С. Липкина

Когда Кулиев писал эти трогательно-нежные, грустные строки о приближающейся старости, ему было только 45 лет, но он уже чувствовал «своей зимы дыханье» и понимал, что ему «недолго ждать зимнего набега», поэтому и просил жену Маку Дахкильгову: «Коснись теплом ладони головы моей: уже ей близок холод снега».

Кулиев предельно ясно выразил основные мысли «Тихих стихов»: «...Я написал стихи, обращенные к моей жене. Почему же я их назвал «тихими»? Во всяком случае, не потому, что поэзия должна быть «тихой» или «громкой». Она должна быть всякой, как и жизнь. А назвал я эти стихи «тихими» потому, что обращался к женщине. Она была очень красивой и вот начала стареть. Я захотел обратиться к ней с грустными, душевными словами, сказать о своей любви, об уходящей молодости. Разве о таком можно кричать? Здесь нужны слова тихие, как вода в кувшине, как цветы на утренней поляне» (К. Кулиев. Поэзия – жизнь. Литературная газета, 1975, 1 янв.).

Мака была дочерью кадрового офицера русской армии Магомед-Султана Дахкильгова, участника Первой мировой войны, сражавшегося в Дикой дивизии на разных фронтах.

Эльдар Кулиев никогда не видел своих близких родных – дедушку по линии матери Магомед-Султана и по линии отца – Шуву Кулиева, – но знал о них по рассказам и воспоминаниям отца и матери. Любознательный внук узнал, что дедушка Магомед-Султан, будучи пожилым человеком, военным в отставке, в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) пошел по призыву сердца добровольно защищать родину в годы нашествия фашизма и был тяжело ранен в 1943 году под Ленинградом. Скончался он в госпитале в г. Черновцы. Об этом кратко написал К. Кулиев на «Страницах биографии» в своей книге «Так растет и дерево» (М.: «Современник», 1975. С. 455): «...Отец её (Маки) был одним из интереснейших горцев, мужественным и благородным человеком. В Первую мировую войну он был офицером русской армии, служил в Дикой дивизии, в годы Второй мировой войны погиб на Ленинградском фронте... Читая его письма к жене с фронта, я удивлялся его грамотности и силе духа. Магомед-Султан стал для меня настоящим героем. Он был таким подлинным горцем, каких хорошо знал я с детства».

Эльдар не общался, не видел никогда и своего родного деда по линии отца – Шуву Кулиева, смелого горца, прославленного охотника и скотовода. В доме не было его фотографии. Шува, отец Кайсына, умер от тифа, когда сынишке было два года. Поэтому поэт писал: «Отца, конечно, не помню. Я никогда не видел его даже на фотографиях. Их у него не было. Когда мой старший сын Эльдар был маленьким, он меня спрашивал, каким был дедушка. Но я и сам знал его только по рассказам матери и близких. Мальчик просил показать фотографию. Я невольно обманул сына – показал ему портрет осетинского поэта Коста Хетагурова в черкеске и с кинжалом. Мне больше ничего не оставалось» (Там же). А вот как Кайсын Кулиев представлял своего отца в стихотворении «Стихи, сказанные зимним вечером» (1962):

*Портрет отца в черкеске белой на стене,
Он строен и высок, при нём кинжал старинный.
Ему усов уже не покрутить, но мне
Он будто говорит: «Кулиев, будь мужчиной!»*
Перевод С. Липкина

Рос Эльдар, окруженный заботой и любовью матери и отца. Кулиев очень гордился своим первенцем, задумываясь над его судьбой, рисовал радужные картины детства и юношества и не мог знать, какие трагические моменты будут сопровождать его сына. Но в середине пятидесятых годов, когда Кайсыну Кулиеву было 38 лет, верилось в хорошее, в добрые начала жизни. Он написал стихотворение «Сыну», датированное 1955 годом, посвятив его сыну Эльдару. Как и все отцы, Кулиев возлагал на сына большие надежды, поэтому писал, будучи уверенным, что сын «достигнет не взятой поэтом высоты»:

*В тот день, когда я кончу
Свой путь, я знаю, ты его продолжишь,
Достигнешь мной не взятой высоты,
Да, ты дойдешь. И оттого я храбрый...*
Перевод Н. Коржавина

Это стихотворение, обращенное к сыну Эльдару, перевела и поэссса Юлия Нейман, смысл его остаётся тот же:

*Пусть себе ворчат у изголовья –
Хвори. Старость!.. Глупым не понять,
Что мои надежды и здоровье –
Все в тебе умножатся опять,
Сын мой!..
Верю, что удастся сыну,
Если упаду я, может быть, –
За меня взобраться на вершину,
Довершить, что я не смог свершить.*
Перевод Ю. Нейман

Более подробно о Кайсыне Кулиеве и его сыне Эльдаре можно узнать из книги «Кайсын Шуваевич Кулиев: биография поэта», часть первая: 1917–1959. Авторы Т. Е. Эфендиева, С. И. Эфендиев (Нальчик: Эльбрус, 1997. С. 147–227. Годы жизни в Киргизии. Встреча с родной землей).

Кайсын Кулиев с сыновьями

Когда Эльдару исполнилось четыре года, он выехал с родителями из Фрунзе на свою историческую родину. Это было время массового возвращения балкарцев в родные края: с них сняли клеймо «спецпереселенцев». Вот как об этом радостном времени пишет сам поэт в книге «Так растет и дерево» (М., 1975): «...В начале июля 1956 года я выехал из Москвы на свою родину, которую не видел

одинадцать лет. Поезд подходил к Нальчику. Перед нашими глазами возникли балкарские горы. Я снова встретился с вечной мощью хребтов Кавказа. Говорил пятилетнему Эльдару:

– Смотри сынок, Балкария в облаках! Вот она, наша родная земля, земля отцов!

А у самого щеки были мокры от слёз. На второй день мы поехали в Чегемское ущелье. Молчали скалы. Молчал и я. Мы без слов понимали друг друга. Я без слов благодарил справедливость и разум».

Как и все дети его возраста, Эльдар ходил в детский садик, а потом пошел в первый класс средней школы № 2 г. Нальчика. Из всех школьных предметов ему больше всего нравились уроки литературы и истории. Он много

читал художественную литературу, любил, как и отец, поэзию А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева.

Кулиев заботился об общем развитии своего первенца, особенно способствовал пробуждению в нем интереса к классической русской литературе. С этой целью Кулиев часто возил с собой сына по лермонтовским местам Кавказских Минеральных Вод: в Кисловодск, Железноводск, Пятигорск.

Дочь Жанна, вспоминая свои годы и влияние отца на всех, кто был постоянно рядом с ним, писала в статье «*Меня к истокам возвращает память...*»: «*Моим братьям – Эльдару, Алим и Азамату – было легче, они росли рядом с отцом... За всю жизнь отец не ударил ни одного из нас, своих детей. Ни я, ни Эльдар, ни Алим, ни Азамат не можем такого припомнить. Папа даже наказать нас строго не мог. Мне вспоминается, как маленький Азамат с игрушечным луком в руках (он сам его смастерил) стоит рядом с нами на очень опасном перекрестке. Папа держит его за руку, и вдруг Азамат вырывается и прямо перед машинами, под скрежет тормозов, бежит через дорогу. Мы с папой застыли от ужаса. А Азамат уже стоит на другом конце улицы и улыбается. Отец бросается к нему. Ну, думаю, сейчас он ему задаст, а папа выхватывает у Азамата лук и устрашающе (как ему кажется) грозит сыну. Вот и всё наказание» (Личный архив Ж. К. Кулиевой).*

Эльдар и Алим были всегда под неусыпным вниманием отца: он брал их с собой даже в Москву, когда ездил по делам в правление Союза писателей, в издательство ССП, в литфонд СССР или как депутат. При этом он успевал навещать своих московских друзей – поэтов, переводчиков: Дм. Кедрина, К. Сиимонова, Б. Пастернака, И. Л. Сельвинского, В. Ц. Гоффеншефера, Н. Гребнева и др. Чаще всего Кайсын Кулиев был с Эльдаром и Алимом у Николая Тихонова на ул. М. Горького, д. № 1, где в последние годы жил и умер известный советский поэт. Кулиев с гордостью представлял всем членам семьи своих сыновей, начиная от поэта Николая Тихонова, его жены Марии Константиновны до домоуправительницы Александры Михайловны Роликовой и Юрия Александровича Арапова, родственника жены Тихонова. Они постоянно жили в этом доме, фотографировались на память с гостями и даже принимали участие в застольях и беседах друзей.

Получив аттестат зрелости после окончания средней школы № 2 г. Нальчика, Эльдар без особых раздумий и затруднений поступил учиться на режиссёрский факультет ВГИКА г. Москвы, который окончил в 1972 году. Возможно, на решение учиться именно в этом вузе сыграло то обстоятельство, что и его отец в 1935 году стал студентом Государственного театрального института им. А. В. Луначарского. Учёба в ГИТИСе будущему поэту дала многое, он считал ее большой удачей для себя и, естественно, не возражал против учебы сына в столице и именно в этом вузе. Он сам окончил Московский государственный институт театрального искусства и одновременно посещал вечерний Литературный институт имени М. Горького. Учеба в ГИТИСе нравилась будущему поэту, она дала ему возможность ознакомиться с такими областями искусства, как живопись, музыка, не говоря уже о театральном искусстве. И вот теперь в этом институте учиться его старший сын Эльдар. Поэт, вспоминая трудные годы Великой Отечественной войны, участником которой он был, и сравнивая

мирные дни 60-х годов, писал в стихотворении «Зелёный лист» (1965), обращенном к Эльдару:

*Не раз в войну глотал я горький дым боёв,
Как, в листьях, воду родника. Родник был чист...
Я так люблю деревья улиц и лесов
Зелёный лист – платана лист, каштана лист.*

Перевод Д. Долинского

Как участник Великой Отечественной войны, неоднократно награжденный за мужество орденами и медалями, Кайсын Кулиев отмечал 9 мая – день всенародного торжества – Праздник Победы, потому что этот день стал переломным в истории не только нашей страны, но и Европы в целом. День этот считался нерабочим по Указу Президиума Верховного Совета СССР.

Поэт часто брал с собой на парады, посвященные годовщинам Великой Победы, своего старшего сына Эльдара, а потом и Алима. Их он знакомил со своими друзьями, с гордостью представляя своих сыновей.

Эльдар и Алим знали и его друзей из Чечено-Ингушетии, с которыми он разделил судьбу изгнанника, представителей ингушской интеллигенции. Об этом вспоминает Гирихан Гагиев: «Во Фрунзе Кайсын Кулиев по воле судьбы оказался в одной квартире с Джамалдином Яндиевым, Гази Даурбековым, Ахмедом Хамхоевым и племянником Ахмеда – Борисом (ныне солист ингушской филармонии)». Факт истории взят из журнала «Жизнь национальностей». Ингушетия. 2003, № 1–2. С. 111.

К своему другу Джамалдину Яндиеву Кулиев обратился в 1950 году с лирическим посланием «Не плачь и постарайся, друг...» – со словами моральной поддержки – духовно выстоять и достойно перенести жизнь на чужбине. До возвращения на родину оставались еще долгих шесть лет. Поэт Джамалдин прекрасно понимал, о чём идёт речь «Чернее быть не может дня, потери больше...»:

*Не плачь и постарайся, друг,
Спокойным быть, как облака,
Что в небе плавают вокруг,
Кого не бьёт беды рука.*

*Чернее быть не может дня,
Потери – больше. Ты не прав:
Будь мудр – кто потерял коня,
Не плачет, плётку потеряв!*

Перевод Н. Тихонова

С тех пор, когда Кулиев написал эти строки, обращенные к Джамалдину Яндиеву, пролетели годы. Его старший сын стал учиться в Москве, а Кайсыну было только тридцать три года, и впереди была долгая жизнь, наполненная творчеством.

Кулиев радовался первым успехам сына в столичном вузе, потому что считал, что театр – это окно в огромный духовный мир людей, что художественная литература и театр взаимосвязаны. Для него успешная учеба сыновей в школе или в вузе была главной заботой его жизни. Он знал, как они учатся, кем хотят

быть, и не стеснял их своими советами и нравочениями. Поэт постоянно думал о них, когда был дома или в отъезде. Так, находясь на длительном лечении в Москве, в декабре 1971 г. и январе 1972 г., он писал дочери Жанне в Нальчик в одном из писем от 29 января 1972 г.: «...Эльдар сегодня – 28 января – должен сдать последний экзамен, остальные сдал на «5» и «4». Обнимаю тебя. Храни тебя бог!» (2: 240)

Обследование в московской клинике прошло успешно: врачи обнаружили небольшое уплотнение – опухоль, но оперировать не стали, так как она не была злокачественной. Врачи на консилиуме решили, что она может рассосаться от приёма лекарства. Об этом и сообщили поэту. Он ликовав и своей радостью поделился с дочерью Жанной. Измученный ожиданием результатов, он писал ей: «...Дамоклов меч, висевший надо мной полтора месяца, снят! У меня не оказалось того страшного, непоправимого никем, что подозревали! Это такое счастье, что теперь мне даже трудно осознать это! Господи, как хорошо. Бедный Эльдар тоже разрыдался, когда стали известны результаты обследования. Он ведь всё знал! От тебя скрывали, чтобы преждевременно не мучить тебя» (из личного архива Ж. Кулиевой, дочери поэта).

По совету академика Лопаткина Кулиев едет домой и принимает назначенные лекарства, но через 12 лет, в конце 1984 г., в Ростове-на-Дону, в одной из больниц у К. Ш. Кулиева обнаружили злокачественную опухоль, аденому, и установили самое страшное: уже поражена печень и началась анемия крови... Спасти поэта не удалось. Он умер 4 июня 1985 г. в Чегеме-1. 6 июня похоронили во дворе усадьбы, где он жил (по его завещанию).

Но вернемся к семидесятым годам. Поэт был озабочен судьбой Эльдара и его учебой в Москве, он был уверен, что у его старшего сына на жизненном пути всё будет хорошо и ему всегда будет способствовать удача. Кайсын был уверен, что его сын – будущий мастер в области театрального искусства.

Эльдар был, несомненно, талантлив, и, по мнению поэта, был удачливым и легко овладевал профессиональным мастерством режиссёра и актёра. Но дальнейшая творческая и личная судьба Эльдара сложилась драматически. Об этом пишет в своих воспоминаниях его родной брат Алим Кулиев: «По поводу Эльдара я испытываю сильную боль. Он из нас самый одаренный. Мог бы сделать очень много, но болезнь, спровоцированная аварией, не позволила ему этого» («Газета Юга», 7 апреля 2011).

Удачей было, по мнению поэта, и знакомство Эльдара с поэтессой Беллой Ахмадулиной. Их познакомил отец, и молодые люди с первого взгляда полюбили друг друга, несмотря на разницу в возрасте. Все знали, что поэтесса намного старше Эльдара, и поздравляли Кайсына с «молодой» невесткой (кто в шутку, а кто всерьёз). Кулиев отвечал с юмором, что любви все возрасты покорны, и добавлял, что для младшего Азаматки он приберег в невесты Маргариту Шагинян, которой в это время было за семьдесят.

Эльдар и Белла Ахмадулина поженились с благословения родителей, справили скромную свадьбу и были счастливы. В июле 1972 года после окончания учёбы в институте Эльдар и Белла поехали отдыхать в Крым. Об этом и сообщал в своём письме от 7 августа 1972 г. Кайсын Кулиев дочери, Жанне Кулиевой, когда он отдыхал на Рижском взморье, в Дубулты: «...Мы с Макой 3 августа прилетели из Москвы в Ригу. Живём в Дубултах у моря, в сосновом лесу. Прохладно, условия хорошие. Я хорошо работаю...

31 июля дети с Эльдаром и Беллой поехали в Крым» (личный архив Ж. К. Кулиевой).

Первое время их сближало взаимопонимание, горячая любовь и ребёнок, который вскоре родился – девочка, и дали ей имя Лиза (по настоянию матери). Но вскоре брак распался, о чем Кайсын очень сожалел. Он так искренне любил свою вторую внучку. Первая была Лейла от дочери Жанны Кайсыновны, которая вспоминает: «Мою дочь папа нежно любил, отовсюду привозил ей подарки, дарил книги. Но самым дорогим подарком стало написанное ей стихотворение «Колыбельная Лейле».

Не менее К. Ш. Кулиев был привязан ко второй внучке, к Лизе. И для поэта было счастьем видеть её, гулять с ней. Жанна Кулиева пишет: «Отец очень любил и баловал и других своих внуков: сына Эльдара – Ильяса, Лизочку – дочь Эльдара и Беллы Ахмадулиной» (из архива Ж. Кулиевой).

Брак Эльдара и Беллы Ахмадулиной был недолгим. Они расстались, скоропостижно оформив развод, даже не попытались наладить дружеские взаимоотношения.

Это было начало несчастий, которые преследовали Эльдара всю жизнь. Причин для развода было много: субъективного и объективного характера. Трудно судить их личные поступки в отношениях друг к другу и винить кого-то в сложившихся обстоятельствах. Оба они были людьми яркого общественного темперамента, высокой гражданской сознательности, большой внутренней культуры, истинными мастерами своего дела. Интересно в этом плане знать мнение младшего брата Алима Кулиева, который писал о Белле, когда ему было чуть больше пятидесяти и он жил в Америке. Он всегда любил стихи Беллы Ахмадулиной, вернее, то, что она пыталась в них выразить: своё миропонимание, свое отношение к жизни, к современной эпохе и времени, в котором она жила, восстаивая против социальной несправедливости, против диктата советской идеологии. В своих стихах она призывала к гуманизму и человечности. Вот как об этом пишет Алим Кулиев в одном из интервью с известным московским журналистом Ириной Юдиной: «... Всё это очень хорошо понимала и чувствовала Белла Ахмадулина. И реагировала на эти вещи очень остро, бунтовала. Из-за своей чрезвычайной интеллигентности, тонкости, душевности она много страдала. И я очень сожалею, что они с Эльдаром расстались. Я был мальчишкой – мне 14 было, но и тогда я мог осознать, что она была потрясающим человеком» («Газета Юга», 7 апреля, 2011).

Свою единственную родную племянницу Лизу Алим Кулиев искренне любит, следит за её судьбой, встречается с ней, когда он бывает в Москве. В беседах с ней расспрашивает о многом: чем она интересуется, каковы планы на будущее, с кем дружит, кто её опекает, в чём нуждается – в материальном или духовном? Он пишет: «Что касается дочери Эльдара и Беллы Ахмадулиной – Лизы – мы её очень любим. Был период, когда она потерялась из виду, но лет пять назад с нами связалась, и теперь мы постоянно общаемся. Мы очень хорошо понимаем друг друга...» (там же).

Получив развод от первой жены, Эльдар женился вторично, на москвичке Ольге Борисовне. У них родился сын, которого Эльдар назвал Ильясом, а жена

звала его Ильей. Она так и говорила: «Пусть для балкарцев он будет Ильясом, а для меня – Ильей».

Эльдар любил и глубоко уважал отца и всегда навещал его там, где поэт обретал ночлег: обычно в гостинице «Москва», в которой любил останавливаться Кайсын, или в столичных больницах, иногда огорчая или радуя его своим появлением. Так, в декабре 1971 года, когда Кулиев заболел и лег в больницу, в которой ему собирались сделать полное обследование (оно длилось полтора месяца), Эльдар пришел навестить отца. Об этом мы узнаем из письма К. Ш. Кулиева к дочери Жанне, жившей постоянно в Нальчике, от 30 декабря 1971 г.: «...Вот видишь, нигде не лежал я, а теперь неожиданно слег. Было худо. Теперь хорошо. Гроза прошла, уже разрешают вставать. Больница очень хорошая, прекрасные условия, отношения ко мне – тоже. Сделают мне полное обследование. Не беспокойся. Всё будет хорошо. Все здесь заботятся обо мне. Пускают только Эльдара.

Когда выпишут меня – не знаю, врачи сами тоже пока не ведают. Будем надеяться, что всё кончится хорошо. Давление уже становится нормальным. Эльдар тоже здоров более или менее» (личный архив Ж. Кулиевой).

К. Ш. Кулиев заботился о здоровье Эльдара, но мало думал о своем, и врачи не заметили, как доброкачественная опухоль через двенадцать лет превратилась в злокачественную. В 1985 году поэта спасти не удалось. По совету Е. И. Чазова Кулиев и Элизат покинули Москву и клинику, в которой поэт лечился. Его пришли проводить сыновья Эльдар и Алим. 4 апреля на санитарной машине отвезли в аэропорт. Ходить поэт уже не мог, до санитарной машины его несли на носилках. Вот как об этом печальном факте вспоминает Элизат Кулиева: «...Сыновья Эльдар и Алим помогли поднять отца в аэробус. Они были взволнованы, у Алима дрожали руки. В самолете Кайсын держался молодцом. Нас встретили в Минводах. Людей было много...» (личный архив Э. Кулиевой).

Несмотря на цепкий, практический ум, природный художественный дар, унаследованный от отца, Эльдар Кулиев с самого начала своей творческой карьеры совершал много ошибок, не оправдал доверия и надежд отца – быть целеустремленным, скромным (не самонадеянным) и полагаться только на свои силы, на себя, а не предаваться иллюзиям и грёзам, что кто-то обязан постоянно помогать ему и делать за него дела, спешные и не очень. Об этом поэт часто говорил Эльдару: «На моих друзей не возлагай свои заботы и творческие планы. Дружеские связи хороши, но и они дают сбой». Так, однажды, уступая просьбе Эльдара, К. Ш. Кулиев написал письмо своему другу, профессору Ереванского государственного университета Левону Мкртчяну. В нём он просил помочь молодому сыну в создании дипломной работы, которую выполняют все выпускники театральных вузов, институтов искусств. Об этом и вспоминает Левон в своей книге «Без тебя, Кайсын, и вместе с тобой» (Ереван: «Наири», 1997): «...12 сентября 1974 года прилетел в Ереван с письмом от Кайсына Кулиева Эльдар, сын Кайсына, муж Беллы Ахмадулиной. Хочет на «Арменфильме» снять свой дипломный спектакль о Кязиме Мечиеве. Ходил с Эльдаром к Геворгу Айряну, председателю Госкино Армении. Айрян удивился моей просьбе. Сказал, что я могу не знать, но Эльдар-то знает, что нельзя по знакомству снять игровой фильм. Во-первых, надо пробить через Москву, а во-вторых, это стоит колоссальных денег..

– Эльдар, ты должен серьёзно работать, так ведь пропадешь, – говорю я.

– Знаете, что меня спасёт? – спрашивает Эльдар то ли в шутку, то ли всерьёз (скорее, наверное, в шутку) и говорит: «Трудолюбие!» (стр. 41).

Трудолюбие – бесценный дар в любом деле, а лень – мать всех пороков. Так гласит народная мудрость. Но Эльдар в молодости не понимал и не осознал этих простых истин. Он слишком надеялся на отца, что он должен ему бесконечно помогать во всех его делах и начинаниях... С годами К. Ш. Кулиев начинает понимать, что дети в большинстве своём неблагодарны по отношению к родителям, и у него не хватит физических и моральных сил оберегать постоянно их покой и благосостояние.

Сейчас Эльдар, старший сын прославленного балкарского поэта Кайсына Кулиева и ингушки Маки Дахкильговой, живет в Москве. О нём заботится его сын Ильяс и жена Ольга Борисовна. В последние годы он тяжело болеет: сказались последствия автокатастрофы, очень болят ноги: он не может ходить, и речь плохо восстанавливается. Через год, то есть в 2012, Эльдару исполнится 61 год, его постоянно одолевают болезни, лечение обходится дорого. Помогать некому. Родные братья далеко: известный художник Азамат Кулиев (самый младший) постоянно живет с семьёй в Турции, а 51-летний Алим Кулиев последние 20 лет – в Америке, в Лос-Анджелесе, куда он уехал в 1991 году и возвращаться в Россию не собирается. Вот, что он говорит по этому поводу: «Я считаю, что человек должен иметь право говорить всё, что он хочет, и выражать, что хочет. В России это невозможно. Еще одна вещь. Я очень тяжело переношу хамство и вранье. В той стране на этом построена вся система. Всё основано на воровстве. Я хочу жить комфортабельно, но воровать не умею. Я так восхищаюсь своим отцом потому, что он мог жить в той стране и придерживаться своих принципов. А я – не он» («Газета Юга», 2011, 7 апреля).

Эльдар Кайсынович Кулиев, безусловно, хороший сценарист. Он является автором киносценария «Раненые камни». Он известен и как прозаик. Публиковался в коллективном сборнике «Здравствуй, незнакомый!» (Нальчик, 2009) и периодической печати.

В 2011 году в издательстве «Эльбрус» (Нальчик) была опубликована его повесть «Прощальный взгляд»: где дана жизнь в Средней Азии глазами мальчика. Эта повесть опубликована в сборнике: А. Т. Кульбаев, «Непридуманная повесть» / А. Т. Кульбаев. «Прощальный взгляд»: Повесть / Э. К. Кулиев. «Израиль в ад и обратно»: Роман / Т. Б. Коджокова. (Нальчик: Эльбрус, 2011). Эти произведения объединяет тема депортации балкарцев в 1944 году.

Библиографический список

1. *Кулиев К. Ш.* Так растёт и дерево. М., 1975.
2. *Кулиев К. Ш.* Мир и радость вам, живущие... Стихотворения, проза, письма, воспоминания. М., 2007.
3. *Кулиев К. Ш.* Собр. соч. в трёх т. Том второй. Стихотворения и поэмы. М.: Художественная литература, 1977. Стр. 192. Стихотворение «Речки детства».

ГЛЯДЯ НА МИР, НЕЛЬЗЯ НЕ УДИВЛЯТЬСЯ

Очерк

Высшая мудрость состоит в том, чтобы знать всему истинную цену. Смело утверждать, что к числу обладателей такой высшей мудрости относится и сегодняшний юбиляр – поэт, человек чести и мужества Анатолий Мукожев.

Нельзя измерить глубину и красоту души человека, но о нём можно рассказать. В то же время вся сложность в том, что он – неординарная личность с очень строгими правилами жизни.

Анатолий Мукожев – на удивление оригинальный человек, наделённый третьим духовным оком, видящим в природе то, чего обычно не видят глаза, и внутренним слухом, различающим в шёпоте дней и ночей и неумолимом беге времени то, что обычно не улавливают уши.

Анатолий Мукожев

Наша с ним преданная и чистая дружба началась в пору далёкого детства. Мы вместе пошли в первый класс и окончили десятилетку в родном Аушигере. Его мать, Куля Муратовна, была нашей первой учительницей. Вместе ездили в райцентр, п. Кашхатау, в редакцию районной газеты «Колхозная жизнь», где известный журналист Хадис Мечиев организовал в то время литературный кружок для начинающих поэтов и прозаиков с символичным названием «Родник». В 9-м классе в «районке» были опубликованы первые стихи А. Мукожева. Я никогда не забуду тот майский день. Мы с Анатолием сбежали с урока математики в поисках номера «Колхозной жизни» с первым стихотворением моего друга. С большим трудом нашли два экземпляра, похвастались всей школой и округе. Когда вернулись в класс, строгая математичка Жануас Амировна Черкесова решила было выставить нас за дверь, но когда узнала о причине прогула, похвалила за стихи и простила нам «побег».

С тех пор утекло много воды. Сегодня Анатолий Мукожев – признанный поэт. Из-под его пера вышло множество сборников стихов, среди которых «Очаг», «Далёкий город», «Старый мир», «Наследие», «Марина» и «Эпоха». На днях он подарил мне с автографом новый однотомник, в который вошли его лучшие стихи, а также поэма-элегия «Моя бесконечная песня, моя бесконечная печаль», посвященная безвременно ушедшей из жизни супруге Марине.

Поэзия А. Мукожева – это чувство, которое страстно стремится в неизвестную даль и делает её близкой и узнаваемой, идея, беседующая с таинственным, непостижимым, превращая его в нечто явное и понятное. А. Мукожев – как человек и гражданин – явление уникальное. В нём, как в поэте, не стоит искать «сахар» и «соль», ужас жизни со слепой верой в удачу. В нём следует искать поэтическую правду бытия, колдовское очарование неподслащенной красоты неповторимого камертона каждодневной суеты по имени «Её Величество Жизнь». Его поэзия соткана из реальности при благословенной

помощи искренности и волшебства слов. В то же время чувственность Анатолия Мукожева, его ранимая нежная душа, открытая страстность чрезвычайно далеки от растроганно-женственной романтичности, энергия мужественной силы присутствует в его поэзии везде. Известно, что сердце таких людей, как Анатолий, испытывает воистину «космические» эмоциональные, нравственные перегрузки. На совесть его ложатся тревоги, заботы о своей Отчизне, людские слёзы и печаль, светлые и радостные мгновения счастья человеческого. Это пророческий духовный подвиг, наполненный бескорыстной любовью ко всему доброму, нежному и светлому.

Мир человека и мир природы в поэзии моего друга и брата едины и неделимы. Отсюда половодье чувств и мудрость мысли, естественная их слитность в образной плоти стиха; отсюда прозрение, нравственная высота и чистота мукожевской философской лирики. В своих стихах он призывает остановиться хотя бы на мгновенье, отбросить повседневную суету, посмотреть на окружающий мир земной красоты, послушать шелест листвы, песнь ветра, голос бурной горной реки Черек, посмотреть на утреннюю зарю, возвещающую о рождении нового дня, на ночное звёздное небо загадочной красоты...

Время, как правило, накладывает свой отпечаток на мысли, чувства, образ действий. Важно, каким бы противоречивым, а порой трагическим ни было то время, памятью о вечном его движении, с надеждой, верой и чистыми помыслами видеть день завтрашний. Наше с Анатолием Хабаловичем поколение пережило времена режима коммунистов, перестроечного периода, начало демократических реформ и эпоху новейшей истории России. И, на удивление, при всех формациях поэт сумел сохранить хладнокровие, порядочность и нравственно-этическую незыблемость в жизни и поэзии. Главным его жизненным и личностным капиталом была и остаётся чистота души, возможность заглянуть правде в глаза, оставаться совестливым, порядочным и мужественным человеком и гражданином. А. Мукожев ни в какие времена не писал хвалебных од в угоду власти, существующему режиму, не пел дифирамбов чиновникам. Поэтому сегодня у него и нет больших регалий, громких титулов, хотя их он давно заслужил по праву. Зато у него есть самое главное и бесценное для поэта – признание благодарных читателей, которые являются для него самыми строгими и признательными судьями вместе со временем и судьбой. И это дорогого стоит. Его стихи посвящены природе, матери, сестре, дочкам Залиночке и Ляночке, и, как было упомянуто выше, рано ушедшей из жизни супруге Марине, красоте и неповторимости родного края и великой России, вечным ценностям жизни и бытия.

Прожив шесть десятков лет, Анатолий Мукожев и сегодня не изменяет собственному золотому правилу: никогда так не нужна поэзия, как в те времена, когда вследствие господства себялюбия и расчёта количество материальных благ растёт быстрее, чем способность освоить их по зову души. Главный редактор журнала «Ошхамахо» Анатолий Мукожев продолжает трудиться во имя сохранения и развития истории своего народа, его языка, культуры и традиций.

– Ничего на этом свете не добывается с таким трудом, как истина и гармония чести и совести, – утверждает А. Мукожев. – Лично для меня искренность – мать правды и вывеска честного и одержимого человека. И счастлив тем, что с высоты прожитых лет могу сказать, что живу для людей, помогая голове руками. И не изменяю своему золотому правилу: глядя на мир, нельзя не удивляться...

МИСТЕР ИКС СНИМАЕТ МАСКУ*Очерк*

Наверное, заслуженный артист Российской Федерации, солист-вокалист Кабардино-Балкарского музыкального театра Албек Хупсергенов (лирико-драматический баритон, диапазон – 2,5 октавы, что немало) был обречен стать творческим человеком, хотя об этом он никогда не задумывался всерьез.

Отец Хамидби работал на туфовом карьере в Заюково директором, а в свободное время любил писать стихи. Многие из них звучали и звучат на местном радио, есть песни, написанные на его слова. Кстати, песни Хупсергенова-старшего есть и в репертуаре популярного кабардинского певца, народного артиста КБР Черима Нахушева. Мама, школьная учительница математики и кабардинского языка, залихватски играла на балалайке, и под её музыкальное сопровождение Албек со своими тремя братьями от души выплясывал на лужайке сада кабардинские танцы.

Позже, учась в баксанской школе-интернате, он с головой окунётся в самостоятельное творчество и спорт. С большим удовольствием Албек играл на корнете в духовом оркестре, также на аккордеоне, фортепиано, балалайке, гармонике и гитаре, пел в хоре. И сейчас он, при желании, садится за любимые инструменты. Пожалуй, самым главным увлечением Хупсергенова стали легкая атлетика и футбол. Будучи старшеклассником, Албек без всяких скидок на юношеский возраст, наравне со взрослыми, играл два года за баксанский футбольный клуб «Автомобилист», был вторым нападающим. Позже, заметив способного парня, его пригласили в юношескую сборную команду республики.

С улыбкой Хупсергенов вспоминает случай, в корне изменивший его судьбу. В команде противника из Сызрани был защитник – здоровенный рыжеволосый детина, который, как только начиналась игра, оказывался около Албека, мешая ему принимать мяч. Хупсергенов долго думал, что бы ему предпринять и при этом избежать наказания судьи. И, наконец, придумал. В современном футболе уругвайский нападающий Луис Суарес прославился и своим профессионализмом, и скандально – тем, что в разное время покусал двоих защитников. До этого Албек не опустился, но всё же поступил оригинально и неожиданно для всех, кто присутствовал на матче. Когда в очередной раз они оказались друг напротив друга, Албек закричал что есть мочи. От неожиданности верзила упал, а Хупсергенов в этот момент перехватил мяч и повел к воротам противника. Многие из болельщиков и тренеры засмеялись. После окончания игры тренер сборной Александр Апшев с лукавинкой в глазах заметил: «Тебе нужно не только в футбол играть, но и в театре работать». В этот момент Хупсергенов про себя подумал: «Это идея! Почему бы и нет?» (Пение, как известно, и есть высокоорганизованный крик.)

И Албек отправился на прослушивание в Нальчикское музыкальное училище вместе со своим дядей, радиожурналистом Хамидом Дикиновым. Тот договорился с одним из первых кабардинских оперных певцов, выпускником

Албек Хупсергенов

Ленинградской консерватории Владимиром Кодзоковым, преподававшим вокал в музучилище. Хупсергенов вспоминает: «Я исполнил под собственный аккомпанемент на гитаре старинную народную кабардинскую песню «Сэрмахуэ». Владимир Касимович, выдержав паузу, сказал с улыбкой: «У тебя есть уникальные природные данные. Ты должен учиться у нас». После прослушивания он пригласил в класс директора Мусу Хабаловича Хасанова и своих коллег-преподавателей. Я сел за фортепиано и, опять-таки под собственный аккомпанемент, спел несколько современных кабардинских песен. И меня практически без экзаменов приняли в музыкальное училище. Когда я попытался объяснить, что занимаюсь футболом, мечтаю играть в нальчикском «Спартаке», Кодзоков меня даже слушать не стал. Он говорил так убедительно, что меня начали одолевать сомнения: «Может, действительно музыка – мое призвание?».

Кстати, Албек – не первый футболист, нашедший свое призвание в искусстве и именно в вокальном. Из широко известных случаев – оперная звезда Большого театра Зураб Соткилава, знаменитый эстрадный испанский певец Хулио Иглесиас. И, видимо, не только они одни.

После окончания второго курса музучилища Хупсергенов получил направление в Астраханскую консерваторию. Прочувшись там три года, наш земляк перевелся в более престижную Воронежскую консерваторию. Самым большим плюсом являлось то обстоятельство, что там имеется замечательный театр оперы и балета, в котором будущий артист проводил практически всё свободное время. Он имел возможность ознакомиться с подлинными жемчужинами мирового оперного и балетного искусства, опереттами, мюзиклами, а также современными постановками. Кумиром Хупсергенова был оперный певец, заслуженный артист РФ Валерий Алексеев, который пел все ведущие баритоновые партии. Позже его пригласили работать в Кировский театр оперы и балета. На развитие творческой личности благотворное влияние оказало и посещение воронежских музеев. «В консерватории, – продолжает перебирать в памяти Албек, – у нас преподавали сотрудники театра: солисты-вокалисты, режиссеры, был среди них и дирижер. Чтобы мы обрели уверенность на сцене, нам давали, начиная с четвертого курса, небольшие роли в оперных постановках. Я учился в классе заслуженного деятеля искусств РФ, замечательного педагога Нины Ивановны Уткиной. Её двадцать семь воспитанников стали народными артистами РФ. В тот период Нина Ивановна уже была бабушкой и относилась ко мне с материнской теплотой. У нее в учениках всегда были «баритоны». И она в совершенстве владела секретами постановки именно таких голосов. Благодаря Уткиной, я многое приобрел в технике пения».

Партия Валентина, исполненная Хупсергеновым в оперном спектакле «Фауст» Шарля Гуно, стала для него и работой для сдачи государственного экзамена. Сдал он его на «отлично». Конечно, Албек очень волновался и чувствовал большую ответственность, выступая рядом с маститыми певцами, народными артистами России Евгением Поймановым и Сергей Каданцевым, заслуженными артистами РФ Юлией Даниловой, Борисом Ерофеевым, Григорием Колмаковым, Игорем Непомнящим и другими.

Волнуется Хупсергенов и сейчас перед каждым выступлением и считает это нормой. По сей день он всегда требователен к себе, халтурить не в его правилах, считает это совершенно недопустимым. Албек умело сочетает вокально-исполнительское и драматическое мастерство для создания правдивого музыкально-сценического образа.

«Как только мы, четверо выпускников, получили дипломы, – продолжает свой рассказ Албек, – без промедления сели на самолет и полетели в Новосибирск. Там должна была состояться ярмарка вокалистов. Туда съехались режиссеры из крупнейших оперных театров Советского Союза. В ней приняли участие 150 оперных певцов со всей необъятной нашей Родины». На заключительном концерте Хупсергенов попал в десятку лучших исполнителей. И его наперебой стали приглашать в Мурманскую филармонию, в оперные театры Свердловска, Воронежа и Новосибирска.

И всё же Албек принял, как ему казалось, окончательное решение: остаться в Воронеже, но не тут-то было. По поручению министра культуры нашей республики Константина Эфендиева из Нальчика в Воронеж срочно отправился главный дирижер Музыкального театра Анатолий Супер. Именно он уговорил Хупсергенова вернуться на малую родину. Талантливый певец нужен дома – таков был вердикт.

И Албек, долго не раздумывая, вернулся. В Нальчике он дебютировал в роли Арифа в оперетте «Кавказская племянница» Р. Гаджиева. За весь период творческой деятельности им исполнено более 30 ведущих партий в операх и опереттах: Евгений Онегин – в одноименной опере П. Чайковского, Алеко – в одноименной опере С. Рахманинова, Жорж Жермон – в «Травиате» Дж. Верди, Генрих Айзенштейн – в «Летучей мыши» И. Штрауса... До сих пор Хупсергенов исполняет партию Цыганского барона в опере-буфф «Цыганский барон» И. Штрауса. Однако самая любимая роль Албека – Риголетто в одноименной опере Дж. Верди, хотя его партия, как отмечает Албек, очень сложная для исполнения. Наверное, у каждого артиста есть несыгранная роль, о которой он мечтает. Для Хупсергенова – это князь Игорь из одноименной оперы А. Бородина. В концертах, кроме произведений российской и мировой классики, Албек любит исполнять песни – кабардинские современные и народные, русские и украинские народные.

«Я работаю с Албеком много лет, – рассказывает солист-вокалист Музыкального театра, заслуженный артист КБР Валерий Кайцуков. – Он – хороший партнер, певец, артист. Хупсергенов обладает высокой сценической культурой. Его выносливому голосу подвластны все баритоновые вокальные произведения. С годами он стал более драматичным, плотным, звучным. Хупсергенов умело, доходчиво создает сценические образы. И как человек Албек глубоко порядочный». Стоит к этому добавить, что Хупсергенов бережно относится к своему голосу, ведет здоровый образ жизни.

Когда в 1995 году в Москве проходила декада литературы и искусства Кабардино-Балкарии, на которой присутствовали президент РФ Борис Ельцин и президент КБР Валерий Коков, в концертном зале «Россия» в сопровождении объединенного симфонического оркестра Кабардино-Балкарской государственной филармонии и Музыкального театра нашей республики Хупсергенов исполнил арию Мистера Икс и произвел неизгладимое впечатление на главу нашей страны. Борис Николаевич дал указание: по возвращении в Кабардино-Балкарию незамедлительно присвоить певцу, исполнившему арию Мистера Икс, звание «Заслуженный артист РФ», что и было сделано.

По прошествии нескольких десятков лет после этого события артист полон сил, чтобы покорить еще не одну творческую вершину.

С шестидесятилетним юбилеем вас, Албек Хамидбиевич! Крепкого вам здоровья и долгой сценической жизни!

ЛАУРЕАТ «БОЛЬШОЙ ОПЕРЫ»

Очерк

Астемир Макоев

Вот уже два года звучит со сцены Кабардино-Балкарского музыкального театра лирический баритон 26-летнего выпускника Северо-Кавказского Государственного института искусств Астемира Макоева. Для, в общем-то, неоперного Нальчика появление молодого и, как свидетельствуют специалисты, талантливого исполнителя, стало событием. Многие ценители академического пения заговорили о том, что у местных оперных грандов – Али Ташло, Марьяны Даовой, Мухадина Батырова, Альберта Хупсергенова, наконец-то, появится достойный преемник. Судить об этом могут, конечно, только профессионалы, поэтому, встретившись с Астемиром Макоевым, мы говорили больше об истоках его увлечения пением и о первых творческих успехах.

– Не могу сказать, что мой интерес к музыке и пению возник под влиянием родителей, – рассказывает Астемир. – Мама по профессии – повар, отец – художник, и хотя оба являются людьми по-своему творческими, мой профессиональный выбор определяли не они. Кто или что? Сейчас на этот вопрос ответить трудно. Само как-то все получилось. Скажу лишь, что музыку любил с самого детства, и играть на различных, главным образом, струнных инструментах, начал довольно рано. Ходил в музыкальную студию Марлена Геннадьевича Бжинавы во Дворце пионеров, играл на балалайке, мандолине, домбре. Это было еще в школьные годы. Потом поступил в колледж культуры и искусств, где, к большой удаче, попал в руки известной в республике вокалистки Светланы Батыровны Богатыжевой. По окончании колледжа поехал поступать в Саратовскую консерваторию, но доучиться не получилось. После трех с половиной лет обучения, в связи с семейными обстоятельствами, пришлось возвращаться на родину.

Из Саратова в Нальчик Астемир приехал вместе с молодой супругой и сокурсницей Аней Павловской. Какое-то время не мог определиться, что делать дальше. Были некоторые надежды, связанные с отъездом в Ростов-на-Дону, но в итоге продолжил учебу в Северо-Кавказском Государственном институте искусств (СКГИИ), который и окончил в нынешнем году с дипломом солиста-вокалиста. Параллельно с учебой в вузе солировал в ансамбле «Камерата» под управлением Петра Темирканова, а затем вместе с супругой поступил на работу в Государственный музыкальный театр КБР и служит в нем по сей день.

– Театр пережил трудные времена, связанные с ремонтом и обустройством, – продолжает Астемир. – Сегодня все более или менее наладилось, за что хочется поблагодарить нашего директора Руслана Ерожибовича Барагунова.

Мы все чувствуем его поддержку и заботу, и будем стараться делать все от нас зависящее, чтобы и он гордился нами.

За годы учебы в Саратовской консерватории Астемир Макоев успел поучаствовать в нескольких престижных конкурсах. В 2013 году стал лауреатом 3-го Международного конкурса имени Рахманинова, до этого занял первое место в конкурсе Н. К. Гасташевой, а за лучшее исполнение песни композитора З. А. Жирикова на стихи А. П. Кешокова был удостоен не только приза, но и похвалы самого композитора. Заур Асланбиевич тогда сказал, что это был первый раз, когда его песню исполнили так, как она и должна была звучать.

– В нынешнем году мне посчастливилось выступать на исторической сцене Капеллы Санкт-Петербурга, где я участвовал в XXXXIV смотре-конкурсе вокалистов-выпускников музыкальных вузов России «Большая опера», – говорит Астемир. – Там я стал лауреатом в номинации «оперное и камерное пение» и затем выступил в гала-концерте, который состоялся после завершения конкурсной программы. В нем приняли участие такие восходящие таланты мировой оперной сцены, как Василиса Бержацкая, Бадрал Чулуунбаатар, Юлия Любимова и другие.

В Государственном музыкальном театре репертуар Астемира Макоева составляют партия Заура из оперы Мухадина Балова и Хасана Карданова «Мадина», написанной по мотивам поэмы Али Шогенцукова «Мадина», в постановке Романа Добагова; партия Аверина в оперетте «Севастопольский вальс» Константина Листова в постановке Тамары Сафаровой.

Работает Астемир не только в классическом жанре. Недавно он солировал в спектакле по мотивам нашумевшей в свое время поэмы Леонида Филатова «Про Федота Стрельца», где спел песню главного героя.

– Мой репертуар, конечно, шире, – говорит Астемир. – Это и Фигаро в «Севильском цирюльнике» Джузеппе Россини, и Евгений Онегин в одноименном произведении Чайковского, и ария Веденецкого гостя в опере Римского-Корсакова «Садко», и Сильвио в «Паяцах» Леонкавалло. Однако не всегда представляется случай продемонстрировать этот репертуар публике. Проблема в том, что в нашем театре очень трудно идет смена поколений, чувствуется острая нехватка молодых исполнителей, которые могли бы играть в постановках соответствующие партии. Ведь это неправильно и даже смешно, когда арию юного героя-любownika поет мужчина, убеленный сединами. Но думаю, эта проблема временная, и институт искусств в ближайшем будущем сумеет восполнить дефицит молодых исполнителей на сцене нашего театра. Однако нужно сказать, что я исполняю не только классические оперные партии. Очень люблю эстраду и исполняю такие известные в свое время произведения Арно Бабаджаняна, как «Лучший город земли», «Верни мне музыку», люблю неаполитанские песни. В 1970-е годы их великолепно исполнял кумир советской публики Муслим Магомаев, который, кстати, тоже имел академическое образование и «по первой профессии», если можно так сказать, был оперным певцом.

У каждого творческого человека есть свои предпочтения и кумиры. У Астемира к их числу можно отнести баритоны Лео Нуччи, Титто Гоби, Муслима Магомаева, теноров Лучано Паваротти, Пласидо Доминго, Хуана Диего Фло-

реса, Йозефа Кауфмана. «Учиться нужно у лучших, но при этом оставаться самим собой», – считает он.

Существует распространенное мнение, что все оперные певцы любят вкусно поесть и потому часто страдают излишней полнотой. Соответствует ли это действительности? На этот вопрос Астемир Макоев отвечает так:

– Нельзя заниматься классическим вокалом, не соблюдая несколько железных правил. Действительно, для того чтобы восполнить серьезные энергетические затраты, ему необходимо хорошо и, главное, правильно питаться. Основу рациона должны составлять белковые продукты, содержащие большое количество калорий – мясо, яйца, рыба, молоко и так далее. К тому же нельзя пить и есть холодное – нужно беречь свой главный профессиональный инструмент – горло. Оперный певец должен соблюдать строгий режим дня, хорошо высыпаться, совершать прогулки, регулярно делать физзарядку и вообще держать себя в форме. Что касается полноты оперных исполнителей, то она не является правилом. Другое дело – фактура, которая требуется для той или иной роли, партии, прописанной в либретто – оперном сценарии. Как будет, например, смотреться и слушаться опера «Дон Кихот», если партию толстяка Санчо Пансы будет исполнять тщедушный вокалист? Наверное, в такой ситуации зрителю будет трудно разобраться – кто есть кто. Визуальный ряд должен максимально соответствовать либретто. Кстати, сегодняшние постановщики уделяют этому соответствию пристальное внимание, иногда вплоть до сантиметров и килограммов. Одним словом, Онегин должен выглядеть молодым и красивым щеголем, Отелло – воином, и так далее.

Сейчас, после большого концерта, в котором принимали участие артисты балета и оперные исполнители, в работе Государственного музыкального театра КБР наступил перерыв, началась пора отпусков. Пожелаем и нашему герою приятного отдыха. Надеемся, что в скором будущем Астемир Макоев, его старшие коллеги порадуют любителей классического вокала новыми спектаклями и интересными творческими находками.

Писатель, журналист, кинодраматург. Автор восьми книг, многих публикаций в российской литературной периодике. Победитель седьмого международного литературного фестиваля «Славянские традиции» (2015) в номинации «малая проза», финалист литературной премии «Русский Декамерон».

Более 20 лет проработал собкором по Северному Кавказу ряда центральных изданий. В настоящее время – редактор РИА «Кабардино-Балкария».

ОТДЕЛ НАЗЫВАЛСЯ «ПИФ»

Очерк

Отдел сокращенно назывался ПИФ, как герой французских комиксов. И хотя в те глухие 70–80-е годы о комиксах в Советском Союзе говорили разве что лекторы агитпропа, представлявшие их порождением разлагающейся буржуазной культуры, сам дух комикса – озорной, пунктирный, перелетающий с предмета на предмет, – витал над этим отделом. Это из разряда: как назовешь самолет, так он и полетит.

Расшифровывалось же название вполне традиционно для партийной газеты – отдел публицистики, информации и фельетона. Сейчас представляется, что в те годы отдел ПИФ был маленьким островком свободы в «Кабардино-Балкарской правде». И, как всякий остров, привлекал к себе как вольных странников по морю житейскому, так и терпящих бедствие в его штормах или желающих пополнить запасы прохудившихся душевных трюмов.

В небольшом кабинете в старом здании редакции на углу улиц Лермонтова и Ленина в Нальчике можно было встретить известного писателя, принесшего на рецензию новую книгу, молодого ученого, желающего оповестить мир о сделанном им открытии, неискушенного сельского правдоискателя, приятную во всех отношениях даму с заметкой «о нашем мальчишке», а также опытного кляузника с очередным клеветоном или нескольких профессиональных хронофагов, томящихся в предвкушении открытия специализированного отдела в соседнем гастрономе – тогда ведь бодрящие напитки продавали только после двух пополудни.

В комнате стояли два больших письменных стола, книжный шкафчик и тумбочка, на которой лежала неизменно пополняемая годовая подшивка «Кабардино-Балкарской правды» – газеты в то время чрезвычайно популярной и влиятельной. За столами сидели заведующий отделом – известный фельетонист Аркадий Дмитриевич Волосов, и литературный сотрудник, полковник в отставке Михаил Иванович Добрынин.

Пройти мимо этого кабинета не удавалось никому из пишущего молодняка, поскольку до появления литературного журнала «Эльбрус», впоследствии превратившегося в «Литературную Кабардино-Балкарию», оставалось еще лет шесть-семь, а до появления первых независимых газет – десятилетие. Если пользоваться газетным языком тех лет, то можно без всяких натяжек сказать, что приходившим с рукописями молодым людям Аркадий Дмитриевич выписывал путевку в журналистику, а Михаил Иванович – в литературу. Мне повело – меня опекали оба.

Волосов опубликовал мой первый фельетон. До этого я печатался только в газете «На страже» – боевом органе нашего славного Бакинского округа ПВО, впоследствии почившего в бозе вместе с никем не побежденной Советской Армией, а там этот жанр не приветствовался. В фельетоне я сокрушался по поводу несвоевременной доставки газет, в частности, всеобщей тогдашней любимицы «Литературной газеты», которую приносили с запозданием в два, три, а то и в четыре дня.

Теперь, спустя несколько десятилетий, из которых почти четверть века мы движемся, как нам говорят, по пути демократии и реформ, «Литературку» приносят подписчикам, в лучшем случае, через неделю после выхода в свет из типографии. Отмечу, что во второй половине XIX века, в период расцвета русской журналистики, петербургские и московские газеты приходили в провинцию на следующие сутки. Правда, теперь появился Интернет и свежий номер любой уважающей себя газеты можно прочитать на её сайте. Но его уже не положишь на тумбочку возле кровати. И это, может быть, одна из причин измеления роли прессы в нашей повседневной жизни.

Аркадий Дмитриевич дополнил мой фельетон несколькими своими историями о неправильно написанных адресах и несвоевременно доставленных письмах. Тем самым преподав мне первый урок старого газетчика – в материале должно быть больше фактов и комментариев, чем авторских рассуждений, исторических и литературных реминисценций или лихо закрученных саркастических фраз. Фельетон вышел в газете под двумя нашими фамилиями. Вернее, под его фамилией и моим псевдонимом – И. Горев, поскольку тогда мне казалось, что подписывать своей фамилией стоит только литературные шедевры.

Впоследствии у меня выходили в этой газете различные заметки, репортажи, портретные зарисовки, опять же фельетоны, отклики на новые книги и, что меня теперь поражает, даже рецензии на появлявшиеся тогда в кинотеатрах фильмы.

И А. Волосов, и М. Добрынин учили благоговейному отношению к газете. Пусть она сама живет день, в лучшем случае, два, но опубликованные на ее полосах материалы продолжают долгие годы будоражить воображение и сердца людей, если, конечно, ты постарался донести до них нечто такое, что способно вызвать соответствующую эмоциональную реакцию. «Даже несколько строчек, опубликованных под твоей фамилией, наполняют день смыслом», – любил повторять М. Добрынин. Надо было видеть, как они сами открывали свежий номер и внимательно вычитывали свои материалы, хмыкая над каждой правкой, сделанной дежурным по номеру или кем-нибудь из работников секретариата.

Газета в те годы была не только коллективным пропагандистом и организатором, как любили повторять обкомовские идеологи, но и защитником простого человека, грозой зарвавшегося чиновничества, помощником в решении сложных запутанных споров. В редакцию за правдой толпами шли люди. Наблюдая, как разговаривает с посетителями А. Волосов, можно было постигать высокое искусство общения с разномастным народом.

Вот Аркадий Дмитриевич сидит за своим столом и что-то пишет. Открывается дверь, и в кабинет влетает взвихренный человек: «Вот вы тут сидите, а там та-ко-о-е происходит!».

– Что вы говорите? – картинно изумляется Аркадий Дмитриевич.

– Да! Но это еще что! Дальше было...

Волосов усаживает посетителя за свободный стол, протягивает ему стопку белой бумаги и шариковую ручку:

- Пишите!
- Что писать?
- Всё пишите!
- Как писать?
- Просто, без затей, как было.
- Но вы же не напечатаете – побоитесь!
- Да отчего же? Если все, что вы рассказываете, правда...
- А что же еще, по-вашему?! Конечно, правда!
- Ну, так пишите...

И человек начинает писать, излагает на бумаге всё, что привело его в редакцию, временами задумывается, покусывает ручку, что-то тихо шепчет себе под нос, хмыкает, а потом снова строчит по бумаге. Волосов тем временем продолжает спокойно готовить свой материал.

Завершив изложение потрясшего его события, посетитель отдает исписанные листочки Аркадию Дмитриевичу, тот их бегло просматривает, и просит поставить дату и расписаться. Неплохо, говорит он, указать также свой домашний адрес, чтобы мы имели возможность связаться с вами. Посетитель беспрекословно выполняет все просьбы Аркадия Дмитриевича. Уходя, он долго жмет ему руку, благодарит за внимание и просит не обижаться, если сгоряча наговорил с порога лишнего.

У Волосова же на руках остается подписанный заявителем документ, на основании которого, если дело того заслуживает, он может начинать, как теперь говорят, журналистское расследование. А если повод представляется пустячным – спокойно отложить бумаги в сторону, ушедший посетитель и сам о них больше не вспомнит: он выпустил пар, и полностью удовлетворён.

Особые приёмы были отработаны у Аркадия Дмитриевича при общении с профессиональными графоманами, заваливавшими редакцию «плодами поэтических раздумий» или рифмованными «рассказами о пережитом». Такие авторы, как правило, требовали немедленно прочитать принесенную ими рукопись и дать прямой ответ, насколько гениально их творение.

Обычно Аркадий Дмитриевич советовал им обращаться к Добрынину, который руководит литературным объединением при газете и может дать дельный совет по всем вопросам творчества. Если же автор начинал жаловаться, что Добрынин не понимает его поэзию, не ценит сложных образов, утонченных метафор или внутренних рифм, то Волосов говорил примерно следующее:

– Мы-то кто? Газетчики! Пишем заметки и отчеты с собраний! А поэзия, она того... требует совершенно иного подхода! Я вам вот что скажу: пойдите туда-то... спросите такого-то... Он оканчивал Литературный институт в Москве, в поэзии – большой дока! Эрудит! Он, конечно, будет говорить, что ни в чем не разбирается, что у него нет времени и что-нибудь ещё в подобном роде. Но вы ему не верьте – это он от скромности!

Последние слова обычно произносились уже в спину спешащему к новой путеводной звезде очарованному литературному страннику.

Аркадий Дмитриевич
Волосов

Аркадий Дмитриевич учил меня – уже потом, когда я поступил на службу в редакцию, и мы с ним сидели в одном кабинете, – что газетчику глупо рассчитывать на чью-либо благодарность: чиновные всегда будут недовольны тобой, а если ты будешь плясать под их сурдинку, то еще и ноги о тебя вытирать будут, а простым людям вообще свойственна забывчивость на добрые дела, так им легче живётся в стране, где добро провозглашено государственной политикой.

– Помог я как-то одному человеку дом отсудить. Дело было сложное, рассматривалось долго, я несколько раз выступал в газете в его пользу. Наконец суд завершился – домовладение отошло к нему. И, знаешь, что он мне сказал, когда мы выходили из суда? «Ты мне теперь, корреспондент, помоги телефон провести!». Не «спасибо», или «век не забуду», а – телефон! – рассказывал, смеясь, Аркадий Дмитриевич.

Фельетоны он писал запоминающиеся. Мне были известны несколько людей, которые вырезали их из газет и складывали в специальные папки, для перечитывания. Один даже клеивал газетные вырезки в альбом вместо фотографий. Но менялось само время, в обществе начинались необратимые процессы, герои вчерашних фельетонов становились народными депутатами и законодателями политических мод, телевидение испытывало на прочность, казалось бы, устоявшиеся этические и эстетические нормы. А Аркадий Дмитриевич старел, у него начались проблемы с памятью. Тут еще новый редактор газеты взял курс на омоложение журналистских кадров. Сложившийся вокруг редактора дамский синклит недолюбливал Волосова за острый язык и независимое поведение. Они стали подталкивать редактора к мнению, что Волосову пора и на заслуженный отдых.

Собственно, самих торжественных проводов заслуженного газетчика на пенсию, насколько я помню, не было. Его тихо выставили за дверь. Отлучение от редакции вкупе со смертью жены сказалось на здоровье Волосова, он стал болеть, через несколько лет скончался в доме престарелых.

Михаил Иванович Добрынин тоже, как и Волосов, был участником Великой Отечественной войны. Во время войны стал преподавателем военного училища, и вся его дальнейшая армейская служба была связана с военными-учебными заведениями. И, видимо, в них он занимал не последние должности, поскольку в отставку вышел полковником. Рассказывал, что во время новочеркасских событий, когда рабочие подняли бунт против хрущевского повышения цен на продукты, он преподавал в тамошнем суворовском училище. А после расстрела рабочей демонстрации армейскими частями в качестве внештатного корреспондента «Красной звезды» освещал судебный процесс над зачинщиками бунта. И хотя наши беседы носили приватный характер, каких-либо ярких деталей тех событий или характеристик его участников дожидаться от Михаила Ивановича было невозможно. Сказывалась многолетняя военная служба, приучившая постоянно застегивать мундир на все пуговицы.

Те же сдержанность и закрытость, чтобы не сказать большего, были характерны и для его писательских опытов. Помню, как-то на заседании литературного объединения Михаил Иванович проанонсировал выход своей новой книги в издательстве «Эльбрус», где, по его словам, должны быть напечатаны воспоминания о Леониде Леонове, Михаиле Пришвине и других крупных русских писателях. Меня, решавшего в ту пору проблемы собственной литературной профессионализации, интересовало буквально всё, что было связано с худо-

жественными текстами, законами их создания, опытом известных писателей, редакторов, издателей, поэтому я с нетерпением ждал выхода книги нашего наставника. И что же прочитал на ее страницах? Как Пришвин выступал на 2-ом Всесоюзном совещании молодых писателей, а Леонов выставил за дверь своей дачи в Переделкино группу студентов Литинститута, приходивших просить у него, равно как и других обитателей писательского городка, вспомоществования на выпускной банкет.

В тоже время Михаил Иванович Добрынин обладал своеобразным чувством юмора, любил хорошую шутку и не считал зазорным проакцентировать что-либо смешное в поведении или манерах человека. Что, впрочем, тоже могло быть связано с долгой службой в армии, где, как известно, каждый толковый командир подразделения старается вырастить своего Тёркина или хотя бы Бровкина.

Как-то, еще будучи студентом-заочником Литинститута, Михаил Иванович возвратился домой с сессии и на недоуменный вопрос жены, на что он потратил столько денег в Москве, спокойно ответил: «Купил новую шинель!» – «Какую еще шинель?», – спросила жена. Михаил Иванович торжественно вытащил из кармана повесть Гоголя «Шинель», выпущенную в мягком переплете массовым тиражом Гослитиздатом. Как жена оценила столь оригинальную шутку, история умалчивает.

Михаил Иванович
Добрынин

Написал я как-то рассказ «Вы любили когда-нибудь генералов?» и принес показать Михаилу Ивановичу в надежде, что он напечатает его на «Литературной странице» газеты. В рассказе тридцатилетний уездный повеса, надев мундир приехавшего в гости зятя-генерала, отправляется охмурять незнакомых девушек. Потом по-настоящему влюбляется в одну из них, хочет ей открыться, но уже поздно, девушка влюбилась в генерала, а его без мундира просто не узнает на улице.

– Хлестаковщина какая-то! – улыбаясь, сказал Добрынин, прочитав рассказ.

– Парню уже тридцать два, а он ведет себя, как мальчишка. Затянувшееся детство какое-то. Инфантилизм души! – Михаил Иванович черкнул по воздуху ручкой, словно подписывая смертный приговор рассказу.

– Кстати, видел ручку? – он протянул мне «паркер» с золотым пером, – Дядя прислал! Ну, Добрынин... Наш посол в США. Слыхал?

– Конечно, слышал, – сказал я, с интересом разглядывая ручку.

А он, довольный произведенным эффектом, весело рассмеялся:

– Шучу! Какой там дядя... В Москве купил по случаю!

Михаил Иванович в ту пору был раза в два старше героя моего рассказа. А рассказ этот в газете так и не напечатал. Он был опубликован только в первой моей книге.

Литературное объединение при редакции «Кабардино-Балкарской правды» было любимым детищем Михаила Ивановича Добрынина. К занятиям он готовился обстоятельно, приходил на них с обязательной кожаной папкой, в которой хранились разнокалиберные и разнообразные не только по уровню таланта, но зачастую и по степени внятности изложения произведения участников ЛИТО.

Поскольку никаких особых критериев отбора в члены ЛИТО не существовало, на ежемесячные занятия, проходившие обычно в большом кабинете директора издательства обкома КПСС, к которому были приписаны все газеты и журналы того времени, собиралась разношерстная публика – от школьников старших классов, студентов младших курсов и учителей словесности до заводских инженеров, мелких чиновников и актеров местных театров. Сюда же стоит добавить определенное количество молодых женщин, томящихся в предвкушении большой любви либо переживающих неожиданный уход возлюбленного, и, конечно, деятельных пенсионеров различных возрастов, горящих желанием передать через газету свой большой жизненный опыт новым поколениям строителей коммунизма. Большинство из них писали стихи, в массе своей представлявшие лирические зарисовки родных пейзажей или рифмованные отчеты о своих душевных переживаниях. Был небольшой отряд и так называемых «датских» поэтов, писавших стихотворные опусы к красным и памятным датам календаря.

– Пусть уж лучше стихи пишут, чем водку пьют, – по обыкновению отшучивался Михаил Иванович на мои дежурные диатрибы по поводу многих текстов и их, с позволения сказать, создателей.

– Пусть лучше водку пьют, чем стихи пишут! – восклицал мой товарищ Юра Яропольский, с юности трепетно относившийся к поэтическому слову.

Примерно раз в два месяца М. Добрынин выпускал в газете «Литературную страницу», составленную из творений участников литобъединения. Попасть на ее полосу означало получить свои пять минут славы, ведь газета выходила тиражом в семьдесят с лишним тысяч экземпляров, а до появления Фейсбука, Контакта и других социальных сетей еще оставалось почти четверть века. Именно на «Литполосе» впервые был опубликован один из написанных мною рассказов. Рассказ назывался «Тайна переписки», но вышел под названием «Николай и Зинка», естественно, без согласования со мною перемены названия, что значительно понизило градус радости от первой чисто литературной публикации.

После выхода к широкому читателю первого рассказа я принес Добрынину еще несколько своих повествований. Работая в ту пору инженером-программистом, я мог с вечера пятницы до полуночи воскресенья написать новый рассказ, а с понедельника до пятницы обдумывать сюжет следующего. Это был хороший темп для начинающего писателя, позже прочитал в «Мемуарах» Сименона, что он тоже так начинал. Но в отличие от будущего классика детективного жанра, произведения которого печатались в газете еженедельно, мои истории публиковались, в лучшем случае, раз в квартал. Руководствуясь принципами социальной справедливости и советской уравнилельной педагогики, Михаил Иванович полагал, что нельзя выделять какого-то одного автора, надо давать слово и другим сочинителям из ЛИТО, и публиковал на «Литературной странице» тексты, зачастую напомиавшие школьные сочинения или плохие подражания популярным советским писателям, а то и совсем уж графоманские опусы. Добрынин учил членов ЛИТО, как правильно писать рассказы и стихи, но подлинная литература начинается там, где нарушаются все правила и создаются новые, которые затем станут эталоном для следующих поколений сочинителей.

Будучи не столь наивным, чтобы считать себя гением, пишущим «в стол», я стал рассылать свои рассказы по редакциям литературных журналов и искать

другие пути вхождения в литературный мир, и вскоре поступил на сценарный факультет ВГИКа в мастерскую прекрасного кинодраматурга Николая Николаевича Фигуровского («Когда деревья были большими», «Преступление и наказание» и др.), который стал для меня и моих товарищей-однокурсников подлинным наставником в литературном мастерстве. Но Михаила Ивановича Добрынина я неизменно поминую добрым словом, как человека, который всегда читал наши произведения, разбирал их и делал в силу своего разумения различные замечания, которые можно было принимать или не принимать к сведению, но всегда они шли от доброго сердца. К сожалению, большинство редакторов и в прежние времена, а теперь тем более, не удосуживается даже прочитать предложенный им текст, если фамилия автора незнакома.

Александр Михайлович Шепелев пришел в отдел ПИФ на место Добрынина, который после выхода на пенсию переехал с женой в подмосковную Дубну, где жила их дочь. До этого Александр Михайлович работал, если память мне не изменяет, в отделе писем той же «Кабардино-Балкарской правды». Мы с ним были знакомы и по публикациям, и лично, поскольку он часто заглядывал в кабинет Волосова, чтобы обсудить последнюю публикацию в «Литературной газете», только что прочитанный новый роман популярного писателя или попросту обменяться новостями.

Как журналист Шепелев мало писал, в газете он больше занимался правкой и подготовкой чужих материалов. Но все, что он писал в газете, было заметно и памятно на долгое время. Мне, например, до сих пор помнится его шутка из фельетона о недалеких людях, собиравшихся на переключку в очередях перед магазином «Подписные издания», чтобы не столько заполучить подписку на собрание сочинений любимого писателя, сколько затем, чтобы поставить на книжную полку несколько томов в одинаковых переплетах. И так, к очереди подходит гражданин подшофе и интересуется «на кого подписка». Ему отвечают: «На Толстого!» – «На какого Толстого? – спрашивает гражданин, – Николая? Или Павла?» И тут часть очереди начинает догадываться, что в русской литературе есть несколько Толстых и погружается в сомнения, на того ли Толстого они собираются подписывать. По-моему, блестящая шутка.

Александр Михайлович принадлежал к тому поколению, которое сейчас называют «дети войны», когда началась Великая Отечественная война ему было всего тринадцать лет, и в силу данного обстоятельства он не получил хорошего базового образования. Но всю свою жизнь занимался самообразованием, любил и почитал хорошую литературу, сам много писал художественных текстов. Его кумиром был прошедший суровую школу жизни американский писатель Джек Лондон, о котором Александр Михайлович написал повесть. Известна также его повесть «Браслет для Марии» – о жившей и умершей в Нальчике украинской писательнице XIX века Марко Вовчок. Александр Михайлович любил писать повести, и отрывки из них периодически публиковались в «Кабардино-Балкарской правде». Редакционный остряк даже как-то сказал, что Шепелев – родоначальник нового жанра в журналистике «отрывок из повести».

*Александр Михайлович
Шепелев*

*А. М. Шепелев с коллегой
по газете Ж. С. Кумеховым*

У меня где-то в бумагах сохранилась короткая рецензия Шепелева на мой рассказ «Встреча в декабре». Мне всегда хотелось написать рождественский рассказ в духе Диккенса, но с современными реалиями. А в те годы писались не рождественские, а новогодние рассказы в стиле алкогольного киноповествования «Ирония судьбы». Но я все же написал рассказ о знакомстве в Севастополе флотского офицера и учительницы из Прохладного, их короткой любви и длительной разлуке, потом поисках моряком своей любимой и их сына, и счастливой встрече под Новый год. Отнес рассказ главному редактору «Кабардино-Балкарской правды» в начале декабря, чтобы у них было время прочитать рассказ и запланировать его в новогодний номер. Однако он не был напечатан в этой газете ни в конце декабря, ни в начале января, никогда. Вместо публикации мне позвонил Шепелев и попросил зайти в редакцию, где вручил отвергнутый рас-

сказ со своей рецензией. В рецензии он писал, что это довольно примитивная история, а совсем не рассказ, и советовал почитать произведение Ивана Бунина «Солнечный удар» (привет, Никита Михалков!), как образец русской истории о любви. Я, конечно, знал, что не являюсь Буниным, Чеховым и даже Юрием Казаковым или Георгием Семёновым, но в то же время будучи студентом ВГИКа уже понимал и мог доказать, что мой текст по всем формальным признакам является рассказом. К тому же он был написан неплохим языком и имел увлекательный сюжет, поэтому я решительно не мог понять, почему он не может быть опубликован в газете. И только спустя чуть ли не десятилетие понял, в чем тогда было дело: в те времена в партийной газете нельзя было повествовать о незаконнорожденном ребенке, это не укладывалось в прокрустово ложе морального кодекса строителя коммунизма. А что касается судьбы того рассказа, то он был опубликован в моей второй книге, вышедшей в 1991 году, а спустя еще десять лет его перепечатала газета «Горянка». Тогда уже можно было говорить в печати о внебрачных детях, тем более в Прохладненском районе.

С именем Александра Михайловича Шепелева связана еще одна важная для меня история. Когда Шепелеву исполнилось 60 лет, он сразу написал заявление о выходе на пенсию, чтобы спокойно заниматься литературным трудом. Новый редактор газеты, присланный из редакции «Правды» в Кабардино-Балкарию в качестве, как тогда говорили, прораба перестройки, поинтересовался, кого Шепелев может предложить вместо себя на должность литсотрудника отдела ПИФ. И Александр Михайлович, нисколько не задумываясь, ответил: «Терехова». Я в те дни «повышал квалификацию» в Ленинграде, а когда вернулся в Нальчик, мне сказали, что меня разыскивает редактор «Кабардино-Балкарской правды». После беседы с ним я стал полноправным сотрудником легендарного отдела ПИФ.

Теперь уже я сидел в одном кабинете с Аркадием Дмитриевичем Волосовым, готовил публицистические материалы, вел литературное объединение при

Семинар молодых писателей, 1972 год

газете и выпускал раз в месяц «Литературную страницу». Но самое главное, имел возможность постоянно общаться со старым газетчиком, слушать его байки и перенимать приемы профессионального мастерства. Так получилось, что я оказался последним сотрудником отдела ПИФ, поскольку вскоре была произведена реорганизация редакционной структуры, и наш отдел вошел в состав нового, большого Идеологического отдела.

Наш великий поэт и выдающийся редактор Александр Трифонович Твардовский любил повторять, что любой факт или явление только тогда по-настоящему присутствуют в нашей жизни, если они описаны в литературе. Так получилось, что о моих старших друзьях из отдела ПИФ не удалось написать никто из старых газетчиков. Даже в книге «Минутная стрелка истории», посвященной редакционному коллективу «Кабардино-Балкарской правды», фамилии Волосова и Добрынина упоминаются только в общем списке сотрудников редакции за все годы ее существования, хотя там есть, например, отдельные главки, отведенные Шепелеву и аз грешному. Они не имели почетных званий в области культуры и литературы, имели только воинские звания и любовь читателей.

В прошлом году широко отмечалось 70-летие Победы, но на страницах газеты в силу разных обстоятельств не нашлось места для материалов о сотрудниках прошлых лет – участниках Великой Отечественной войны Аркадии Дмитриевиче Волосове и Михаиле Ивановиче Добрынине, равно как и об Александре Михайловиче Шепелеве, чья юность пришлось на войну. Чтобы восполнить этот пробел и отдать дань памяти замечательных журналистов, я и написал прочитанный вами очерк.

Автор благодарит за предоставленные фотографии Д. А. Волосова, Е. А. Мамшиеву (Шепелеву) и председателя Союза журналистов КБР Б. Б. Мазихова.

ПО СЛЕДАМ МАМЛЮКОВ

Очерк

Будучи на курсах в Московском институте работников радио и телевидения, я познакомился и подружился с лектором Леонидом Сергеевичем Коношенко. Тогда он был первым заместителем главного редактора газеты «Известия» и, по совместительству, заместителем председателя Союза журналистов СССР. В один из июньских дней он позвонил мне и сказал, что организуется группа журналистов для туристической поездки в Египет, в которую он включил и меня. Поблагодарив, я ответил, что недавно был в отпуске и эта поездка не представляется для меня возможной. На это Коношенко сказал: «Я сам решу этот вопрос», и связь с Москвой прервалась.

Буквально через несколько часов в кабинет забегает секретарь телевидения и сообщает, что меня срочно вызывает Хажусов. Я тут же поехал на радио. Как только вошел в кабинет, он, не отвечая на мое приветствие, хмуро буркнул: «Оформляй отпуск без содержания». Он был явно недоволен тем, что по поводу меня ему позвонили из Москвы. Через два дня я уже был в столице. После короткого инструктажа в Доме журналистов вылетели в Египет.

Через день нас пригласили в посольство Советского Союза в Каире. В конференц-зал зашел невысокий, худощавый молодой человек и представился третьим секретарем посольства. Звали его Турсун Ходжаев. Прежде чем приступить к беседе, он достал из папки листок бумаги и произнес мою фамилию. Я вздрогнул, подумал, что ослышался. Тогда он громче позвал меня по имени и отчеству.

Более часа Ходжаев рассказывал о стране, о культуре народа. В заключение сказал, что журналисты – сознательные люди, свободно могут передвигаться по городу, но не поодиночке, а по два-три человека. Когда все вышли из зала, он обратился ко мне, как к старому знакомому, на «ты». «У меня есть хороший друг – кабардинец, – сказал он. – Живет в Америке. Он – генеральный директор завода «Кока-кола» в Каире. Должен скоро приехать. Как только приедет, найду тебя, познакомлю с ним. – Вручая мне визитку с двумя телефонными номерами посольства, добавил: – Когда хочешь, по любому из них найдешь меня». На мой вопрос: «Как его зовут, как фамилия?» – Турсун ответил: «Когда встретитесь, обо всем тебе расскажет сам». Когда мы расстались, он предупредил: о нашем разговоре никому не рассказывать.

Сначала я очень обрадовался, что на чужбине встречу иностранного соотечественника, и ждал этого с нетерпением. А потом вспомнил большую статью в «Кабардино-Балкарской правде» о том, что в Америке живет некий Альберт Кумыков, родом из Алтуда, – ярый враг Советского Союза, который часто выступает по «Голосу Америки» против СССР. «Не с этим ли Кумыковым хочешь свести меня Турсун», – подумал я, и мне стало страшно. Время шло, а Турсун молчал. Тогда я заподозрил, что слова Ходжаева «позвони в любое время» являются провокационными. Думал, что он хочет определить мою родственную связь с этим американским односельчанином-однофамильцем и перестал думать об этом. И молчанию Турсуна был рад.

В Египте со мной произошло несколько забавных случаев. В ресторане во время обеда недалеко от меня пожилой официант собирал пустую посуду со стола. Закончив обедать, я произнес: «*Иэльхьэмдурилэхь*» (спасибо Богу), – и ладонями провел по подбородку. Официант, услышав мои слова, молча принес мне воды со льдом. Это заметили сидевшие рядом со мной и тоже попросили холодной водички, но старик сделал вид, что не слышит, и ушел.

Зайдя в магазинчик и истратив два фунта на газировку (в то время за 2–3 фунта в Египте можно было купить золотую вещицу), я вытащил из кармана нагрудный значок с изображением Ленина в детстве и протянул продавцу. Кое-как объяснил молодому арабу, что это маленький Ленин. Когда он услышал это имя, выхватил значок из моих рук и, положив его перед собой, на полу начал делать намаз. А когда закончил, возвратил мне два фунта и дал еще две бутылки кока-колы бесплатно.

На экскурсии мы были и в Центральной мечети в Каире. Шейх рассказывал, когда и в честь чего был построен главный храм исламской религии, много говорил о мамлюках. Меня больше затронул рассказ шейха о том, как, выпрыгнув из окна второго этажа мечети, сбежал в Турцию последний мамлюк в Египте. Я мысленно представил себе, что в Каире хожу по следам мамлюков.

По пути в Александрию на несколько дней остановились в небольшом, но красивом городке Луксор. Единственным местом для отдыха здесь было озеро, вокруг которого росли акации редкой породы красного цвета. Однажды, наплескавшись в воде, я сидел в тени и наслаждался ароматом цветов и красотой природы. А на другом конце скамейки сидел арабочонок лет 13–14. То ли от резкого запаха цветов, то ли от яркого солнечного света я громко чихнул подряд три раза, после чего, сам не зная, что это означает, вслух произнес «*Ла Илахь-Илэлэхь, Мухьэмэдурасулилэхь*». Мальчик, услышав выдержки из Корана, придвинулся ко мне и на ломаном русском языке спросил: «Откуда ты?» Я ответил, что из России. Он встал и пошел вокруг озера. Показывая на меня, он всем говорил, что я русский мусульманин. Затем вернулся, снова подсел ко мне и доверительно заговорил: «Меня зовут Али, у меня свой транспорт, по городу катаю туристов. Так как ты из России, да еще и мусульманин, город покажу бесплатно». Я сначала отказался. Но мальчик настаивал, и мне пришлось согласиться. Но когда он подкатил пароконную тачку – я ахнул. Лошади были худые-худые, еле передвигали ноги. Вот-вот упадут.

По дороге мальчик охотно рассказывал о своих делах. «Я больше всех люблю туристов из России, – говорил он. – Добродушные, веселые люди, в общении с ними изучаю русский язык, собираю деньги, чтобы потом, когда подрасту, поехать на учебу в Москву. Я еще и учитель, – с гордостью сообщил мне Али. – Когда записываю новые русские слова, вечером собираются у меня соседские мальчишки, и я эти слова, с переводом на арабский, передаю им, получая с каждого по фунту». В подтверждение тому из-под сиденья Али достал две тетради и показал, что в одной записаны новые русские слова, а во второй – уже проданные.

Когда вернулись в гостиницу, «юный друг», показывая толстый бумажник с фунтами, предложил вечером пойти с ним в казино, сказав, что все расходы берет на себя, но я категорически отказался.

В Александрии самым достопримечательным местом является дворец «Монтаза» – летняя резиденция бывшего короля Египта, изгнанного в Ита-

лию Фарука. Он расположен на высокой скале над морем. Дворец построен во время правления короля Ахмеда Фуада – отца Фарука. Жилые помещения расположены вокруг просторного открытого двора. На первом этаже находятся многочисленные комнаты и залы: тронный, бильярдный, столовая и гостиная. Второй этаж предназначен для размещения слуг короля и королевы, а на третьем этаже – апартаменты короля Фарука и королевы Фариды (черкесской крови), а также детское отделение, специально разработанное с учетом изоляции звука шагов. А для безопасности игр в детских комнатах полы выложены из пробкового дерева.

Во всех помещениях и на мебели дворца встречается латинская буква «F» – выгравированная или инкрустированная: эта буква должна была приносить счастье всем отпрыскам. Поэтому король Ахмед Фуад всех своих детей назвал именами, начинающимися этой буквой: сын – Фарук, четыре дочери – Фавзиля, Фариза, Фаика, Фасив, Король Фарук продолжил эту традицию, даже свою первую жену Зафиназ переименовал в Фариду, а трех дочерей от нее тоже назвал именами, начинающимися с буквы «F».

Дворец «Монтаза» был летней резиденцией египетского монаха, и при короле Фаруке почти все 300 комнат дворца в летние месяцы занимала его родня и многочисленная свита. Дворцовый парк площадью 150 гектаров засажен редкими деревьями и растениями. Кухня расположена в двух километрах от дворца, и, чтобы запах не распространялся, пищу подавали на стол королевской семьи транспортером под землей.

На пляже мы встретились с советскими военнослужащими. Когда одного из них, летчика, спросили, чем они занимаются в Египте, он ответил шуткой: «Арабы подолгу делают намаз. Когда египетские солдаты делали обеденный намаз, израильтяне прилетели на вертолете и украли локатор, теперь мы их охраняем».

Когда приближалось время возвращаться домой, я подумал о том, что повезу в подарок нане. Она любила и очень красиво читала вслух Коран. Поэтому для матери и ее близких подруг я взял четыре священных книги, небольшого формата, красиво оформленных, в позолоченных обложках. В Москву прилетели ночью. Когда выстроились у выхода аэровокзала, к нам подошли двое – один в форме таможенника, а другой в штатском, явно из КГБ. Меня и еще двоих с вещами пригласили в отдельную комнату. Проверку начали с меня. Как только раскрыл саквояж, сразу изъяли упаковку с Коранами. Спрашивают, не для продажи ли везу столько Коранов? «Нет, – говорю, – Коран не продается». – «А для чего тогда?» – «Матери в подарок». – «Хорошо, матери один Коран, а остальные?» – наступают на меня. Тогда я четко сказал, что у нас не принято оставлять без внимания подруг матери, поэтому, чтобы никому не было обидно, всем везу одинаково. После этого, пожелав доброго пути, меня отпустили.

Мать очень обрадовалась дорогому подарку, но... читать не смогла. Не смог читать его и сельский эфенди. Когда он сказал, что нечитаемый Коран в доме держать нельзя, грех, все очень огорчились. Таким образом, привезенные мною через три моря подарки остались без обладателей.

С тех пор прошло много времени, но я до сих пор думаю и о том, что было бы со мной, членом коммунистической партии, если бы я встретился в Египте с тем самым однофамильцем из нашего села, который жил в Америке и был ярым врагом Советского Союза.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

У Мурата Озова, восплаемого в народе вот уже второй век, был близкий друг, очень известный в то время и такой же удалой абрек, как и он сам, – Бетал Цимпов. Когда Мурата арестовали в Пятигорске, с помощью русских знакомых ему помогли бежать и обеспечили выезд из страны Бетал Цимпов и муж его старшей сестры – ногаец Меда Шогов, житель села Канглы (Ставропольский край). Вскоре после освобождения друзья сфотографировались на память, и Мурат Озов отправился в Турцию. Справа Цимпов, сидит – Шогов, а слева, в традиционном турецком головном уборе, – Мурат Озов.

Кто такой Бетал Цимпов? Предки его из Кубани, они носили фамилию Цимба. Когда началась паспортизация, букву «б» (по слуху) заменили на букву «п» и, добавив «ов», занесли в паспорт фамилию Цимпов. Цимповы жили в селении Хасамбиево (Куба) Баксанского округа. Самыми близкими соседями у Цимповых были Калмыковы. Калмыков Едаг (Едыдж) был человеком довольно богатым. Кроме рабочих быков и дойных коров у него было много овец (тогда богатство исчислялось по количеству домашних животных).

Когда у Мусарби Цимпова родился сын, его назвали Беталом. Через некоторое время и в семье Едыга Калмыкова родился мальчик, и ему тоже дали имя Бетал. Два мальчика – два Бетала, вскармливались молоком от двух матерей и стали молочными братьями. Неразлучные друзья-братья спали и играли вместе.

Бетал Калмыков, когда подрос, стал алчным и хитрым. В играх обманывал своих друзей, отбирал проигранные альчики (кЮэн) и постоянно скандалил с ребятами. С ним за это перестали встречаться, играть, держались от него подальше. Тогда Едыг Калмыков отдал Бетала на воспитание своему русскому знакомому, владельцу магазина в селе Марьинское Ставропольского края. Там Бетал Калмыков научился говорить, писать и читать по-русски. Когда же он повзрослел, подался в революцию, а Бетал Цимпов примкнул к тем, кому не нравилась советская власть – за запрет религии, отмену частной собственности, и затем стал вольным абреком – покровителем и защитником бедных и обиженных.

Бетал Цимпов служил и в шариатской дивизии Назира Катханова и был его правой рукой. А когда встал вопрос о расформировании дивизии, как шариатской, он вернулся к прежнему образу жизни абрека. Цимпова дважды пытались посадить в тюрьму, но за неимением улики оба раза освобождали. А когда Бетал Калмыков возглавил Кабардино-Балкарскую партийную организацию, по его указанию состряпали обвинение в том, что якобы Бетал Цимпов организовал большую группу людей для борьбы против советской власти, и в 1930 году его снова посадили в тюрьму (теперь уже навсегда).

Посредником между молочными братьями был односельчанин Малил Есаинов. Жена Малила – родная сестра Бетала Калмыкова Коз, а мать – родная сестра отца Бетала Цимпова. То есть он был зятем Калмыкова и двоюродным братом Цимпова. Калмыков послал Малила в тюрьму к Цимпову, чтобы он от его имени уговорил Цимпова согласиться на предлагаемую ему (как авторитетному и сильному человеку) должность начальника тюрьмы.

На это Цимпов ответил так: «Передай своему плешивому шуруну, что я не такой человек. Он будет сажать в тюрьму невинных, как я, людей, а таких я никогда не стану караулить». Естественно, слова брата Малил дословно передать Калмыкову не смог, но сказал, что тот категорически отказался. После

этого «тройка», во главе которой стоял Бетал Калмыков, приговорила Бетала Цимпова к расстрелу.

Своего единственного дядю Бетала я видел всего два раза. Первый раз – в собственном доме в Кубе, когда с матерью были у него в гостях, – он был веселый, красивый, гордый. Меня, совсем маленького, посадил на своего коня, на лбу которого было белое пятно в форме талисмана (дыуэ), и я, вцепившись в гриву скакуна, несколько раз объехал вокруг дома. А второй раз – в тюрьме, бледного, замученного и униженного.

Когда Малил узнал, что брата расстреляют, приехал к нам и, чтобы не огорчать сестру, сказал моей матери (она была младшей сестрой Цимпова): «Нашего брата высылают из страны. Если хочешь повидаться в последний раз, приезжай в Нальчик». Он дал записку с указанием, куда идти, и ушел. Мать тут же стала собираться. Для брата в дорогу она собрала сушеное мясо, копченый сыр и хлеб из пшеничной муки (мажаджа). На второй день отец привез нас на подводе на железнодорожную станцию Прохладного, затем поездом мы прибыли в Нальчик.

Уже было поздно. Мать хотела остановиться на ночь у двоюродного брата Малила Есанокова, но – как родственников «врага народа» – его жена, сестра Калмыкова Коз, не пустила нас в дом. Переночевав в Вольном Ауле у знакомых, утром отправились по указанному в записке адресу. У матери руки были заняты, и шла она быстро, а я, чтобы не отставать, держался за юбку и бежал за ней. Здание, к которому мы подошли тогда, ныне – поликлиника № 1 (ул. Кешокова).

Через маленькое окошко в железных дверях мать протянула кусочек бумаги. А часовой нам выпалил грубовато: «Ждите». Ждали мы долго. Наконец привели дядю в кандалах, с цепями. Видно было только его лицо. Увидев брата, мать охнула, спросила: «Что с тобой, душа моя?» Он был изуродован – половина усов и половина головы были чисто выбриты. Вместо ответа на вопрос сестры Бетал перевел разговор на семейные дела. Он подтвердил, что его высылают из страны, но категорически отказался от дорожных продуктов. Сказал, что всем необходимым в дороге его обеспечат и добавил: «Меня посылают далеко, так что писем от меня не ждите».

Свидание закончилось, но мы еще стояли у окошка, пока не затих звон цепей. Весь обратный путь домой мать проплакала. Она прожила сто три года, и все эти годы ждала из-за границы весточку от брата.

Таким образом, Бетал Калмыков уничтожил своего молочного брата Бетала Цимпова – одного из тех, кто мог противостоять ему. Цимпову тогда было всего сорок с небольшим. Калмыков загубил жизнь десяткам тысяч невинных сограждан, уничтожил весь цвет Кабардино-Балкарии. И Бог не простил ему: Военная коллегия Верховного Суда СССР 26 февраля 1940 года приговорила его к высшей мере уголовного наказания – расстрелу. А на второй день, 27 февраля того же года, приговор был приведен в исполнение в Сухановской тюрьме города Москвы.

Сейчас фигура палача, врага своего народа, как черная туча над городом, стоит у входа в парк. По мнению многих, памятник Калмыкову, на ремонт которого тратится более миллиона рублей, желательнее заменить табличкой с именем человека, оставившего своему народу сад-парк, которому по красоте и площади нет равных на Северном Кавказе.

Цорай КАГЕРМАЗОВ,
доктор сельскохозяйственных наук, профессор;
Анатолий ГОРДЕЕВ,
кандидат экономических наук

СТУДЕНТЫ ПРИОБРЕТАЮТ КОМПЕТЕНЦИИ РУКОВОДИТЕЛЯ

Студентам, выпускникам Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета им. В. М. Кокова, вручены удостоверения о прохождении курса повышения квалификации «Формирование управленческих компетенций».

Впервые среди аграрных вузов страны в Кабардино-Балкарском государственном аграрном университете им. В. М. Кокова разработана и реализована программа «Формирование управленческих компетенций» для выпускников университета.

Идея проректора по учебно-воспитательной работе профессора Кудаява Р. Х. о создании постоянно действующего курса по формированию у студентов управленческих компетенций и разработки его программы была поддержана ректором Апажеевым А. К. Подготовку программы курса и организацию его проведения поручили доктору сельскохозяйственных наук, профессору Кагермазову Ц. Б. и кандидату экономических наук, директору Центра профессиональной адаптации Гордееву А. С.

Значимость и востребованность этих курсов объясняется тем, что для формирования названных компетенций, как в рамках учебного процесса, так и на производственных практиках невозможно создать условия, обеспечивающие приобретение студентами навыков управленческой деятельности. Между тем, приобретение управленческих компетенций и навыков студентами старших курсов играет важную роль в их будущей управленческой деятельности, будет способствовать принятию ими адекватных производственным, экономическим и социальным ситуациям ответственных решений.

Практикой выявлена необходимость постоянного совершенствования предусмотренных образовательными программами управленческих компетенций и навыков, обусловленная меняющимися экономическими и социальными ус-

ловиями хозяйствования, расширяющимися трансформационными и интеграционными процессами, развивающимися экономическими и регулирующими функциями государства.

Именно для реализации этих целей при нашем аграрном университете создан Центр профессиональной адаптации с главной целью: подготовить выпускников вуза к реальной управленческой деятельности. Запись на курсы осуществляется на добровольной и бесплатной основе. Главное, на что обращается внимание, это успеваемость и желание студента. Курсы проводятся без отрыва от учебного процесса, трудоемкостью – 42 часа.

Программа курса включает несколько модулей, как теоретической, так и практической направленности. В числе основных тем: организационно-правовые формы предпринимательства в сельском хозяйстве, их плюсы и минусы; основы планирования и организации деятельности сельскохозяйственных организаций; производственно-экономический анализ и прогноз развития организации; современные методы работы с персоналом и формирования социально-психологического климата в коллективах; технология принятия и организации реализации ответственных управленческих решений и оценки их производственных и социальных последствий; нетрадиционные формы стимулирования и др.

Наряду с теоретическими занятиями, целью которых является углубление и приобретение новых знаний в сфере управленческой деятельности, программой предусмотрены практические ролевые семинары, круглые столы и другие активные формы обучения, способствующие формированию управленческих компетенций и навыков в условиях, соответствующих реальным производственным, экономическим и социальным ситуациям.

Программа реализуется в оборудованном учебном зале с обилием наглядного и раздаточного материала. Со студентами работают высококвалифицированные и компетентные, имеющие большой практический опыт преподаватели. В качестве экспертов на занятия приглашаются успешные предприниматели агробизнеса. В процессе освоения программы слушатели используют материалы статистической отчетности и годовые отчеты глав местных администраций муниципальных образований КБР.

Важное место в программе курса отведено освоению основ финансового менеджмента и практике оценки финансового состояния муниципальных районов и их субъектов предпринимательской деятельности. Методикой анализа предусматривается использование 12-ти оценочных индикаторов, в числе которых: рентабельность производства, продаж и активов; коэффициенты текущей ликвидности и обеспеченности собственными источниками средств. Анализ и оценку финансового состояния студенты осуществляли на базе данных конкретных муниципальных образований Кабардино-Балкарской республики, полученных Центром профессиональной адаптации по итогам проведенного им мониторинга социально-экономического развития сельских территорий КБР. Финансовый анализ завершился:

- разработкой аналитических диаграмм (см. рис.);
- выявлением «провальных» индикаторов. На диаграмме это: коэффициент автономии, эффективность управления денежными потоками; коэффициент ликвидности баланса;

**Карта состояния социально-демографической сферы
муниципальных образований КБР**

Муниципальные образования КБР	Среднемесячная заработная плата, руб.	Коэффициент рождаемости на 1000 человек	Коэффициент младенческой смертности на 1000 человек	Миграция населения, чел.	Численность безработных	Охват детей местами в ДЮ	Обеспеченность больничными койками	Обеспеченность населения врачами	Численность населения на одного врача	Обеспеченность средним медперсоналом	Число семей в очереди на жилье	Объем платных услуг	Итого баллов	Коэффициент эффективности
г. Нальчик	1	10	9	12	2	1	1	1	1	1	8	1	108	0,75
г. Баксан	5	4	5	7	-	2	2	2	3	2	5	5	101	0,70
Урванский р-н	11	5	8	10	4	4	3	3	4	3	6	4	91	0,63
Терский р-н	8	7	7	9	9	12	5	4	5	4	10	6	70	0,49
Чегемский р-н	3	3	6	11	7	10	8	6	7	9	4		75	0,52
Черекский р-н	2	8	12	2	10	11	7	10	11	8	3	12	60	0,42
Зольский р-н	7	6	11	11	5	3	10	9	10	6	9	9	65	0,45
Эльбрусский р-н	4	12	3	3	6	7	4	5	6	5	7	2	90	0,62
Баксанский р-н	10	1	4	8	11	5	12	7	8	10	-	11	56	0,39
Прохладненский р-н	12	9	10	4	3	8	9	12	2	12	2	10	63	0,44
Лескенский р-н	6	2	1	3	8	9	11	11	12	11	11	8	6	0,44
Майский р-н	9	11	2	1	1	6	6	8	9	7	1	3	92	0,64
По КБР														0,54

Примечание: В таблице цифрами отмечены места, занимаемые муниципальными образованиями по каждому социально-демографическому индикатору.

Играющим руководителям министерств и ведомств анализ данных таблиц и предложений играющих администраций районов обеспечивал более объективный подход к разработке инновационных и инвестиционных программ социально-демографического развития республики.

Живой интерес у студентов вызвала практика освоения методик принятия управленческого решения и оценки производственных и социальных последствий этого, особенно в контексте выявленных причин убыточности многих муниципальных районов, которыми стали: управленческие и коммерческие

расходы и сальдо по прочим доходам и расходам. Студентам предоставлялась возможность предложить и защитить вариант оптимизации управленческой структуры сельскохозяйственной организации.

В рамках освоения курса студенты побывали в различных должностях, в том числе: руководителя, агронома, экономиста, специалиста по работе с персоналом сельскохозяйственной организации.

Важное место в программе курса отведено социальным аспектам управления, таким, как: требования, предъявляемые к современным руководителям, освоение методики учреждения и оптимального выхода из нередко встречающихся на производстве конфликтных ситуаций. Слушатели курса имели возможность оценить свой личностный потенциал стать успешным руководителем своего бизнеса, определить те личностные качества, которые этому способствуют, и те, к которым надо относиться объективно и критически при принятии управленческих решений.

Для студентов итогом освоения программы курса стали следующие приобретенные управленческие компетенции и навыки: способность к постановке целей и поиску путей их достижения; способность принимать решения в нестандартных ситуациях и оценивать возможные последствия; способность к выбору эффективных форм стимулирования персонала; умение анализировать, объективно оценивать и прогнозировать результаты деятельности сельскохозяйственной организации; способность оценивать коммерческие риски, их последствия и готовность к оправданному компромиссу.

Высокую оценку и востребованность данного курса дали д. э. н., профессор, председатель комитета по образованию, науке и молодежной политике парламента КБР Азикова С. Г. и советник министра сельского хозяйства КБР профессор Шуганов В. М.

Свою благодарность в адрес руководства университета, организаторов и преподавателей курса высказали студенты, получившие удостоверения о прохождении курса повышения квалификации по дополнительной профессиональной программе «Формирование управленческих компетенций», с чем их поздравил ректор аграрного университета Алажев А. К. в своем заключительном слове.

ТАЙНЫ ЭТОКСКОГО ПАМЯТНИКА

Статья

В Большой Кабарде на берегу реки Этоко, правого притока Подкумка, на кургане, где вытекал источник, у нынешнего селения Этоко стояло гранитное изваяние, называемое «Дука-беком». Первым ученым, обратившим на него внимание, был немецкий естествоиспытатель Иоганн Гюльденштедт, который во время путешествия по Кавказу в мае-июне 1773 года увидел это изваяние и описал его в своей книге «Reisendurch Russlandundim Caucasischen Geburge». В дневнике И. Гюльденштедта 19 июня 1773 года отмечено: «Мы прибыли к ручью Иетока (Этоко, кабардинское ЯтIэкъуэ «глиняная балка»). На холме, на восточной стороне Иетока, от средней горы Темиркубшек, как раз на западе и севернее, ближе к красивому ручью, стоит статуя с надписями; литеры на ней похожи на (буквы памятников), упомянутых у Чегема и Баксана. Статуя у черкесов называется Дука Бек; но неизвестно, откуда она происходит. Литеры имеют большое сходство частью с греческими, частью со славянскими; кресты и (изображения) рыцаря Георгия, высеченные на монументе, показывают, что они, вероятно, созданы греческими христианами... Лицом статуя направлена на запад» (9). С тех пор историками и лингвистами были предприняты многочисленные попытки установления предназначения памятника и прочтения надписи, сделанной на нем. Однако, несмотря на проявленный к памятнику интерес, ни одна из попыток не увенчалась успехом, а выдвигавшиеся предположения не получили общего признания. Причинами столь длительного поиска ответов на стоящие вопросы являются сложность расшифровки сделанной на нем надписи и определение принадлежности самого памятника и народа, установившего его. Единственным ключом к разгадке «тайн Дука-бека» был и по-прежнему остается сам памятник.

Изваяние представляет собой мужскую фигуру высотой 2 метра 65 см, с овальным лицом и сложенными на животе руками. Фигура изображена в небольшой полусферической формы шапочке и в стеганом, плотно прилегающем к туловищу кафтане, напоминающем, по словам И. Гюльденштедта, «некоторые виды кавказского бешмета с продольной строчкой». Кафтан со стоячим воротником застегнут на четыре ромбовидные застежки и подпоясан поясом, прошитым посередине ниже лифа. На задней поверхности воротника – маленький крестик. В правой руке статуи – ритон, на поясе справа – колчан со стрелами, слева – сабля и лук. Нижняя половина фигуры имеет форму столба с надписью на неизвестном языке буквами, подобными греческой письменности, кириллице и руническому письму. Ниже надписи на передней поверхности изображены три человеческие фигуры: одна из них держит чашу, другая черпает воду из стоящего рядом кувшина, третья стоит на колене с чашей в руке. Под фигурами высечены два всадника, сражающиеся на копьях. С обратной стороны пьедестала – человек, целящийся из лука в оленя; ниже – два человека, стреляющих друг в друга из лука. На левой боковой стороне статуи – человек, который держит в правой руке поднятую саблю, в левой – цепь с пятиглавым змеем; под ним – человек с палицей на плече. На правой боковой стороне изображены

два диска: полный и закрытый на две трети; между ними – олень и собака (19); ближе к основанию – фигура человека, целящегося в оленя из ружья на подсошке (9). Учитывая обилие оружия, а также сюжетов охоты и сражений, можно предположить, что монумент предназначался воину.

Пожалуй, нет на земле места и народа, у которого не было бы желания увековечивать память о своих божествах и ушедших предках. Северный Кавказ не остался в стороне от этих веяний. «Дука-бек» относится к числу антропоморфных памятников Верхнего Прикубанья. Традиция изготовления антропоморфных изваяний появилась в Месопотамии в 6 тысячелетии до н.э. и вышла за пределы Ближнего Востока в эпоху бронзы. Первоначально изваяния носили культовый, религиозный и погребальный характер. Позже к ним присоединились художественный и эстетический компоненты. На территории Верхнего Прикубанья, Приэльбрусья и степного Ставрополя зафиксирована значительная часть антропоморфных изваяний, принадлежащих разным временам и народам. Среди этих памятников есть скульптуры воинов с крестами на головных уборах, плечах и груди, местом создания которых, по мнению С. Н. Савенко, было Верхнее Прикубанье. Из средневековых памятников этого региона выделяется группа уникальных объектов, содержащих сюжетные изображения с христианскими символами и образами с надписями на греческом языке или выполненными греческими буквами. К числу этих скульптур относят

«Дука-бека», Эльхотовский и Камбелевский кресты. Высказывалось мнение о том, что неперебиваемые с греческого языка надписи принадлежали адыгам. О связи скульптур с адыгами говорил Ф. Миллер, считавший, что они дают возможность «заглянуть в религиозные верования черкесов» (48).

Памятники славянские, скифские, тюркские, половецкие

Определение этнической принадлежности изваяний имеет значение не только для уточнения цели их создания, но и для определения степени духовного совершенства создавшего их народа. Учитывая то, что место расположения Этокского памятника находилось на пересечении путей многих народов, было бы правильно рассмотреть разные варианты возможной этнической принадлежности «Дука-бека».

Согласно толкованию Н. Н. Велецкой, исследовавшей представления славян о смерти и посмертном существовании, в рельефах средневековых архаических надгробий содержится информация о «том свете», путешествии души в загробный мир, отображение мотива космического «иноного света». Наиболее распространенными космическими знаками на средневековых южнославянских надгробиях, с которыми связывается посмертное существование, являются луна, месяц и звезды. При их сравнительном анализе раскрывается картина устремления духа умерших в космос, пути его к небосводу, вдоль Млечного Пути, к Луне и звездам, в «вечный мир». С проникновением в погребальную обрядовость христианства видоизменяются надгробные памятники, приобретая конфигурацию крестов. Хотя кресты и имеют христианский характер, но в них сохранен языческий элемент, проявлением которого являются две руки, «сложенные на груди». Также на крестах присутствует и мотив десницы, обращенной к небу. Характерными чертами славянских памятников язычества были многоликость (то есть они одновременно изображали несколько богов) и многорядность. Пантеон славянских богов включал Перуна, Волоса ~ Велеса, Дажьбога, Стрибога, Мокошь, Сварога, Трояна (4). Примером славянских памятников являются Збручский идол, идол Семаргла, статуя Трояна-Триглава, большой Шигирский идол и другие. Из них Збручский идол имел четыре лица, обращенные в разные стороны света, и три ряда: верхний ряд изображал богов, средний – людей и нижний – подземный мир; у Большого Шигирского идола было пять личин – три на лицевой стороне и две – на оборотной. С темой славянских каменных идолов тесно переплетаются каменные надгробия, изображающие некие сакральные персонажи. Обычай трансформировать языческие скульптуры в христианские поклонные кресты позволяет предположить, что некоторые найденные археологами каменные скульптуры в действительности являются надгробными памятниками и изображают персонажи, связанные с «тем светом» и путем в царство мертвых (50).

Характеризуя каменные изваяния позднего средневековья, принадлежавшие разным этническим группам, исследователи отметили ряд таких общих черт, как 1. – сходство внешних форм стоящих фигур, с удлинненными европеоидными головами, переходящими в плечи без выделения шеи, с наибольшей шириной в области плеч и заметным сужением фигур книзу; 2. – одежда и ее детали; 3. – тип оружия – слабоизогнутые сабли, подвешенные слева к поясу на двух ремешках, и одинаковые типы сабельной фурнитуры, в первую очередь – перекрестия и детали ножен; 4. – наличие в прижатой к груди правой

руке рюмкообразного сосуда или обнаженного клинка. Однако, несмотря на некоторую схожесть, изваяния имели и свои отличительные особенности, «свое лицо». Они отличались формой лица (округлая, овальная), наличием бороды или усов, позой туловища.

На стелоподобных корпусах скифских статуй обыкновенно изображались три-четыре предмета: ритон, горит (колчан для стрел), кинжал или меч. В 40% ритон представлял собой рог, который помещался в верхней (сакральной) половине туловища и был прижат к груди правой рукой. Ритон являлся олицетворением божественной силы и защиты и вместе с гривной демонстрировал сакральную власть, полученную от богов. Культурное, ритуальное предназначение ритона (рога) прослеживается еще с верхнего палеолита и присуще многим племенам и народам (36). В частности, ритон встречался как у тюркских, так и у прусских статуй. Рюмкообразные и бокаловидные стеклянные сосуды существуют с позднеримского времени. Их производство было широко распространено с 4 по 17 века от Средиземноморья до Средней Азии, включая Крым, Кавказ, Поволжье и Древнюю Русь (43). Среди азиатских и американских изваяний вместо ритона изображалась чаша, прижатая к животу руками (24). Эмблемой, маркирующей воинскую доблесть и власть военачальника, было оружие. Все оружие размещалось в нижней части изваяний, под поясом, в сфере земного бытия. Лук являлся атрибутом бога и даже мог олицетворять собой вертикальную модель мира. Он размещался на левом боку воинов, где был и горит; там же располагались кинжал и меч (36). Скифская традиция изготовления каменных изваяний в северо-причерноморском регионе прекратилась задолго до средневекового времени, поэтому говорить о возможной скифской принадлежности «Дука-бека» было бы неверно.

В тюркском мире объемная скульптура фиксируется в эпоху Второго Тюркского каганата не ранее первой половины 8 века. Основным атрибутом тюркских статуй являются усы и сосуд или оружие в одной руке. После 11–12 веков на Северном Кавказе стали распространяться половецкие статуи. Лица половецких статуй имели монголоидные черты и были подчинены строгому канону: стоящие или сидящие фигуры изображались лицом к востоку, с сосудом, прижатым к животу обеими руками (Плетнева, 1988, с. 28). Половецкие племена, как и их предки, другой традиции изготовления скульптур почти не знали (43). После поражения половцев на Северном Кавказе и на Калке (1223–1224 гг.), особенно в период монгольского нашествия в причерноморские степи (1238–1240 годы) статуи уже не ставились (12). В отличие от половецких статуй лицо Дука-бека было направлено на запад. Высказываясь о каменных изваяниях горных районов Прикубанья, Н. И. Веселовский заметил: «Какой народ воздвигал эти христианские памятники, мы точно еще не знаем, но, во всяком случае, не тюрки». Сейчас известны четыре статуи из района Пятигорья, опубликованные В. А. Кузнецовым, тюркская принадлежность которых не вызывает сомнений. Но эти изваяния значительно отличаются от верхне-кубанских как по технике изготовления, так и по изображению ряда деталей. Следовательно, каменные изваяния Верхнего Прикубанья не привнесены централизованными тюрками, а являются местными по происхождению. Подтверждением такому предположению может служить в первую очередь одежда, которая является важным этническим признаком (24а).

Одежда

О важности одежды в качестве отличительного племенного признака народности писал еще Геродот, который приравнивал одежду к языку.

Верхняя одежда

Установление эпохи, в которую носился тот или иной костюм, позволяет приблизиться ко времени изготовления памятника, на котором изображен этот костюм. Источниками по реконструкции и изучению одежды прошлых лет являются археологические материалы, иконография, письменные свидетельства, фольклор и этнологические данные. Основное преимущество археологических находок одежды, обуви и головных уборов заключается в том, что они представляют собой достоверную основу костюма. Подробное описание одежды «Дукабека» дано Т. Д. Равдоникас в «Очерках по истории одежды населения Северо-Западного Кавказа (5 век до н.э. – конец 17 века)» (44). Согласно ее описанию монумент представляет собой «мужчину в нижнем головном уборе – стеганой тубетейке, объемная стежка которой образует узор в форме полуovalов; коротком, длиной до бедер, прямом (туникообразном?) стеганом кафтане, сшитом из четырех узких полотнищ; с осевым разрезом круглого (по шее) ворота со стоячим воротником,вшитым на спине углом между расходящимися полотнищами спинки, со сходящимися полами, с поперечными застежками до талии на обеих полах. Длинные рукава от плеча до кисти покрыты вертикальной стежкой. Талию охватывает широкий пояс. Очевидно, также к 17 веку можно отнести мужскую короткую стеганую одежду с укороченными рукавами, найденную в ингушских склепах. Необходимо отметить, что показанная на Дука-беке короткая стеганая куртка с длинными рукавами, простеганными не поперек, а вдоль руки, напоминает казахский камзол, бытующий с некоторыми изменениями в покрое и поныне. Головной убор – тубетейка из равных частей, известна на Кавказе с 11–12 веков и встречается у кабардинцев в 14–15 веках и позже... Наплечная одежда и головной убор, изображенные на полуфигуре памятника, в соответствии с нашими материалами могут быть отнесены к 17 веку». По мнению автора, «на одежду адыгов западной части Северного Кавказа, очевидно, большое влияние оказывали привозимые иноземными купцами ткани и готовое платье. Кроме генуэзцев, которые в прошлом даже породнились с западными черкесами, за что были названы ими френчкардаш «франки-наши братья», на Северном Кавказе торговали французы, поляки, татары, турки из Константинополя и других частей Малой Азии, наконец, русские» (44, глава 4).

В создании горского мужского костюма принимали участие все народы Кавказа. Анализ материалов из могильников 13–17 веков на обширной территории Северного Кавказа показывает единую линию развития костюма северокавказского населения по территориальному и хронологическому принципам (10, глава 4). Сходные природные и хозяйственные условия, тесное общение друг с другом народов, веками живущих по соседству, способствовали распространению одинаковых форм одежды (29). Мужская одежда средних веков на Северном Кавказе различалась лишь качеством материала и оформлением ворота и рукавов. Для каменных изваяний позднего средневековья были характерны остроконечные головные уборы, длинные распашные кафтаны, застегивающиеся на ромбические пуговицы и подпоясанные узкими ремешками, а у части изваяний – стоячие воротники на нижних рубашках (43). Присутствие

высокого воротника на одежде, появившегося не ранее 13–14 веков, позволяет датировать памятники временем позднего средневековья (44). Согласно археологическим данным, процесс формирования горской мужской одежды Северного Кавказа средневекового периода прошел путь от длиннополых приталенных, расклеванных, распашных кафтанов 7 – первой половины 13 веков до бешмета с горизонтальными застежками и черкески с газырницами 16–17 веков. Характеризуя каменные изваяния Северного Кавказа, русский историк, археолог П. С. Уварова отмечала «совершенно особый тип каменных фигур, встречаемый на Кубани, вдоль кавказского предгорья», в одежде которых она видела «тонкие черкески, перетянутые поясом и отделанные галунным орнаментом... что напоминает нынешние» (29).

Несмотря на сходство одеяния, у каждой этнической группы имелись свои особенности, которые заключались в крое, силуэте, цветовой гамме и декоре. Так, на азиатских изваяниях не наблюдается кафтана с широко подшитыми бортами и ромбическими пуговицами (Т. М. Минаева); на половецких каменных бабах кафтаны стянуты ремнями на груди без обозначения застежек (29). По данным Т. Д. Равдоникас, исследование одежды, бытовавшей в аланской среде в течение нескольких столетий, отличается нераспашным кроем рубахи с «горизонтальным закругленным вырезом ворота, позже – с угловым грудным вырезом горизонтального ворота, длинными облегающими рукавами, несколько расширяющимся книзу подолом, неширокими длинными штанами, мягкими сапожками» (29, глава 3).

По сравнению с аланской, для одежды средневековых адыгов были характерны бешмет и черкеска (62). Об одежде адыгов в эпоху позднего средневековья позволяют судить остатки одежды из курганов Прикубанья, Черноморского побережья Кавказа и Пятигорья, изображения мужских и женских фигур на металлических предметах, найденных во время раскопок, а также из описаний путешественников по Кавказу. На Этокском памятнике изображен бешмет с горизонтальными застежками. Застежки относились к украшениям, нашиваемым на ткани почти вплотную друг к другу с образованием как бы нагрудного панциря. Функциональность застежек заключалась в скреплении пол кафтана. Изображение застежек на антропоморфных изваяниях появилось в конце 3 – начале 2 века до н.э. (42). Если пронаблюдать эволюцию форм застежек на археологическом материале, то в более древние времена застежка представляла собой одну широкую пластинку с выпуклостью и накидной петлей. Постепенно она удлинялась, пока не приняла вид современных украшений в виде горизонтальных планок с выпуклостью в центре и петлей для застегивания. Они нашивались на полы верхней одежды на небольшом расстоянии друг от друга. Подобная форма украшения издревле сложилась на Центральном Предкавказье. Кавказскую принадлежность памятника подтверждает описание, данное Х. Костоевым в «Кавказском оружии»: «На кавказских каменных бабах мы встречаем бронзовый рубчатый воротник, стоя защищавший шею и затылок, в то время когда голова была покрыта шлемом. Шлем был в виде низкой шапки, через которую крестообразно проходил овальный рубец, и такой рубец шел вокруг шапки. Верхняя часть не поднималась высоко и защищала своею массивностью лучше, чем остроконечный шлем» (27). По мнению В. Ф. Миллера, основные части одежды «Дука-бека» относятся к местной Кавказской традиции (35, стр.124). С мнением В. Ф. Миллера согласен Живко Войников,

считающий, что «включительно одежда воина и форма шляпы показывают параллели с кабардинским костюмом 16–17 веков (6, глава 7).

Головной убор

На статуе «Дука-бека» изображен головной убор полусферической формы, в котором, по мнению А. Я. Кузнецовой, «угадываются все те же кавказские черты». У многих народов Центрального Кавказа в одно и то же время сосуществовали различные по конструкциям головные уборы прямой, конической и полусферической форм (29). В качестве головного убора в 14–15 веках на Северо-Западном Кавказе были широко распространены тюрбетейки из парчи или шелка на шелковой подкладке, которые состояли из прямого околыша и верха из четырех клиньев. По швам тюрбетейка украшалась шнуром или вышивалась шелком. Мужчин хоронили в тюрбетейках – нижнем головном уборе или подшлемнике. Ее остатки найдены в погребениях этого времени на Черноморском побережье Кавказа, в Кабарде, Пятигорске, Белореченских курганах (44). Подобный головной убор изображен и на голове «Дука-бека». При описании мужской одежды кабардинцев Адам Олеарий в 1636–1638 годы писал: «Одежда мужчин похожа на дагестанскую, но шапки кабардинцев несколько шире и очень похожи на иезуитские...»

Кроме тюрбетейки, среди народов Предкавказья был распространен другой головной убор, так называемый калансуву. По описанию Георгио Интериано, именно калансуву бытовал у адыгов в 15 веке. По словам Т. Д. Равдоникас, «по всей видимости, высокий колпак с острым верхом и тюрбетейка существовали на Кавказе у разных этносов одновременно, но в то время как тюрбетейка служила нижним головным убором, колпак был убором верхним» (44, глава 4).

Оружие

Необходимым дополнением и важным конструктивным элементом, входившим в общий комплекс горской одежды, было оружие. Среди деталей Этокского памятника большое значение имеет ружье на подшошке. Скульптор не мог отобразить не существовавшие в его бытность предметы, так как они должны были быть привязанными к человеку, которому был посвящен памятник. Изображение на памятнике огнестрельного ружья вынуждает отказаться от возможности изготовления монумента в первые века н.э. Как известно, началом эры огнестрельного оружия считается 14 век, когда вышел в свет трактат монаха Бартольда Шварца «О пользе пороха» (1), и появилось первое огнестрельное оружие в Европе (15). Впервые примитивную огневую артиллерию использовали монголы (54). Согласно историческим данным, в 1241 году в битве при Легнице монголы уже имели огнестрельное оружие (41). К началу 15 века появилось усовершенствованное огнестрельное оружие, которое, спустя сто лет, стало применяться на Кавказе, получив широкое распространение к 18 веку. Здесь оно долгое время сосуществовало с луком и стрелами. Поскольку Кавказ не прошел через начальный этап становления огнестрельного оружия, он получил возможность присоединиться непосредственно к самым современным технологиям, отработанным к тому времени в Турции и на арабском Востоке. Так, горцы (как, впрочем, и весь Восток) практически не были знакомы с колесцовыми замками, а сразу начали использовать удобные и надежные ударно-кремневые (26, глава 2). Предположительно, именно на Ближнем Востоке не

позже начала 16 века появился ударный кремневый замок (5). В 16 – начале 17 века на Кавказе использовали тип ружья с коротким стволом крупного калибра с расширением на конце, вроде карабина (41,27). На памятнике изображено не просто огнестрельное ружье, а ружье с подсошкой. Так как первое огнестрельное ружье имело большую массу, стрелок был вынужден применять подставку или подсошку, на которую помещался ствол ружья перед выстрелом. По мере усовершенствования ружья и облегчения его веса подсошка практически вышла из употребления. Это произошло к концу 17 века (5). Таким образом, изображение ружья с подсошкой позволяет сузить рамки времени создания монумента и предположить, что он мог быть установлен в промежутке между 16 и концом 17 века.

Кроме ружья заслуживает внимания и другой атрибут вооружения – сабля. Сабля у кавказских народов появилась на рубеже 13 века и отличалась от других разновидностей сабель конструктивными особенностями клинка и рукояти. На Кавказе было распространено несколько видов сабель, место изготовления которых можно было определить по украшавшему их орнаменту. Особенной орнаментикой на стальных и серебряных деталях оружия выделялось дагестанское холодное оружие. К сожалению, отсутствие таких тонкостей на монументе не позволяет воспользоваться ими. Каждая из сабель имела свои особенности, позволявшие отличить ее от других. Наиболее характерными были турецкая и персидская сабли с прямой рукоятью, крестовиной с перекрестием на эфесе. Персидские сабли представляли собой типичный образец восточного оружия с длинным клинком. Клинки наиболее известной персидской сабли «шампер» были узкими, большой кривизны с плавным изгибом. Небольшая тонкая рукоять имела маленькую головку и прямую длинную крестовину (46). Иранские и турецкие клинки обладали сильной изогнутостью до 45 градусов; грузинские же палаши 18–19 веков были с прямым клинком (21). Для среднеазиатских сабель была характерна национальная форма с узким клинком небольшого изгиба и простой рукоятью, имеющей очень маленькую прямую крестовину и большую головку, немного отклоненную назад (46). Особенностью кавказских сабель была небольшая крестовина, которая вместе с перекрестием выполнялась как единая целая деталь и представляла собой два пересекающихся под прямым углом железных стержня (стальные крестовины на Кавказе и Закавказье не встречаются) (38). Из кавказских сабель М. Л. Стрельченко выделяет два типа «адыго-кабардинских» образцов 14–15 веков: с крестообразным массивным перекрестием и эфесом в виде полумесяца, причем второй тип отличается от первого большей длиной всей сабли (до 115 см) и большим углом наклона рукояти в сторону лезвия (14 градусов). По мнению А. Х. Нагоева, отличительной чертой кабардинских сабель являются прямые перекрестия, изогнутые же эфесы больше характерны для западных адыгов (37). Изображенная на памятнике сабля имеет широкий короткий клинок слабой кривизны с прямым перекрестием и острым концом. Хотя сходство ее с кабардинской саблей и не является бесспорным аргументом для определения ее принадлежности, тем не менее, оно свидетельствует в пользу местной природы.

Благородному Селиму, о Аллах, ты даришь мир.
Видно, он со дня рожденья Твой возлюбленный
кумир.
Но зачем-то в нашем мире, где любовь –
как власть судьбы,
По Твоей же воле всюду вслед за ним идет вампир.

Жизнь сама – как музей между адом и раем.
Мы, как божья свеча, в полном мраке пылаем,
А зритель-творец в душу жар добавляет
Для священной нужды, для нужды, что не знаем.

Обиды злые ранят душу, а уберечь ее – увыл...
Все эти в мире испытанья для человека не новы.
И дар богов, и дар отчизны скрепляет узел бытия,
Но почему-то так бывает, что и неправые правы.

О, сколько дней с вином я в кабаках провел,
И как я во хмелю себя в слезах извел.
Когда я слышу крик осла у кабака,
Шепчу себе: «О, мир, куда меня привел?»

Не только нас судьба казнит, но и молва людская,
Когда на жертвенной стезе народ молчит, икая;
Когда в теснинах бытия душа болит в обиде,
А суета сует шумит, от истин отвлекая.

Когда в борьбе и жизнь, и смерть проходят испытанье,
К чему готовит нас судьба, дав языку стенанье.
И что же зримо в сладком сне из света и из мрака,
Когда Всевышний в сердце шлет в тех образах посланье.

В чайхане вино уж в тягость, от него одна тоска,
Будто небо разыграло драму жизни у виска.
Где-то жизнь совсем иная, как в оазисах вельмож,
Где журчит арык, как песня, среди шороха песка.

У кого-то жизнь – как тягость, у кого любовь – кошмар,
Где разлука – ликование и блаженный тайный дар:
Ни божественной свирели, ни смятенья, ни слезы...
О, безумная природа, – буйной юности разгар.

Когда презренье сменит зависть и простота уймет печаль,
А беднота с беспечным смехом найдет в гармонии причал,
Какой же век наступит в мире из суматох ценнейших драм,
Где понимание цинично трепещет у твоих начал.

Я играю на кумузе и на чанге каждый день,
Навожу людские сплетни, будто тени на плетень.
А народ проходит мимо, что ему – о чем пою,
Он не судит и не хвалит, он еще не встал с колен.

Бабье лето. Паутина на ветвях в родном краю,
Потому и серенадой бабье лето вам пою.
Бабье лето – как посланье неоконченной любви,
Где в мгновеньях – страсть и память, даже нега, как в раю.

Бьет челом народ, бунтует, а потом в молитвах весь:
Так сбиваем всенародно застоявшуюся спесь.
Кормчий ждет нас у причала, рулевой глядит в туман,
Будто там зовет к надежде колдовской священный лес.

Хвала иная хуже брани, когда она сестра хулы,
Когда разносится в аиле от досточтимого муллы.
Мулла ведь как бы провозвестник, к нему – и вера, и боязнь,
Когда невнятные посулы в ознобе века так теплы.

Своим ходом, год за годом доберемся до мечты,
Где меж небом и землею будет родственность почти.
А пока тропу проторим через тернии борьбы,
Ты, мой друг, судьбу людскую звездной сказкой в нас прочти.

В этом году весна пришла рано, из высыпавших повсюду цветов исходил дружный аромат, будто созывая рои молодых неугомонных пчел. Из прежней нашей жизни возник и повсюду раскинулся волшебно манящий образ тайны, где мы с тобой строили причудливые мечты, забывая о странностях мира, и пленительная тревога мерцала одухотворенностью надежды.

Я помню, ты тогда будто пугалась своих возвышенных чувств и старалась закрыть свое сердце девичьими слезами, окрыленными неизвестной судьбой. В такие минуты я пытался сердцем поймать твои трепетные чувства и поместить их в поющий мир моего душевного простора. Я понимал, что между нами стоял безмолвный порыв сердечного родства, скрывающий тайный трепет волнения. А сердце старалось найти в своем смятении силу, которая могла бы преодолеть эту завесу, и боролась со всей своей неисчерпаемой теплотой. Мы тогда не понимали, как может звучать язык прощания, какими красками окрашена судьба и сколько может сохраниться теплота наших безгрешных душ.

О, непостижимые слезы томящейся любви, вы – как невысыхающие ро-синки нашей любви, изнемогающие в жертвенном смятении. О, разве все это исчезло, и в муках рождения любовь осиротела, не успев возрасти?! И разве у нашего счастья есть только прошлое, что хранится между страниц в книге жизни?!

Мне почему-то кажется, что мелодии и краски этой ранней весны – посланцы твоих далеких и грустных песен, что похожи на воздушный поцелуй, легкий и теплый, прилетевший от нашей весны, до сих пор не нашедший себе душевного приюта, – бедные скитальцы любви, что жадно слушают каждый вздох поющих сердец под луной.

О, весна, посланница слез и умиления! Ты явилась ко мне вновь, чтобы потревожить мое усталое сердце, оживить его трепетом воспоминаний, преодолевая угнетающую тишину ночных глубин, лежащих покрывалом на моих осиротевших чувствах.

О, нежданная и негаданная посланница моей ревнивой юности, ты окружила меня своей безмолвной заботой, и мне кажется, будто каждый ее цветок смотрит на меня сочувственно и ласково, с пониманием своего значения для моих растревоженных воспоминаний.

О, годы любви и незримая тайна желаний, безмолвных мук, постижение боли...

О, душа, трепещущая перед лаской весеннего ветра, разносящего поющий мир сердечного простора...

О, бедное осиротевшее сердце, ты не успело взрастить вспыхнувшую в тебе любовь и сгорело вместе с ней жертвенной судьбой...

в Черкесии в первой половине XIX века. «Черкесский вопрос» в этих условиях актуализировался и стал составным элементом восточного вопроса в международной политике. Публикация основана на донесениях французской консульской службы, которые, в отличие от разнообразной английской дипломатической документации, мало используются в отечественном кавказоведении. Вводятся в научный оборот материалы французского историка-архивиста Мишеля Лезюра «Франция и Кавказ в эпоху Шамиля в свете донесений французских консулов». Они содержат обзор документов французских консульств из Турции, России и черноморского побережья Кавказа, извлеченных из архива МИД Франции. Анализ французской консульской корреспонденции

позволяет увидеть, что политическое влияние и интерес официальных кругов Франции к кавказскому региону, в том числе Черкесии, были традиционно слабыми в отличие от Англии.

Издание адресовано научным работникам, преподавателям, студентам, а также всем, кто интересуется историей и политической культурой народов Кавказа.

* * *

В издание вошли опубликованные ранее доклады, статьи и монография известного российского историка Александра Михайловича Некрасова, отражающие авторскую позицию по многим ключевым вопросам политической истории народов Северо-Западного Кавказа и Крыма в период позднего средневековья.

Книга адресована научным работникам, преподавателям, студентам, а также всем, кто интересуется историей и политической культурой народов Кавказа и Крыма.

В оформлении обложки использованы «Портолан Черного моря» Фредуче Анконского (1497) // «Черкесия в картах XIV–XIX веков» (Краснодар, 2011); гравюры «Кабардинское посольство направляется в Кремль» и «г. Терки» из книги Адама Олеария «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно» (СПб., 1906).

А. М. НЕКРАСОВ – ВОСТОКОВЕД

Известный советский и российский историк-востоковед Алексей Михайлович Некрасов родился в 1958 г. в Москве. Выходец из семьи служащих, близкий родственник профессора кафедры строительной механики Томского технологического института, министра Временного правительства, кадета Н. В. Некрасова (1879–1940).

В 1975 г. он поступил на исторический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. В 1980 г. с отличием окончил

университет по кафедре истории СССР периода феодализма и сразу же поступил в очную аспирантуру Института истории СССР АН СССР. В 1983 г., по окончании аспирантуры, по ходатайству своего научного руководителя, д.и.н. А. П. Новосельцева, зачислен в штат института.

В 1984 г. блестяще защитил кандидатскую диссертацию на тему «Западный Кавказ в системе международных отношений последней четверти XV – первой половины XVI в.». Последовательно занимал должности младшего научного сотрудника, научного сотрудника, старшего научного сотрудника, ученого секретаря и заместителя директора института. С 1995 по 2014 г. – преподаватель Государственного академического университета гуманитарных наук (Института истории). С 1998 по 2010 г. также работал консультантом и переводчиком в негосударственных организациях Москвы. С 2011 г. – сотрудник правительства Москвы.

По оценкам большинства специалистов (Д. Ю. Арапова, С. П. Карпова, М. С. Мейера, А. П. Новосельцева, А. Л. Хорошкевич, И. В. Зайцева и многих других), А. Н. Некрасов продолжил лучшие традиции отечественной ориенталистики.

Отличительной чертой исследовательского метода Некрасова является максимально полный охват всех репрезентативных источников в оригинале. Знание современных европейских языков позволяло ему быть в курсе последних выводов западной историографии. Помещенные в настоящем издании работы разных лет позволяют увидеть и определенную эволюцию взглядов А. М. Некрасова на ряд проблем истории средневековой Восточной Европы (к примеру, характер османской политики в регионе и некоторые другие), изменение оценок значения отдельных источников для изучения данной темы («Дневников» М. Сануто и др.). Во многом под влиянием своего учителя А. М. Некрасов параллельно изучал древнерусскую историю сквозь призму ее восточных контактов. Исследовательский опыт ученого в этой части сводится к определению культурного влияния Востока как важнейшего элемента складывания древнерусской народности.

Уже в своей кандидатской диссертации он, используя огромное количество неопубликованных документов центральных архивохранилищ страны, дал фундированную панораму политической истории феодальных владений Западного Кавказа в контексте интересов крупнейших держав Средневековья – Османской империи и Московского государства. Вдумчивое, серьезное отношение к анализу фактического материала, критическое осмысление историографического наследия позволило А. М. Некрасову выработать новый взгляд на ключевые события адыгской истории периода позднего Средневековья. Исследуя геополитическую динамику региона конца XV первой половины XVI в.,

он впервые в отечественной науке сумел убедительно показать весьма значимую роль северо-восточных и северо-западных адыгских княжеств в системе военно-политических взаимоотношений государств восточноевропейского региона. Решению этих задач были посвящены монография «Международные отношения и народы Западного Кавказа. Последняя четверть XV – первая половина XVI в.» (М.: Наука 1990) и многочисленные статьи. Изучение этого хронологического периода исключительно важно для понимания исторических предпосылок складывания прорусской ориентации адыгских княжений к середине XVI в.

Автор пользуется целым комплексом как новых, так и хорошо известных науке источников. Нарративные источники были представлены русскими летописями, средневековыми османскими хрониками, записками европейских авторов о Причерноморье и Западном Кавказе. Посольская документация, в первую очередь, включила русские «посольские книги» и дипломатическую переписку XV–XVI вв. из архивов Турции. Например, впервые так широко А. М. Некрасов пользуется средневековым османскими хрониками (Мехмед Нешри «Зеркало мира», «История дома османов Ибн Кемаля, «История Сахиб-Гирей-хана» Реммал-ходжа и др.) и целым рядом крымско-татарских сочинений. Последние анализируются в тесной связке с документами XV–XVI вв. из государственных архивов Турции, опубликованными французскими историками под руководством А. Беннигсена в сборнике «Крымское ханства в архиве музея дворца Топкапы». Среди сочинений европейских авторов есть работы, которыми давно пользуются отечественные исследователи (И. Барбаро, А. Контарини, Дж. Интериано, М. Меховский и др.), так и малоизвестные, как М. Сануто.

Большой заслугой А. М. Некрасова следует признать выявление места и роли Северо-Западного Кавказа в геостратегических планах и практике Османского государства, зависимости реализации его экспансионистских замыслов на главных направлениях – западноевропейском и ближневосточном от позиций империи на Кавказе. С вопросом о характере османской политики на Северо-Западном Кавказе тесно связан вопрос об эволюции взаимоотношений Османского государства и Крымского ханства. В частности, историк выдвинул новаторский для своего времени тезис о несовпадении внешнеполитических устремлений Стамбула и Бахчисарая в отношении адыгских княжеств.

А. М. Некрасов дает картину существенного изменения международной ситуации в Восточной Европе во второй половине XV в. в связи с распространением на данный регион экспансионистских замыслов Османской Турции. Османская агрессия против народов Южной и Центральной Европы началась еще во второй половине XIV и создала серьезную угрозу для всех европейских стран. Автор справедливо считает, что рост и укрепление Османского государства были тесно связаны с захватническими войнами. Складывание в середине XV в. единого государства, окончательное оформление его политической и социальной структуры способствовали изменению характера войн, которые постоянно велись султанами. С этого времени постепенно «грабительские набеги отходят на второй план, уступая место борьбе за политическое господство Европе и Азии». Вместе с тем, военная добыча, доходы с захваченных территорий оставались важным источником обогащения османских феодалов.

Обобщая внешнеполитический опыт османского правительства последней четверти XV – первой половины XVI в., А. М. Некрасов выступает против упрощенной интерпретации политической системы османов: «стремление увидеть в действиях султанов... четко осознанное осуществление единой задачи наступления на Восточную Европу неизбежно влечет за собой серию гипотез, не находящихся подтверждения в источниках».

Во второй половине XV в. внешнеполитическая активность османских султанов распространилась на Северное Причерноморье. В 1475 г. здесь были захвачены последние генуэзские колонии с центром в Кафе. Под властью султанов оказалось и Крымское ханство, выделившееся еще в первой половине XV в. из распадающейся Золотой Орды в качестве самостоятельной политической единицы. Подчинение ханства османам не было единовременным актом: процесс превращения ханства в вассала османских султанов занял ряд лет и завершился утверждением на престоле зависимого от султана хана Менгли-Гирея.

Совершенно справедливо Некрасов считает, что для крымских ханов набеги на соседние земли – русские, литовские, молдавские, адыгские – были важнейшим источником обогащения. Проникновение османского влияния в Северное Причерноморье сразу же сказалось на адыгских народах, первыми попавших в сферу завоевательных интересов султанов и крымских ханов.

С начала XVI в. начинается серия осmano-иранских войн за господство на Ближнем Востоке. Войны султанов с шахами Сефевидского Ирана длились с перерывами почти весь XVI в. и продолжались затем в первой половине XVII в. Одним из главных театров военных действий было Закавказье, на которое претендовали обе стороны. Исключительно важное значение для султанов имело обладание северокавказским путем, связывавшим османские владения в Причерноморье с Закавказьем. Путь шел через земли адыгов и Дагестан к Дербенту. Иранские шахи, в свою очередь, стремились укрепить свои позиции в Дагестане. Важным средством укрепления крымско-османского влияния на Северном Кавказе было распространение ислама среди местных народов.

Уже во второй половине XVI в. русские источники сообщают, что адыгские князья присягали по «мусульманскому закону». Вместе с тем, османский автор XVII в. Эвлия Челеби указывает, что адыги стали мусульманами лишь недавно, а итальянец Дж. Лукка тогда же заметил, что «одни из них магометане, другие следуют греческому обряду».

Со второй половины XV в. наблюдается активный интерес представителей рода Сефевидов к проникновению на Северный Кавказ, а именно в бассейны Терека и Кубани. Речь идет о четырех походах в промежутке между 1459 и 1488 г. главы ордена сафавия шейха Джунайды и его сына Хайдара Сефеви. Богатый эпиграфический материал, опубликованный Т. М. Айтберовым, позволяет считать главной задачей отмеченных походов «...ведение священной войны с неверными черкесами» и рассматривать их как первоначальное звено в начавшемся осmano-иранском противоборстве за сферы влияния на Северном Кавказе. Позже надгробная надпись 1553 г. с шамхальского кладбища в Кумухе (Дагестан) все еще называет черкесов «неверными», т.е. немусульманами. Все это говорит о том, что распространение ислама среди адыгов не было особенно успешным.

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ: ПОЧЕМУ ЧЕЛОВЕКУ И ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ ЭТО НЕОБХОДИМО?

Кроме определений, приведенных в предыдущей статье [«ЛКБ» № 6, 2015], существуют ещё десятки определений понятия «устойчивое развитие». Следует иметь в виду, что «формулирование определения во многих случаях предопределяет распознавание или даже постановку проблемы. В определении обнаруживает себя сущность явления. Без определений невозможны описание проблемы, оценка ситуаций, доказательство результатов, презентация идеи. Существуют правила конструирования определения, которые нельзя нарушать, если стремиться к адекватности реальности, научной корректности, концептуальной значимости» [1].

Однако большинство предлагаемых определений устойчивого развития не вполне соответствуют этим правилам, а самое главное, не удовлетворяют критериям научного, выраженного в универсальных мерах. Но дело не только в тех или иных определениях. Как отмечает Б. Е. Большаков [2]: «Главный вопрос в том, репрезентируют ли предлагаемые теоретиками устойчивого развития модели мир, как он есть (со всеми его потенциальными)? И если репрезентируют, то в какой мере? Если угодно, отображают ли они объективную реальность (естественно, в соответствующем аспекте)?»

Напомним, что Международная Комиссия по окружающей среде и развитию (МКОСР, комиссия Г. Х. Брундтланд) сформулировала в 1986 году своё определение устойчивого развития так: «*Устойчивое развитие подразумевает удовлетворение потребностей современного поколения, не угрожая возможности будущих поколений удовлетворять собственные потребности.*»

Справка. В 1992 г. на Конференции в «Рио» принципы устойчивого развития были приняты главами правительств более чем 150 стран.

Спустя 12 лет, в 1999 г., на международных конференциях под эгидой ООН обсуждается новое определение устойчивого развития в целом как *устойчивый рост свободной энергии*.¹

Не сразу можно заметить, что противоречия в этих определениях нет. Оба определения выражают суть процесса устойчивого развития, но на разных языках. Первое определение дано на языке обыденного сознания, а второе на научном языке в терминах измеримых величин.

Словосочетание «возможность удовлетворять потребность» есть бытовое понижение научного понятия «роста свободной энергии». И эту связь между понятиями «возможность», «потребность» и «полезная мощность» мы подробно рассмотрим в дальнейшем.

¹ Например, на международной научно-практической конференции, посвященной обсуждению программы ООН «Устойчивое развитие городов», проходившей в июне 1999 г. в Москве под эгидой ООН, было заявлено, что «на Генеральной ассамблее ООН принято новое определение устойчивого развития в целом как устойчивый рост энергии» (Социальные, экономические и экологические аспекты устойчивого развития городов. Материалы научно-практической конференции мэров городов России. Московский проект программы ООН «Устойчивое развитие городов». «Знание», 1999).

Но почему такая практическая организация, как ООН, вынуждена обсуждать перевод с обычного языка на научный? Что послужило практической причиной для такого перевода?

Причиной явилась ситуация, сложившаяся на нашей планете. Будем разбираться. Для начала поставим три вопроса:

1. Что у нас есть?
2. Что нужно иметь?
3. Как обеспечить переход от того, что есть, к тому, что нужно иметь?

Эти три ключевых вопроса стоят перед каждым человеком, и каждый выбирает свой путь. Что у нас есть? У нас есть Земля, и она только одна. Если на Землю взглянуть из Космоса, то будет видно, что это небольшой остров в огромном безбрежном океане, и уплыть с этого острова пока мы не можем. И вот на этом острове сложилась ситуация, суть которой очень кратко и образно можно охарактеризовать выражением: «Жизнь на земле в опасности».

Когда с такой проблемой сталкивается один или несколько человек, то каждый ищет решение по-своему. Если оставить все, как есть, тогда вопрос остается открытым и опасность для жизни сохраняется для семи миллиардов людей, которым некуда бежать, и нужно выработать общее правило, которое поможет сделать правильный выбор. Таким правилом и должны стать **принципы устойчивого развития**.

Суть сегодняшней ситуации в мире можно охарактеризовать как выбор:

Либо **экономический рост**, несогласованный с законами природы и основанный на увеличении потребления природных ресурсов, а следовательно, **увеличении потерь**, что, в конечном счете, приводит к исчерпанию ресурсной базы и разрушению природной среды;

Либо **развитие**, согласованное с законами природы, основанное на повышении эффективности использования природных ресурсов, то есть за счет **уменьшения потерь посредством включения в процесс возобновляемости многих источников природного сырья**. Если выбирается первый путь, то неминуема гибель цивилизации. Если второй, то – сохранение жизни и возможность удовлетворять текущие и будущие потребности.

Комиссия Г. Х. Брундтланд сформулировала принцип устойчивого развития на основании следующих своих выводов:

1. За последнее столетие взаимоотношения между человеком и планетой, обеспечивающей его жизнедеятельность, в корне изменились – возникла угроза существования цивилизации и жизни на Земле.

2. За последние сто лет темпы потребления и, следовательно, экономический рост резко возросли. В производство было вовлечено столько ресурсов, сколько за все прошлые века существования человека.

3. Процессы экономического роста, не согласованные с возможностями природной среды, явились причиной возникновения тенденций, влияния которых ни планета, ни ее население не смогут долго выдержать.

4. Экономический рост разрушает природную среду, приводит к экологической деградации, а это, в свою очередь, подрывает процесс экономического роста.

5. В настоящее время регионы мира сталкиваются с риском необратимого разрушения окружающей среды, который грозит уничтожением основ цивилизации и исчезновения живой природы Земли.

6. Речь идет не об отдельных глобальных кризисах (экологическом, экономическом, продовольственном), а о едином кризисе глобальной мировой системы **человек – природная среда**.

7. Скорость разрушения окружающей человека среды превосходит возможности современной науки в их осмыслении и не позволяет своевременно оценить происходящее и внести соответствующие рекомендации.

8. Если такой экономический рост сохранится, то через несколько десятилетий неизбежна деградация природной среды, а это, в свою очередь, приведет к подрыву всей экономики, всей системы жизнеобеспечения Земли.

Какие причины и симптомы побудили МКОСР сделать такие выводы?

Комиссия выделила четыре основные причины:

- экономический рост;
- рост бедности;
- выживание;
- взаимосвязанные кризисы.

Рассмотрим их:

Экономический рост

• Вся история человечества – это неубывающий рост потребления природных ресурсов и прежде всего энергии, от 2500 ккал/сутки до 250 000 ккал/сутки.

В настоящее время на каждого человека в среднем работает 100 невидимых рабов (природные ресурсы и орудия труда).

• За последние 100 лет темпы потребления резко возросли. В производство вовлечено столько ресурсов, сколько за все предыдущие тысячелетия. В 80-х годах в каждый год впредельвались десятилетия. Годовой выпуск товаров в мире равен общему объему Европы за всю ее историю.

• Темпы роста экономики около 3% в год. Темпы роста продуктивности живого вещества – менее 1% в год. Если такие темпы сохранятся, то через 50 лет (оценка на 1985 год) может возникнуть критическая ситуация.

Дальнейший несогласованный рост будет смертелен для цивилизации и всего живого на Земле. Поэтому нужен новый подход.

Рост бедности

Субъектом увеличения темпов роста потребления природных ресурсов, и прежде всего – энергетических, являются промышленно развитые страны. Ресурсы выкачивались из слаборазвитых стран. Доходы, получаемые от реализации ресурсов, распределялись несправедливо.

80–90% оставались в промышленно развитых странах, 10–20% – в слаборазвитых странах.

При этом численность населения развитых стран – 1,2 млрд человек, а в слаборазвитых – 5,8 млрд человек.

В результате несправедливого распределения дохода сложилась такая ситуация:

- 1–1,5 млрд человек ежегодно голодают;
- 1,3 млрд – лишены источников питьевой воды;
- 3 млрд – живут в антисанитарных условиях.

Союз африканских стран выставил богатым странам претензии на \$700 млрд.

Численность населения удваивается каждые 40 лет.

Если сейчас население Земли составляет около 7 млрд человек, то к 2040 г. ожидается 12 млрд человек.

Из них: 10 млрд в слаборазвитых странах,
2 млрд в развитых.

Поэтому проблема бедности может только обостряться. Однако (!) рост бедности усиливает нагрузку на окружающую среду, так как бедные люди вынуждены рубить лес, чтобы обогреться; резать скот, чтобы прокормиться, и т. д. Это, в свою очередь, подрывает экономический рост. Поэтому экономика и экология связывает бедных и богатых звеньями одной цепи. Выбраться из этой сети старыми средствами простого экономического роста невозможно. Необходим новый подход.

Выживание

Экономический рост породил проблему ухудшения состояния окружающей природной среды:

Тепличный эффект – выбросы CO₂ – изменение климата.

Порог 45 лет (оценка на 1985 г.).

Нарушение слоя атмосферного озона (аэрозоли, пенопродукты) – катастрофа для жизни людей.

Порог пока не предсказуем.

Загрязнение воздуха – гибель лесов, водоемов.

Порог – 30 лет.

Токсичные отходы.

Порог пока неизвестен.

Опустынивание.

Ежегодно теряется 6 млн га плодonoсящей земли.

Порог 30–40 лет.

Гибель различных видов животных.

Ежедневно исчезает до 70 видов.

Нарушение трофических цепей питания.

Потеря лекарств.

Опасность ядерной войны.

Физическое уничтожение живого на планете.

Что есть общего во всех этих негативных тенденциях? Общим является уменьшение мощности природной среды, то есть ее работоспособности в единицу времени.

Это приводит к уменьшению производительности ресурсов, сокращению продуктивности, что ведет к подрыву экономического базиса и экономики в целом, грозит жизни на Земле.

Следовательно, возникает замкнутый круг. Выбраться из него старыми методами невозможно. Нужен новый подход.

Взаимосвязанные кризисы

Экономический рост разрушает природную среду, а экологическая деградация подрывает экономику. Эта фундаментальная связь стала очевидной лишь в 80-е годы в процессе выявления кризисных явлений в экономике и экологии.

Если раньше тревогу вызывали последствия экономического роста для окружающей среды, то теперь тревожат последствия экологического стресса.

Если раньше констатировали резкий рост экономической взаимозависимости стран, то теперь налицо ускоренное развитие экологической взаимозависимости стран.

Границы стали пористыми. Экология и экономика переплелись между собой на всех уровнях: местном, региональном, национальном и глобальном – формируя сверхсложную систему причин и следствий.

Развитие не может осуществляться, когда деградирует ее ресурсная база. Невозможно обеспечить сохранение окружающей среды, когда рост не учитывает финансовые убытки, связанные с разрушением окружающей среды. Эти проблемы не могут решиться в отрыве одна от другой. Они взаимосвязаны в единой системе природа – общество – человек.

Нет просто экологических проблем, как нет и чисто экономических проблем, но есть единые проблемы развития окружающей человека среды.

Поэтому экология и экономика должны быть полностью интегрированы в процессе принятия решений и подготовки законов не только для сохранения природной среды, но и для обеспечения социально-экономического развития.

Таковы основные причины, побудившие МКОСР сделать вывод о том, что экономический рост, основанный на безудержном потреблении ресурсов, и, прежде всего, энергетических, породил глобальный кризис мировой системы.

Прежние подходы устарели и только увеличивают неустойчивость и риск существования жизни.

Нужен новый подход к развитию, который бы обеспечил сохранение развития человека во взаимодействии с окружающей его средой не в нескольких местах и на протяжении нескольких лет, а на всей планете и в длительной перспективе.

Литература

1. Коротков Э. М. Исследование систем управления. М., 2000.
2. Большаков Б. Е. Наука устойчивого развития. Книга I. М., 2011.

ЦИФРЫ И ПРОЦЕССЫ

Население Земли к началу нового века и нового тысячелетия составляло 6 055 049 000 человек. За XX век количество людей выросло почти в 4 раза, а за ближайшие 50 лет вырастет еще на треть. По расчетам специалистов, к 2050 году на Земле будет проживать около 9 000 000 000 человек.

Самой большой, доминирующей религией является **Христианство** (33,0 % общего населения).

Пятая часть населения Земли исповедует **Ислам** (19,6 % населения Земли).

13,4 % исповедуют **Индуизм**.

6,4 % – **Китайская этническая религия**.

5,9 % – **Буддисты**.

3,6 % – **Этнические религии**.

1,7 % – **Новые азиатские религии**.

Менее одного процента составляют следующие малые религиозные группы:

Сикхисты (Sikhs) – 23 млн человек, ок. 0,3 %.

Иудансты – 14 млн человек, ок. 0,2 %.

Бахансты – 7 млн человек, ок. 0,1 %.

Приведенные цифры наглядно показывают распределение религий в мире. Но религия динамична. Для полного представления о религии необходимо знать динамику ее развития и иметь возможность сопоставить ее с динамиками других религий. Таким образом, мы получим представление не только о жизнеспособности нашей религии, но и о глобальных процессах, происходящих в области религий.

Основные цифры и процессы:

I. Население Земли

Ежегодно рождается 124,3 млн человек, что составляет 2,05 % населения.

Ежегодно умирает 52,7 млн человек – 0,87 % населения Земли.

Разница рождаемости и смертности дает нам цифру реального прироста населения – 71,6 млн человек, или 1,18 % населения Земли в год.

Распределение населения по континентам (убыванию):

I. Азия

На территории Азии находится 50 стран, в которых проживает 3 696 988 087 человек, что составляет 61 % всего населения Земли и почти в пять раз превышает следующий за Азией (по величине населения) континент – Африку.

II. Африка

Африка находится на первом месте по количеству стран – 60 стран. В Африке живет 13 % населения Земли, или 784 537 686 человек.

III. Европа

Европа вплотную следует за Африкой, уступая ей только 1 % – 728 886 949 человек, или 12 % населения Земли. В Европе находится 48 стран.

IV. Латинская Америка

Население 46 стран Латинской Америки составляет 8,6 % населения Земли (519 137 936 человек).

V. Северная Америка

На предпоследнем месте находится Северная Америка. Население – 309 631 092 человек, что составляет 5 % населения Земли.

VI. Океания

0,5 % (30 393 392 человек) населения Земли проживает на территории Австралии и островах Океании в 28 странах.

Из газеты «Трибуна Ислама»

НЕБЕСПОЛЕЗНЫЕ СОВЕТЫ

- Не ставь себя на одну доску с дураком, споря с ним.
- Не будь слишком взыскательным к недостаткам близкого человека.
- Помни, что идеальных людей не бывает, и ты – не исключение.
- Не поноси бывшую жену последними словами, ибо этим ты оскорбляешь былую любовь, позоришь себя и своих детей.
 - Дети страдают из-за глупости взрослых.
- Не пользуйся слабостью ребенка, женщины и пожилого человека и не глумись над ними, даже если они провинились в чем-то. Будь великодушен!
- Друзья не даются сверху, их выбирают.
- Справедливых руководителей уважают, а несправедливых боятся.
- На юбилейных торжествах много неискренности и фальши. На устах у всех мёд, а в душе некоторых – яд.
- Никчемный начальник создает вокруг себя слабое окружение, чтобы на этом фоне выглядеть великим, умным деятелем.
 - Политик, делящий свой народ на своих и чужих, обречен на банкротство.
- Настоящая любовь у каждого одна. Другие ее проявления – всего лишь временные увлечения, но это обнаруживается с годами.
 - Суть женской природы – быть красивой, чтобы понравиться мужчине.
 - Завистник старается принижать заслуги друга.
 - Невежественный человек самодоволен и нахален.
 - Невежда лишен чувства критической самооценки и считает себя безгрешным во всем и везде.
- Старайся не превосходить друзей, дабы не вызвать в них зависти и ненависти.
 - Нехватка ума восполняется кулаком.
 - Власть, взятая насильственным путем, недолговечна и кончается тем же.

В номере:

К 100-летию со дня рождения А. О. Шогенцукова. <i>Очерки</i>	2
Юбилей Главной библиотеки. <i>Очерк</i>	22
Марьям Яндиева. «Горестный клич»: Одинокий голос человека. <i>Статья</i>	29
Борис Гусалов. Разрыв-трава. <i>Гл. из романа</i>	37
Жанна Кулиева. «Служу всей жизнью и сполна...» <i>Статья</i>	50
Светлана Моттаева. <i>Стихи</i>	53
Памятные даты. Эльмесов Х. Ц., Налоев А. Х., Хавпачев Х. Х., Теппеев А. М., Урусбиева Ф. А. <i>Биогр. очерки</i>	71
Бурхан Берберов. Наньк и Айю. <i>Рассказ</i>	76
Аскер Додуев. Птица в небе. <i>Стихи</i>	82
Хыйса Османов. Схватка в холодной балке. <i>Рассказ</i>	90
«Золотое перо». Стихи участников творческого объединения (г. Прохладный)	95
Ибрагим Гукемух. Амулет. <i>Рассказ</i>	105
Федор Ошевнев. У каждого – свое. Шоколадный символ воли. <i>Рассказы</i>	109
Михаил Герандоков. Командир, боец и наставник. <i>Очерк</i>	115
Марина Балаева. Двойной юбилей – двойная радость. <i>Очерк</i>	120
Тамара Эфендиева. Эльдар Кайсынович Кулиев – актер и режиссер. <i>Очерк</i>	123
Борис Бербеков. Глядя на мир, нельзя не удивляться. <i>Очерк</i>	133
Милена Муратова. Мистер Икс снимает маску. <i>Очерк</i>	135
Заур Махошев. Лауреат «Большой Оперы». <i>Очерк</i>	138
Игорь Терехов. Отдел назывался «ПИФ». <i>Очерк</i>	141
Хаути Кумыков. По следам мамлюков. История одной фотографии. <i>Очерки</i>	150
Цорай Кагермазов, Анатолий Гордеев. Студенты приобретают компетенции руководителя. <i>Статья</i>	155
Мадина Тубекова. Тайна Этокского памятника. <i>Статья</i>	160
Хасани. Рубаи. <i>Миниатюра</i>	168
<i>Книжные новинки.</i> Историческая серия	171
Сафарби Тлупов. Устойчивое развитие... <i>Статья</i>	176
Цифры и процессы. <i>Информация</i>	181
Хадис Пхешхов. Афоризмы	182

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов

*В номере использованы фотографии
Любы Холаевой и Артура Елканова*

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации.

Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

по Кабардино-Балкарской Республике

ПИ № ТУ 07-00101 от 24.12.2014 г.

Подписной индекс 78452

Компьютерная верстка *Е. Г. Бит-Сава*

Дизайн первой страницы обложки *Юрия Сабанчиева*

Подписано в печать 28.07.16. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 12,5.

Тираж 2096 экз. Заказ № 469. Стоимость одного номера по подписке
через ФГУП «Почта России» – 32,04 руб., за 6 мес. – 96,12 руб.

В розницу – цена свободная.

Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.

Тел.: главный редактор – 40-03-24,

редакторы, бухгалтерия – 42-75-22,

сайт: pressa.smikbr.ru,

e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано в типографии «Печатный двор»,
г. Нальчик, ул. Калюжного, 1

Материалы для журнала принимаются в распечатанном виде с электронной версией.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публицистических статей может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Авторы сами несут ответственность за достоверность своих материалов. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением личных данных (ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер контактного телефона).
